

Факультет гуманитарных наук и искусств
Колледж иностранных языков и культур
Отделение славистики

**ПОДХОД К ТВОРЧЕСТВУ В. А. ЖУКОВСКОГО
В РУССКИХ ГИМНАЗИЯХ XIX В.**

Магистерская работа
студентки отделения славистики
Ольги Фрайман

Научный руководитель —
проф. Л. Н. Киселева

Тарту 2016

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Этапы развития гимназического образования в России XIX века и место В. А. Жуковского в гимназических программах.....	9
I. Первый период гимназического образования (1804–1824).....	9
II. Второй период существования российской гимназии (1824–1855).....	12
III. Третий период российской гимназии (1855–1865).....	19
IV. Четвертый период гимназического образования. Министерство Толстого–Делянова.....	23
V. Новые веяния.....	27
Глава 2. Творчество В. А. Жуковского в российских хрестоматиях XIX века для учащихся низших классов гимназий и народных училищ.....	31
Приложение к главе 2. Таблица частотности текстов В. А. Жуковского в рассмотренных хрестоматиях для низших классов средних учебных заведений России XIX века.....	56
Глава 3. Эволюция подхода к изучению биографии и творчества В. А. Жуковского в российских гимназических хрестоматиях и учебниках XIX века.....	61
Приложение к главе 3. Таблица частотности текстов В. А. Жуковского в рассмотренных хрестоматиях для старших классов российских средних учебных заведений XIX века.....	104
Заключение.....	109
Список использованной литературы.....	113
Kokkuvõte.....	125
Lihtlitsens.....	127
Kinnitus.....	128

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена одной из частных проблем формирования русского литературного канона, а точнее — той его части, которая связана с именем В. А. Жуковского и русской педагогической практикой XIX века. Школьный литературный канон имеет прямое отношение к большому общенациональному канону, как показывает, в частности, работа группы литературоведов, итоги которой представлены в коллективной монографии «Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX века и поэтический канон», вышедшей в Тарту в 2013 году. С развитием среднего образования в России возникает необходимость в формировании школьного литературного канона. Школа, с одной стороны, использует тексты уже известные, признанные «лучшими» или «хорошими». С другой стороны, тексты часто получают статус «лучших», «классических», в первую очередь, благодаря вхождению в школьные хрестоматии и книги для чтения (см. об этом: [Лейбов]; Сенькина). Дидактические школьные приемы (особенно заучивание наизусть) помогают тексту закрепиться в коллективной памяти, но со временем какие-то устаревшие фрагменты канона замещаются новыми. Этот процесс также можно проследить по хрестоматиям и книгам для чтения.

В нашей работе мы постараемся показать, какое место в школьном литературном каноне XIX века занимал В. А. Жуковский. К тому моменту, когда поднимается и начинается обсуждаться вопрос о том, какие произведения каких авторов следует изучать в школе, Жуковский уже занимает почетное место среди лучших российских писателей, поэтому неудивительно, что его имя входит уже в самые первые русские хрестоматии и программы по русской словесности. Интереснее проследить, какие именно тексты (и фрагменты текстов) в какой период предлагается изучать в школе, как меняется подход к изучению творчества и биографии В. А. Жуковского на уроках русской словесности и какие факторы могли вызвать изменения. Это и станет целями данной работы — описание концепций изучения творчества В. А. Жуковского в дореволюционных российских гимназических хрестоматиях в диахроническом аспекте, составление списка «хрестоматийных» текстов В. А. Жуковского, сформировавшегося в

школьной практике XIX века, фиксация изменений в этом списке и интерпретация возможных причин этих изменений. Исследование того, каким образом, в каком объеме и с каких точек зрения изучалось творчество и биография поэта в средних учебных заведениях России XIX века покажет, какие тексты были наиболее актуальными для большинства учившихся и окончивших средние учебные заведения в означенный период людей. Данные, собранные в ходе работы, в дальнейшем могут быть использованы для интертекстуальных исследований. Интересно было бы проследить, какие из «хрестоматийных» текстов Жуковского отразились в творчестве русских писателей и поэтов, прошедших курс русской словесности в гимназии по одной из программ XIX века (продолжавших свое существование и в начале XX века), а значит — как они повлияли на русскую литературу в целом.

Наше исследование во многом опирается на методологические принципы и материал упомянутой коллективной монографии «Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон». В частности, в данной работе мы будем использовать анализ текста с привлечением историко-литературного контекста. Для нас особенно важны две статьи из вышеупомянутого сборника: статья А. Сенькиной «Изящная словесность как дидактический материал: к истории русской литературной хрестоматии (первая половина XIX в.)» и статья Л. Н. Киселевой «„Неканоничный“ канонический текст („Боже, царя храни“ В. А. Жуковского в дореволюционной школе)». В статье А. Сенькиной нас интересует описание истории развития педагогической литературы по курсу словесности в дореволюционной России, а также принципов построения хрестоматий XIX столетия. Л. Н. Киселева ставит проблему функционирования государственного гимна «Боже, царя храни», текст которого был написан Жуковским, в дореволюционных российских гимназических хрестоматиях. Проанализировав ряд наиболее популярных и продержавшихся наиболее долгое время школьных хрестоматий XIX века, Л. Н. Киселева приходит к выводу о том, что национальный гимн «Боже, царя храни» стоял особняком от всего остального корпуса текстов Жуковского и не входил в школьный поэтический канон. Более востребованным в школьной педагогической практике оказался ранний лирический вариант гимна, который более соответствовал тому образу Жуковского, который формировали авторы школьных хрестоматий и учебников. Подводя итоги исследования, Л. Н. Киселева пишет:

В дореволюционной России В. А. Жуковский имел как бы двойной статус: с одной стороны, великого поэта, поэтического учителя Пушкина и, с другой, воспитателя царя-освободителя Александра II, близкого ко двору человека, закономерно оказавшегося в роли автора официального гимна. Как это ни покажется парадоксальным, этот «второй» Жуковский среднюю школу совершенно не интересовал [Киселева: 98].

В нашей работе мы сверялись с «Базой данных по русским хрестоматиям и книгам для чтения», составленной А. В. Вдовиным, доступные нам источники просмотрели *de visu*, а также пользовались предоставленными Р. Г. Лейбовым отсканированными материалами. В некоторых случаях обнаруживались расхождения с «Базой данных» Вдовина. Оказалось, что в «Базе» отражены не все тексты Жуковского, а в ряде случаев поэту ошибочно приписываются произведения других авторов (например, «Воздушный корабль» М. Ю. Лермонтова в хрестоматии П. Полевого 1872 года и «Громвал» Г. П. Каменева во второй части хрестоматии И. Пенинского 1834 года). Эти небольшие погрешности объясняются тем, что иногда в самих хрестоматиях встречаются дефекты: не все тексты Жуковского указаны в оглавлении, хотя они есть в книге, часто приводится не оригинальное название текста или автор указывается ошибочно, указатели не всегда полны. Некоторые хрестоматии не учтены в «Базе» (например, хрестоматия Филонова 1873–78 годов), что также определенным образом влияет на общую картину. По всем хрестоматиям Филонова, имеющимся в «Базе», перечислено 7 текстов Жуковского, а в хрестоматии 1873–78 гг. мы насчитали их 19.

Отдельные важные данные, касающиеся нашей темы, представлены во вступительной статье Р. Лейбова и А. Вдовина. Так, исследователи, говоря об изменениях в составе знаменитой хрестоматии А. Д. Галахова, замечают, что «процессы «банализации» и упрощения претерпела на протяжении XIX в. и поэзия Жуковского, и Батюшкова, и Языкова» [Вдовин, Лейбов 2013: 17].

Еще одно важное для нашей темы исследование — статья «Формирование литературного канона русского романтизма» [Лану]. Автор показывает, как в русских гимназических учебниках словесности, издававшихся в первой половине XIX века, постепенно меняется представление о месте и роли В. А. Жуковского в русской литературе. Исследовательница указывает на то, что «с конца 40-х годов XIX века воззрения Белинского стали стержнем учебников литературы» [Лану: 36]. В ходе нашей работы мы убедились в справедливости этого замечания.

А. Лану отмечает близость некоторых авторов учебников к правительственным кругам, некоторые из них служили в цензурном комитете и даже в Третьем отделении, что придает написанным ими учебникам статус официальных. К разряду таких учебников А. Лану относит «Опыт краткой истории русской литературы» Н. Греча. С последним утверждением мы не можем согласиться, ведь в первой половине 1820-х гг. Н. И. Греч принадлежит еще к кругу либеральных литераторов, «вытрезвился от либеральных идей» он, по собственному признанию, позже, к 1825 г. [Греч 1930: 694]. В этом учебнике Жуковский объявляется основоположником романтической школы в России. Исследовательница показывает, как постепенно в школьных учебниках словесности Пушкин отодвигает Жуковского на второй план, а из произведений Жуковского начинают цениться те, в которых наиболее явным образом проявилась народность («Светлана», «Двенадцать спящих дев»).

Отчасти перекликается с темой нашего исследования бакалаврское сочинение «Жуковский в Эстонии и в эстонском культурном контексте в XIX – начале XX вв.», защищенное в 2007 году на отделении русской и славянской филологии Тартуского университета [Рооп]. Вторая глава работы Л. Рооп носит название «Творчество В. А. Жуковского в программах учебных заведений Эстонии с 1885 до 1917 года». На основании анализа учебных планов и программ конкретных учебных заведений Эстонии и других архивных источников автор приходит к выводу, что в учебных заведениях Эстонии словесность преподавали по общероссийским программам, а в них Жуковскому отводилось весьма почетное место.

Если Л. Рооп выбирает в качестве основного материала для своего исследования учебные программы конкретных гимназий, то нас будут прежде всего интересовать хрестоматии и учебные книги, мы также не вводим территориальных ограничений.

Учитывая первоначальное отсутствие общей программы по курсу русской словесности и исключительное многообразие и несходство между собою постепенно появляющихся программ разных гимназий¹, мы находим

---

¹ А. Д. Галахов в статье «О программах преподавания русского языка с церковнославянским и словесности в гимназиях», опубликованной в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1865 году, рассматривает донесения о программах по курсу русской словесности в различных городах Российской империи. Оказывается, что программы эти имели между собой мало общего и представляли иногда совершенно противоположные взгляды на преподавание этого предмета:

наиболее перспективным методом изучения хрестоматий, книг для чтения и учебников словесности XIX века, включающих тексты Жуковского. Мы ограничим круг рассматриваемых хрестоматий наиболее репрезентативными (выдержавшими наибольшее количество изданий, упоминающимися другими авторами и критиками), разделив все изученные пособия на две группы: для младших классов (и народных училищ) и для старших классов гимназии.

В первой главе мы кратко опишем основные этапы становления среднего образования в России XIX века, обращая в первую очередь внимание на преподавание русского языка и словесности и на то, какое место отведено В. А. Жуковскому в различных учебных программах и планах. Основными источниками для нас послужили: труд «История гимназического образования в России (XVIII и XIX век)» [Алешинцев], материалы, публиковавшиеся в «Журнале Министерства народного просвещения», «Полное собрание законов Российской империи» [Законы] и изданные отдельно программы средних учебных заведений России XIX века.

Во второй главе нас будут интересовать хрестоматии по русской словесности для младших классов российской гимназии XIX века, а также русские хрестоматии для народных училищ. Мы выделим корпус текстов В. А. Жуковского, встречающихся в просмотренных нами детских хрестоматиях, определим наиболее частотные из них.

В третьей главе нашего исследования мы обратимся к хрестоматиям для старших классов российской гимназии XIX века. Мы постараемся показать, как меняется набор текстов В. А. Жуковского в разных хрестоматиях и подход к их изучению и попробуем проанализировать причины этих изменений. Наиболее частотные тексты Жуковского, входящие в русские хрестоматии, будут представлены в таблице. В этой же главе будет затронута проблема изучения биографии В. А. Жуковского в школе. Мы продемонстрируем, как и когда биография Жуковского входит в школьные хрестоматии и учебники, какие пропуски и умолчания допускают авторы биографий, когда, наконец, биография

«Программы преподавания русского языка и словесности в гимназиях, составленные гг. преподавателями этих предметов, прежде всего и больше всего поражают своим крайним разнообразием, происходящим от отсутствия ясносознаваемых, общих начал в обучении. Это различие выражается во взглядах как на самую науку, так и на цель и способ ее изложения. Не только программы разных округов, но и программы в гимназиях одного и того же округа даже в низших и высших классах одной и той же гимназии, не согласны между собою касательно самых существенных вопросов преподавания» [Галахов 1865: 99–100].

поэта обогащается подробностями. Мы постараемся показать, какими источниками пользовались авторы учебных изданий, в каких отношениях между собой находились биографические статьи о Жуковском в разных учебниках и хрестоматиях.

В Заключении подведены итоги работы и намечены перспективы дальнейшего исследования нашей темы.

ГЛАВА 1

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ГИМНАЗИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ XIX ВЕКА И МЕСТО В. А. ЖУКОВСКОГО В ГИМНАЗИЧЕСКИХ ПРОГРАММАХ

Для того чтобы хотя бы в общих чертах представить, насколько подробно в действительности могли изучаться на уроках тексты и биография В. А. Жуковского, представленные в различных хрестоматиях и учебниках XIX века, необходимо обратиться к учебным планам гимназий и сравнить количество учебных часов, отведенных на предмет «русский язык и словесность». Кратко перечислим основные этапы исторического развития преподавания русского языка и русской словесности в российских гимназиях, опираясь главным образом на труд И. Алешинцева «История гимназического образования в России. XVIII и XIX век» [Алешинцев], впервые опубликованный в 1912 г., но до сих пор не утративший актуальности.

I. Первый период гимназического образования (1804–1824).

И. Алешинцев ведет историю российской гимназии от 5 ноября 1804 г. За два года до этого, в 1802 г., было образовано министерство народного просвещения — министерство «воспитания юношества и распространения наук»². 24 января 1803 г. было издано постановление «Об устройстве училищ». Оно предполагало, что в гимназиях «будут читаны и переводимы сочинения, служащие к образованию сердца и подающие чистое понятие о законе Божию и гражданских обязанностях» [Законы: 441]. 5 ноября 1804 г. вышел устав учебных заведений, подведомственных университетам. В учебный план гимназий 1804 г. «русский язык» (и тем более «русская словесность») как предмет еще не входил. Перечень книг, которые должны быть в библиотеке при гимназии, также не включает в себя

---

² Заметим, что в год основания министерства в журнале «Вестник Европы» напечатано стихотворение В. А. Жуковского «Сельское кладбище», именно его поэт считал своим поэтическим дебютом.

произведений русских писателей и поэтов. По мнению Алешинцева, авторы учебного плана 1804 г. считали курс русского языка уездного училища достаточным. В его двухгодичный курс входили следующие интересующие нас предметы:

Предметы	Классы	Количество учебных часов в неделю
Грамматика российская и местных языков, должности человека и гражданина	1	6
Чистописание	1	5
Правописание	1	3
Правила слога	2	3

В 1811 г. С. С. Уваров, вступивший в должность попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, впервые ввел предмет «словесность и ее история» в учебный план Санкт-Петербургской гимназии. Этот предмет вводится в последнем, седьмом, высшем классе гимназии (на него отводилось 4 учебных часа в неделю, далее — УЧН; необходимо уточнить, что учебный час тогда длился 1 час 15 минут). Однако уже в первом классе в программу вошло «чтение». В учебном плане Уварова предметы, относящиеся к русскому языку и словесности, распределены следующим образом:

Предметы	Классы	Количество УЧН
Чтение гражданское	1	8
	2	2
Чтение церковное	1	4
Грамматика и диктант	3	4
Грамматика с упражнениями в слоге	4	4
Риторика и упражнения в слоге	5	4
	6	2
Логика	5	2
	6	2

Однако в общем учебном плане гимназий 1819 г. мы еще не находим предметов «русский язык и словесность». Из в какой-то мере пересекающихся со словесностью можно назвать только «логику и риторику».

В списке учебных книг, употреблявшихся в российских гимназиях к 1822–23 гг., приведенном Алешинцевым [Алешинцев: 87], так же, как и в «списке годных к употреблению учебников», составленном С. Румовским, Н. Озерецковским и Н. Фусом [Алешинцев: 84–85], мы не находим ни одной русской хрестоматии или учебной книги по истории русской словесности.

Итак, в первый период существования российских гимназий — с 1804 по 1824 г. (до момента, когда новым министром народного просвещения был назначен А. С. Шишков), российская словесность еще не изучалась повсеместно в качестве отдельного предмета. Кроме уже названной Санкт-Петербургской гимназии, было еще несколько исключений.

Первое — это Главное Немецкое училище св. Петра в Петербурге. Н. И. Греч, служивший старшим учителем русского языка в этом заведении, составил по поручению директора первую (известную нам) русскую хрестоматию — «Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе» (СПб., 1812). Однако эта хрестоматия служила, прежде всего, целям обучения русскому языку как неродному и предоставляла образцы русских художественных текстов для упражнений в переводе на немецкий язык (или же, наоборот, для сравнения переведенных с немецкого текстов с оригиналом). Уже в этой первой хрестоматии мы находим два текста В. А. Жуковского: сокращенный вариант повести «Вадим» и «Кабуд путешественник». Заметим, однако, что хрестоматия Греча — это сборник прозаических текстов, а Жуковский, прежде всего, — поэт, и широкую известность он приобретет лишь после 1812 года.

Второе исключение — Прибалтийские губернии. Согласно учебному плану гимназий, подведомственных императорскому Дерптскому университету, опубликованному в 1821 г., русский язык должен был преподаваться во всех пяти классах гимназии, всего 19 часов в неделю (за все классы), причем в программу входило и «чтение хорошего прозаика и поэта».

Отсутствие предмета «русская словесность» в гимназии в это время объясняется естественными причинами: с одной стороны, по словам Карамзина, «истинных писателей было у нас еще так мало, что они не успели дать нам образцов во многих родах» [Карамзин: 124], с другой стороны, не был еще

сформирован школьный литературный канон, как не были еще четко сформулированы те принципы, на основании которых художественные произведения отбирались бы для изучения в школе. Как мы постараемся показать, этот процесс будет происходить при взаимодействии литературного процесса, литературной критики, педагогической деятельности и трудов авторов русских хрестоматий и учебников, политических изменений, цензуры, новых педагогических течений и развивающейся науки о словесности.

II. Второй период существования российской гимназии (1824–1855).

Алешинцев называет второй период истории русской гимназии «царствование Николая I», но начало периода связывает с влиянием личности адмирала А. С. Шишкова, в 1824 г. (еще при Александре I) назначенного новым министром народного просвещения. Шишков, основатель «Беседы любителей русского слова», бывший государственным секретарем и автором всех важнейших военных манифестов и рескриптов времен Отечественной войны 1812 г., патриот и яростный обличитель западных (в первую очередь, французского) тлетворных влияний и в это время уже почтенный старец, со свойственным ему неистовством резко критикует действия своих предшественников, участвовавших в деле народного просвещения. В предложении Главному правлению училищ он пишет о том, что у министерства народного просвещения нет единого плана, которым можно было бы руководствоваться, не приготовлены были учебные книги, которые годились бы для единообразного преподавания наук в гимназии. Имеющиеся учебные книги Шишков, в 1815 г. писавший мнение о цензуре для Государственного совета, находит неудовлетворительными, более того, — опасными³, развращающими юные неокрепшие умы. Учебные заведения, по мнению Шишкова, заражали юношество «карбонарством». Он приступил к

---

³ «После того появились еще худшие сочинения и переводы, также и произвольные, вере нашей и монархическому управлению противные, преподавания правил по рукописным тетрадям, за которые правительство, открывая оные, предавало наставников суду. Многие в разных училищах возникавшие от сего беспорядки и продерзости, строгостию и наказанием обузданные, показывали от сих худых начал таковые же и плоды. Приемля все сие в рассуждение, почитаю я необходимо нужным принять надлежащие меры: <...> извлечь из того постоянные правила, какие из худых или ненужных наставлений, вкравшихся в преподавание наук, оставить, искоренить и обратить к началам, основанным на чистоте веры, на верности и долге Государю и Отечеству, на спокойствии, пользе и приятности общежития» (цит. по: [Алешинцев: 102–103]).

разработке нового учебного плана, в основу которого были положены среди прочих следующие принципы:

- 1) «Воспитание народное по всей империи, несмотря на разность вер, ниже языков, должно быть русское»;
- 2) «Все иноверное российское юношество должно учиться нашему языку и знать его»;
- 3) «Язык славянский, т. е. высокий и классический, российская словесность повсеместно должны быть вводимы и одобряемы»;
- 4) «Не должно терять из вида особенно того, что одно обучение не есть воспитание и даже вредно без возделывания нравственности, которой христианину вне церкви, нигде найти не можно; что Государь и польза Отечества требуют от воспитания юношества верных сынов церкви и верных подданных, людей преданных Богу и Царю, и что в сем только смысле человек просвещенный должен быть почтен благовоспитанным» [Алешинцев: 103–104].

Развращение умов А. С. Шишков связывает с нерусским воспитанием российского дворянства, тлетворным французским влиянием, овладевающим сознанием русских молодых людей через французский язык и «карбонарские и революционные книги» [Бороздин: 615], а лучшими средствами излечения от этой заразы считает обращение к русскому воспитанию, церковнославянскому языку и православной вере. Человек благовоспитанный, по Шишкову, — это человек, преданный Богу, царю и отечеству.

После вступления на престол Николая I программа Шишкова приходится как нельзя более ко двору. В 1826 г. создается Комитет устройства учебных заведений, который разрабатывает новый устав низших и средних учебных заведений, утвержденный в 1828 г. Этот устав был принят уже при новом министре народного просвещения — князе Ливене, но разработан был в соответствии с указаниями предыдущего министра и председателя комитета — А. С. Шишкова. По новому уставу, предмет «российская словесность и логика» расположен на втором месте в таблице предметов сразу после «закона Божиего» (такой порядок следования сохранится до конца XIX века), а по количеству УЧН занимает второе место после латинского языка:

Предметы	Классы	УЧН
Российская словесность и логика (в гимназиях с греческим языком)	1	4
	2	4
	3	4

	4	3
	5	3
	6	3
	7	2
Российская словесность и логика (в гимназиях без греческого языка)	4	3
	5	3
	6	3
	7	2

Было составлено также «Распределение предметов по классам». «Российская словесность и логика» должна была изучаться в следующем порядке:

«1 класс: Начальные основания этимологии, с изустным и письменным упражнением в склонениях и спряжениях.

2 класс: Полное объяснение этимологии. Упражнения в разборе грамматическом.

3 класс: Объяснение правил правописания, упражнения в правописании и разборе грамматическом. Предложение и период.

4 класс: Синтаксис и стопосложение. Выучивание легких стихотворений, правописание и объяснение периодов. Практические упражнения в слоге. Славянская грамматика.

5 класс: Начало логики и риторики, упражнения в логическом и риторическом разборе периодов и кратких сочинений. Переводы с иностранных языков на русский. Упражнения в славянской христоматии <так!>.

6 класс: Окончание логики, риторики. Извлечение из лучших писателей; упражнения в переводах и легких сочинениях.

7 класс: Пиитика с кратким разбором образцов. Краткая история Российской словесности» [Алешинцев: 123].

Мы сравнили это распределение разделов по классам с учебным планом Санкт-Петербургской гимназии 1811 г. и обнаружили довольно серьезные расхождения в подходе к преподаванию русского языка и словесности. Как кажется, это объясняется тем, что учебный план 1811 г. был составлен С. С. Уваровым под влиянием его личных предпочтений во время активной литературной войны между «архаистами» и «новаторами»⁴. С. С. Уваров, «новатор», состоявший в дружеских отношениях с В. А. Жуковским, четко разделяет в своем учебном плане «чтение гражданское» и «чтение церковное», причем уроки «церковного чтения» предписаны только для первого класса, а на «гражданское чтение» выделяется в два раза больше учебных часов в неделю (4 против 8). По учебному

⁴ По определению Ю.Н. Тынянова.

плану Шишкова 1828 г., в рамках предмета «российская словесность и логика» изучается «славянская грамматика» и предусматриваются «упражнения в славянской христоматии». Интересно, что С. С. Уваров — бывший противник А. С. Шишкова в литературной полемике, входит в комиссию и является также одним из соавторов устава 1828 г., но в новой политической ситуации арзамасские «вольности» уходят в прошлое. Фактически, побеждает программа серьезной и патриотической «Беседы», ведь «целью «Беседы» было укрепление в русском обществе патриотического чувства при помощи русского языка и словесности» [Бороздин: 613].

Новое распределение предметов по классам, на наш взгляд, отражает взгляды А. С. Шишкова, главного «архаиста», на русский литературный язык, изложенные в частности в его знаменитом «Рассуждении о старом и новом слоге русского языка» (1803). Славянский язык по программе не отделяется от русского⁵, а изучение «российской словесности» начинается с этимологических штудий. А. С. Шишков, как известно, увлекался этимологией [Бороздин: 615]. Несмотря на то, что несостоятельность научных взглядов А. С. Шишкова была очевидна многим просвещенным современникам, а сам адмирал часто становился предметом насмешек, его программа оказалась востребованной в николаевское время.

Кроме того, находясь в должности министра народного просвещения, А. С. Шишков ввел преподавание всех предметов на русском языке, в том числе, и на окраинах Российской империи (для некоторых округов были, правда, сделаны исключения). Для того чтобы поступить на гражданскую службу, необходимо было иметь свидетельство о хороших успехах в русской словесности⁶. Учителями и директорами гимназий назначались только русские, усилился надзор за учебными заведениями, исключались из преподавания

---

⁵ Ср. в «Прибавлении к рассуждению о старом и новом слоге русского языка»: «В самом деле, если славенский язык отделить от русского, то из чего же сей последний состоять будет? Разве из одних татарских слов, как то: лошадь, кушак, колпак, сарай и проч.; да из площадных и низких, как то: калякать, чечениться, хохлиться и тому подобных; да из чужестранных, как то: гармония, элоквенция, серьезно, авантаж и проч.?». И далее: «Славенский язык есть корень и основание русского языка; он сообщает ему богатство, разум, силу, красоту. Итак в нем упражняться и из него почерпать должно искусство красноречия» [Шишков 1824: 359]. В сочинении «О красноречии Священного Писания» был задан вопрос: «Отколе родилась неосновательная мысль, что славенский и русский язык различны между собою?» [Шишков 1825: 55] (подразумевалось — от пагубного иноземного влияния).

⁶ Даже домашние учительницы в Прибалтийских губерниях должны были подтвердить знание русского языка. См.: [Требования].

политические науки и естественное право, вводились дополнительные уроки русского языка, сокращалось при этом преподавание риторики и поэзии, а учителя не могли свободно выбирать темы для ученических сочинений — они назначались университетским правлением.

Изменение в распределении предметов в учебном плане, принятое в 1849 г., не затронуло существенным образом интересующих нас предметов, хотя изменилось название предмета: «русский и славянский языки», на который добавился 1 УЧН в 7 классе. Теперь по количеству часов этот предмет оказывается наравне с математикой. Кроме того, появляется разделение учеников на готовившихся на службу и готовившихся к поступлению в университет. В 4 классе для первых вводится 2 дополнительных УЧН русского языка, предназначенных для практических занятий.

В 1833 г. министром просвещения становится С. С. Уваров, но общая тенденция осталась та же: унификация, надзор, контроль за благонадежностью, верностью монарху. С. С. Уваров чутко уловил направление мыслей Николая I и выразил идеологию государства в своей знаменитой триаде: «Православие. Самодержавие. Народность». В циркуляре, разосланном попечителям учебных округов, Уваров писал:

Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование, согласно с Высочайшим намерением Августейшего Монарха, совершалось в соединенном духе Православия, Самодержавия и народности. Я уверен, что каждый из гг. профессоров и наставников, проникнут будучи одним и тем же чувством преданности Трону и Отечеству, употребит все силы, дабы соделаться достойным орудием Правительства и заслужить полную доверенность онаго [Уваров: XLIX–L].

Следующее изменение распределения предметов в учебном плане было введено в 1852 г. Добавляется 2 часа русского языка в 4 классе (всего 5 УЧН). «Русский язык» теперь делит первое место с математикой. В классических гимназиях «русский язык» сохраняет то же распределение часов, которое мы видим в уставе 1849 г., и выходит на первое место. На втором месте — латынь.

Вместе с циркуляром о новом распределении учебных часов было разослано и «Наставление преподавателям русского языка и словесности в гимназиях Санкт-Петербургского округа», составленное И. И. Срезневским. В нем рекомендуется изучать «историю отечественной литературы как часть истории отечественной образованности, умея ценить благодеяния Правительства,

постоянно старающегося утвердить эту образованность на началах христианской нравственности и своебытной народности» [Алешинцев: 188–189]. Как легко заметить, И. И. Срезневский сверяется с идеологическим курсом, указанным С. С. Уваровым. Изучение словесности, по Срезневскому, должно происходить с точки зрения теории, истории и практики. На литературу собственно отводится по одному УЧН в 5 и 6 классах — для знакомства с образцовыми писателями, отечественными и иностранными. Главная же задача преподавателя русского языка — научить выпускника гимназии выражаться по-русски без ошибок и «до некоторой степени с изяществом» [Алешинцев: 185]. Устанавливаются также «читательные беседы», которые должны проходить под надзором инспектора или учителей, по распоряжению директоров. Тексты для таких чтений выбираются учителем словесности и должны быть одобрены директором, запрещено читать журнальные повести и романы, рекомендуются статьи о путешествиях, исторические статьи, этнографические и т. д. Директора гимназий обязаны сообщать об этих беседах, темах и участниках попечителям учебного округа два раза в год [Алешинцев: 186]. На наш взгляд, такие чтения отчасти могли компенсировать дефицит уроков словесности, однако при таких условиях ученики не могли ни выбирать тексты, ни свободно высказываться о прочитанном. Просуществовали «читательные беседы» недолго и в 1856 г. были отменены.

В 1852 г. происходит важное событие в истории преподавания словесности — А. Д. Галахов совместно с Ф. И. Буслаевым создают первую учебную программу по русскому языку и литературе. Вот как об этом пишет Ф. И. Буслаев в «Моих воспоминаниях»:

Кроме того Галахову же поручил Ростовцев⁷ составить подробную программу обучения русскому и церковнославянскому языкам, теории словесности и истории литературы, как отечественной, так и иностранной. В этом деле принимал участие и я, сколько мог, по своей специальности, именно: по грамматике, стилистике и по древнерусской и народной словесности [Буслаев: 75].

Судя по «Базе данных по русским и провинциальным учебным хрестоматиям 1800–1905», составленной А. Вдовиным, в программу 1852 г. входило 16 текстов Жуковского, а именно:

---

⁷ Начальник главного штаба Его Имп. Вел. по военно-учебным заведениям, видный деятель крестьянской реформы 1861 г.

- 1) Гимн «Боже, царя храни (Песнь русскому царю)»;
- 2) «Вадим»;
- 3) «Война мышей и лягушек»;
- 4) «Воскресное утро в деревне»;
- 5) «Воспоминание о торжестве 30 августа 1834 г.»;
- 6) «Деревенский сторож»;
- 7) «Лесной царь»;
- 8) «Летний вечер»;
- 9) «Ночной смотр»;
- 10) «Овсяный кисель»;
- 11) «Певец во стане русских воинов»;
- 12) «Путешествие по Саксонской Швейцарии»;
- 13) «Рейнский водопад»;
- 14) «Светлана»;
- 15) «Сказка об Иване Царевиче и сером волке»;
- 16) «Утренняя звезда».

Эта программа из всех программ по словесности XIX века содержит наибольшее количество текстов В. А. Жуковского. По замечанию Р. Лейбова и А. Вдовина, А. Д. Галахов и Ф. И. Буслаев составляли программу на основании своих хрестоматий [Вдовин, Лейбов 2013: 252], а в хрестоматии Галахова 1843 г. Жуковскому отведено почетное место (об этом мы будем говорить ниже, в главе 3). О специальном академическом интересе А. Д. Галахова к Жуковскому свидетельствует и ряд его журнальных статей о биографии и творчестве поэта. Нельзя, однако, не заметить, что такой объем программы по словесности входит в противоречие с распределением учебных часов, по которому знакомству с образцовыми писателями отводится по одному УЧН в двух высших классах гимназии, притом часы эти нужно было еще поделить между отечественными авторами и иностранными. Вероятно, учителю приходилось все же выбирать из списка программных текстов Жуковского несколько для разбора на уроке, а остальные задавать для домашнего чтения.

Итак, проанализировав данные таблиц и указов, мы приходим к выводу о том, что *формально* положение русского языка в учебном плане гимназий второго периода (1824–1855) было привилегированным: увеличилось количество учебных часов, требование иметь отличные успехи в русской словесности могло бы мотивировать некоторую часть гимназистов проявлять особенное усердие в ее изучении. Однако ограничение у преподавателя свободы выбора, обязательное

требование знания русского языка, усилившийся контроль за благонадежностью гимназистов имели, как показала история, скорее отрицательный эффект, особенно на национальных окраинах Российской империи. Одним из примеров, подтверждающих эти выводы, может служить письмо попечителя Казанского учебного округа Шестакова министру просвещения, посетившему экзамены в Казанской гимназии (письмо начала 1860-х гг., но демонстрирует плоды педагогической направленности николаевского времени): «...Стал я прислушиваться к ответам учеников, думая, что здесь, по крайней мере, найду утешение. Нет и тут та же распущенность: большая часть учеников не знала начал науки. Был я на нескольких экзаменах в 7 классе и везде находил то же, особенно поразительно было незнание учеников по русскому языку» (цит. по [Алешинцев: 277]). Кроме того, Алешинцев, ссылаясь на архивные документы, утверждает, что в ответ на строгости николаевского времени в гимназиях участились беспорядки.

III. Третий период российской гимназии (1855–1865)

По И. Алешинцеву, он приходится на первую половину царствования Александра II. Общее оживление, наступившее после мрачного николаевского полицейского режима, сказалось и на педагогической сфере. В 1856 г. в 9-й книжке «Морского сборника» было опубликовано сочинение профессора Н. И. Пирогова «Вопросы жизни, отрывок из забытых бумаг, выведенный в свет неофициальными статьями Морского Сборника о воспитании». Статья эта ставила вопрос о цели среднего образования, ответ содержался уже в эпиграфе: «К чему Вы готовите Вашего сына? — кто-то спросил меня. — Быть человеком, отвечал я» (цит. по [Алешинцев: 211]). Публикация стала настоящим событием, вызвала общественную дискуссию, в итоге главный пафос статьи — необходимость общечеловеческого образования для каждого — стал лозунгом готовящейся школьной реформы. В Объяснительной записке Учебного комитета, созданного для составления новых уставов учебных заведений, так определяются цели гимназического образования:

Цель гимназии <...> состоит в том, чтобы дать учащимся полное общее образование, потребное для разумной человеческой жизни. <...> Отечественный язык и его словесность, языки образованнейших народов древнего и современного мира и математика суть

учебные предметы, занятия которыми, по мнению Ученого комитета, могут наиболее способствовать всестороннему развитию юношества [Алешинцев: 215].

Как мы видим, цели обучения теперь прямо противоположны установленным в предыдущий период, когда на первое место выдвигалась подготовка будущих специалистов определенного профиля, которые будут служить на благо царю и отечеству.

«Отечественный язык и словесность» и в николаевское время были важными предметами учебного плана, но теперь этому дается совершенно иная мотивировка — эти предметы нужны, прежде всего, для всестороннего развития личности. Проект устава 1860 г. включал в себя и другие революционные нововведения: отныне в учебных заведениях запрещались телесные наказания (на практике, однако, как видно из различных документов, в XIX в. полностью этого так и не удалось добиться); предписано было создавать для учеников такие условия, при которых они не должны будут разлучаться с семьей, т. к. теперь признавалось, что семейная жизнь благотворно влияет на юношество. Как известно, еще со времен Екатерины II государство стремилось как можно раньше вырвать детей из семьи, чтобы воспитать «нового человека» на благо обществу. Теперь за семьей признается преимущественное право на воспитание детей.

Кроме того, средние учебные заведения разделяются на народные училища, прогимназии и гимназии. По программе прогимназии теперь на русский язык отводится на все классы 18 УЧН (это наибольшее количество часов, на втором месте — математика, 17 УЧН). В классической гимназии на русскую словесность отведено 13 УЧН (по количеству часов на третьем месте после латинского — 24 и греческого — 22). В реальной гимназии русской словесности посвящается 15 УЧН, здесь на первом месте (19 УЧН) — естествоведение с физикой и математикой и математической и физической географией, затем латинский язык (18 УЧН) и математика (16 УЧН).

Еще одной исключительной особенностью школьной реформы начала 1860-х гг. была установка на гласность, открытость для обсуждения широкой общественностью: было получено 365 отзывов о проекте (не только от чиновников и педагогов, но и от частных лиц, например, родителей учеников). Все они были опубликованы, члены Главного правления были посланы в заграничную командировку для ознакомления с западным педагогическим

опытом. В обществе разгорелась дискуссия о достоинствах и недостатках классического и реального образования. Многие выступали за отмену главенства классических языков в программе. Выдвигались аргументы в пользу преимущества изучения современных языков и современных авторов перед древними. Г. Ржондковский, например, пишет:

В истории наук нельзя не заметить постепенного их преобладания. В средние века ученый был непременно богослов. По мере того, как стали искать жизни и истины в классической древности, в основу науки положили классическую филологию. <...> Но могущественные приобретения математики в XVII и XVIII веках заставили ее поставить наряду с филологией. <...> В наш век естественные науки, по точности метода, по блестящим результатам, по многочисленным приложениям стали так высоко, что затмили собою преобладающие знания [Алешинцев: 224–225].

Ржондковский призывает отменить схоластические девизы педагогики: *классическая древность и математика* и новым девизом избрать — *природа и человек*. Во главе этого направления встанет знаменитый педагог К. Д. Ушинский, чьи хрестоматии переживут все хрестоматии XIX века и в измененном виде войдут и в советскую школьную практику. К. Д. Ушинский разрабатывал новые педагогические принципы и методики и хрестоматии для младших классов. В частности, вместе с Корфом, Бунаковым и Малининым адаптировал к русским условиям звуковой метод обучения чтению [Щерба: 15].

В эпоху великих реформ, особенно после отмены крепостного права, сфера образования не могла, конечно, остаться без изменений. На всех уровнях школе предоставлялось больше свободы, от учителей, родителей, чиновников ожидалось проявление инициативы, гимназиям разрешалось принимать собственные учебные программы и выбирать учебники, в гимназиях все чаще разрешают устраивать литературные беседы и спектакли, известны случаи, когда сами ученики под руководством учителей организуют воскресные школы. Особенно выделяет Алешинцев попечителя Одесского, а затем Киевского учебных округов Н. И. Пирогова за его одобрение любой попытки преподавателей выйти за рамки застывших представлений о педагогике. Н. И. Пирогов всячески поддерживал инициативу учителей и новые способы преподавания, был противником педагогической рутины, особое внимание он уделял подготовке будущих учителей, понимая, что успех нововведений зависит не столько от планов и

проектов, а сколько от квалификации тех, кто будет эти планы и проекты претворять в жизнь.

Несмотря на все прогрессивные изменения, на окраинах империи продолжалось засилие русского языка в гимназиях. В циркуляре 1865 г., отправленном попечителем Киевского учебного округа директорам западных гимназий, мы читаем:

В настоящее время, когда по всем частям управления Юго-Западным краем принимаются меры для гражданского и общественного развития этого края в духе и интересах русской народности, нельзя не сознавать всей важности и необходимости мер по части учебной. Школа, существующая в крае, который и по происхождению господствующего населения, и по своей истории, и по своему настоящему политическому положению есть край русский, не только не должно делать в своих правах и обычаях никаких уступок в пользу меньшинства жителей, считающих себя поляками, но напротив, должно прямо и сознательно в своих мерах и распоряжениях стремиться к тому, чтобы со своей стороны содействовать правительству в деле упрочения в этом крае торжества русских интересов и русской народности [Алешинцев: 278].

В том же циркуляре рекомендуется следить за тем, чтобы ученики и в гимназии, и дома говорили только по-русски, чтобы квартирные хозяева были русскими, преподавать даже католический Закон Божий нужно было на русском языке, на выпускных экзаменах предписывалось главное внимание уделять русскому языку.

В этот период продолжает действовать программа по словесности, составленная Ф. И. Буслаевым и А. Д. Галаховым. После смерти В. А. Жуковского в 1852 г. его творчество снова актуализируется, в периодической печати появляются публикации о нем, очерки жизни и творчества, неопубликованные ранее произведения и письма Жуковского⁸, в Журнале Министерства народного просвещения сообщается о том, что в Поречье (имение С. С. Уварова) будет поставлен памятник поэту [Памятник: 55]. По всей вероятности, и в школе в этот период Жуковскому уделяется больше внимания.

---

⁸ См.: «Тяжкая утрата, понесенная русскою литературою с кончиною нашего незабвенного поэта В. А. Жуковского, с именем которого так неразрывно соединяется мысль обо всем прекрасном, что только может служить украшением писателя и вообще человека, вызвала ряд статей о нем: Плетнев, Давыдов, Шевырев, Никитенко, – а в след за ними Галахов, – почтили память усопшего воспоминанием о жизни и сочинениях его». [Рецензия: 141]

IV. Четвертый период гимназического образования.

Министерство Толстого-Делянова

Устав 1864 г. просуществовал недолго. В 1866 г. министром народного просвещения назначен Д. А. Толстой, с этого момента начинается новый период в истории русской гимназии, Алешинцев называет его «министерством Толстого-Делянова». Автор нелестно отзывается об этих двух министрах и их роли в истории просвещения в России. Д. А. Толстого он называет даже врагом образования. Новый министр лишил педагогические советы права составления собственных учебных планов и распределения предметов и постановил ввести общие для всех гимназий подробные программы преподавания. Д. А. Толстой рекомендовал преподавателям русского и древних языков больше задавать ученикам письменных работ по этим предметам. Вместе с тем количество учебных часов, отведенных на русский язык и словесность, было сокращено (увеличено количество часов на математику, физику, латинский и греческий). Д. А. Толстой критикует учебные планы 1849–52 и 1864 гг. за недостаточное внимание к древним языкам, что, по мнению министра, является причиной охватившего юношество материализма и нигилизма.

По новому уставу гимназий 1871 г. древние языки занимают львиную долю программы: количество учебных часов, отведенных на латынь почти в два раза превышает количество часов, отведенных на русский и церковно-славянский языки (в 1 классе — 8 УЧН латыни и 4 УЧН русского языка, в 7 классе — 6 и 2 соответственно). По программе реальных училищ русский язык занимает третье место после математики и иностранного языка.

Поступить в университет теперь можно было только по окончании классической гимназии. Д. А. Толстой был крайне недоволен вольностью учителей-словесников и в отношении преподавания русского языка и словесности выданы были специальные распоряжения: «Усилить только практические в нем <в русском языке. — О. Ф.> упражнения и тем хотя сколько-нибудь возместить столь существенный ущерб для формального и литературного образования, какой окажется для учеников тех гимназий, в коих греческий язык еще не преподается за неимением учителей». И в другом месте читаем:

Назначение большого числа уроков собственно на русскую словесность признается излишним, ибо из истории русской литературы **должны быть сообщаемы** в гимназиях лишь важнейшие и притом **наиболее твердо установившиеся в науке сведения**, относящиеся к замечательнейшим произведениям, число которых ограничено (особенно, если строго сообразоваться, как то необходимо в Гимназиях, с нравственно-педагогическими требованиями). <...> Опыт, впрочем, показал достаточно, что успехи преподавания русского языка не обеспечиваются числом уроков, назначаемых на этот предмет, ибо учителя находят возможность тратить эти уроки <...> на самые разнородные рассуждения, не только бесполезные, но иногда и положительно вредные, почему Министерство Народного Просвещения озабочится немедленно, по утверждении нынешних его предположений, составлением более рациональных программ преподавания как русского языка, так и русской словесности [Постановления: 231. Стлб. 74]. *<выделено нами. — О. Ф.>*

На первом месте в изучении русского языка и словесности теперь поставлены были цели практические — изучение грамматики и форм письма. Это согласовывалось с важнейшим назначением школы — приготовление будущих государственных служащих.

В период министерства Толстого-Делянова особенно ужесточился контроль не только за учениками, но теперь и за учителями. Учителя же, в свою очередь, обязаны были теперь следить за учениками, особенно за их политической благонадежностью, а гимназическое начальство — за учителями. В 1872 г. изданы правила об испытаниях учеников, из которых видно, насколько сухим и формальным должно было быть преподавание. От ученика требовалось знать в первую очередь множество фактов, твердо знать грамматику и правила, а критический ум школа не развивала совершенно, наоборот, любые проявления критического рассуждения учеников преследовались и высмеивались. Алешинцев приводит красноречивую цитату из отчета попечителя Московского учебного округа кн. Ширинского-Шихматова:

Прочитывая все сочинения учеников VII класса, я не мог не обратить внимания на ту резкость выражений, на то неуважение к авторитетам, которое ясно выразилось в разборе сочинений Карамзина «О счастливейшем времени жизни». Преподаватель Завьялов (один из хороших учителей), дав такую тему, имел в виду вызвать учеников на откровенное изложение их воззрений и, осмеяв, в присутствии класса, дикие тенденции малообразованных юношей критиковать писателя, столь чтимого в литературе, в особенности восстал против той пошлости, которую они проявили в своих суждениях [Алешинцев: 328–329].

Далее Ширинский-Шихматов предлагает привлечь для выбора тем ученических сочинений и проверки их с точки зрения идеологической благонадежности преподавателя Закона Божиего, а учителю словесности разрешить проверять только грамотность и слог сочинений. Учителя-словесники находились под подозрением начальства. Для того чтобы избежать возможности обсуждения на уроках словесности каких-то слишком вольных и опасных тем, учителя обязываются проходить на уроках минимум, определенный министерством. В реальности оказалось, что этот минимум занимает все время, отведенное на словесность. По инициативе учителей иногда дозволялись, правда, внеклассные литературные чтения, как это было, например, в Ларинской гимназии благодаря учителю В. П. Острогорскому. Но и эти чтения должны были проходить под наблюдением начальства гимназии.

В программу 1872 г. (по «Базе данных» А. Вдовина) включалось уже только 4 текста Жуковского (в 4 раза меньше, чем в 1852 г.):

- 1) «Ивиковы журавли»;
- 2) «Опять ты здесь, мой благодатный гений»;
- 3) «Рейнский водопад»;
- 4) «Светлана».

При этом первые два произведения вводятся впервые. Таким образом, от первоначального списка остается только два старых текста: «Рейнский водопад» и «Светлана».

В Программу 1873 г. для училищ входят те же тексты за исключением «Опять ты здесь...». Устав 1871 г. закрепился в российской гимназии надолго и был изменен только спустя 19 лет, в 1890 г., при министре И. Д. Делянове, печально знаменитом благодаря т. н. «указу о кухаркиных детях» — циркуляру 1887 г., по которому в гимназии и прогимназии допускались только дети обеспеченных родителей из более привилегированных слоев общества. Таким образом средние учебные заведения должны были освободиться «от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, коих, за исключением разве одаренных необыкновенными способностями, не следует выводить из среды, к коей они принадлежат» [Постановления 1894: 881]. Новый устав сохранял классическую гимназию, главной целью изменений было упростить программу. В 1890 г. рекомендовалось

изучать грамматику в низших классах, а в высших посвящать больше времени чтению и толкованию авторов. И. Д. Делянов признает, что гимназия Д. А. Толстого оказалась очень слабой, и ученики обнаруживали скудные познания даже в древних языках. Делянов составляет подробные планы преподавания предметов.

По программе 1890 г. изучались следующие тексты Жуковского:

- 1) «12 спящих дев»;
- 2) «Жалоба Цереры»;
- 3) «Людмила»;
- 4) отрывки из «Одиссеи»;
- 5) «Орлеанская дева (Прощание с родиной)»;
- 6) «Рейнский водопад»;
- 7) «Светлана»;
- 8) «Сельское кладбище»;
- 9) «Сельское кладбище» (второй перевод);
- 10) «Теон и Эсхин»;

Впервые вводится в программу «Орлеанская дева» (конечно, в отрывках), «Сельское кладбище» — 1802 и 1839 гг., «Теон и Эсхин». Тексты, входящие во все программы XIX века: «Светлана» и «Рейнский водопад».

В соответствии с программой 1890 г., уроки русского языка в первых трех классах (по 4 УЧН) были посвящены изучению этимологии и синтаксиса. Интересно, что русский язык изучался в связи с латинским. Одно и то же правило должно было объясняться сначала в связи с русской грамматикой, потом — с латинской. В 4 классе изучалась церковнославянская грамматика (3 УЧН). В 5 классе кратко излагалась логика (3 УЧН). Словесность начинали преподавать только в 6 классе. В 6 и 7 классах (по 3 УЧН) читали и разбирали литературные образцы. Алешинцев замечает, что «это было сделано с большим наклоном к литературе и письменности древней: новейшая дальше Гоголя и Лермонтова не шла. Цель разбора литературных произведений, по мнению И. Д. Делянова, состояла «не в том, чтобы выучить гимназистов критике, а в том, чтобы помощью основательного суждения о литературном образце разъяснить его достоинство» [Алешинцев: 321]. Министр полагал, что критические опыты гимназистов могут внушить им лишь «смешное и вредное самомнение» [Там же], поэтому при составлении программы не включены были задачи, которые требовали от

учеников самостоятельной работы ума, собственных разборов и критических мнений о прочитанном.

Таким образом, и ученики, и учителя, и руководство гимназий оказывались в очень стесненном положении, под неусыпным надзором государства. Школа должна была сообразовываться во всем с официальным идеологическим курсом. Учителя должны были исполнять роль цензоров и жандармов и доносить в полицию обо всех сомнительных с точки зрения правительственного политического курса мнениях учеников. Успех преподавания русской словесности в этот период как никогда ранее зависел от способностей учителя обходить официальные распоряжения.

Учитывая все вышесказанное, не приходится удивляться тому, что толстовско-дедяновская школьная система дала горькие плоды.

V. Новые веяния.

В начале XX века школьные волнения все учащаются. Революционные настроения охватили и гимназистов, и учителей. В 1905–1906 гг. учениками средних школ пишутся многочисленные петиции, организуются сходки и забастовки. В чем состояли главные обвинения, предъявлявшиеся в этих петициях, можно понять по цитатам, приведенным С. Знаменским в книге «Средняя школа в последние годы. Ученические волнения 1905–1906 гг. и их значения»:

Все недостатки, вся уродливость системы опеки, регламентации и надзора <...> тяжелым гнетом ложатся на наши молодые жизни. Школа, которая должна формировать граждан, уродует нас, уродует сознание, мысль, насилует молодую душу. Мы понимаем, что это направление соответствует видам и предначертаниям на верху стоящих, ибо в России нет еще граждан, а воспитываются послушные обыватели [Знаменский: 70].

Ученики требовали отмены «преследования за убеждения». С. Знаменский уверяет, что «подобное преследование в школе не только было, но и остается сейчас. Особенно зорко следит начальство за проявлением крамольных убеждений в сочинениях, разговорах в перемену, обсуждениях рефератов, даже в беседах с учебно-воспитательным персоналом, как этого и требовали старые

министерские циркуляры [Знаменский: 73–74]. Поэтому ученики касаются в петициях и уроков словесности, в частности, требуют «свободы устного и письменного выражения мыслей в письменных работах и на уроках в пределах темы», права «свободно высказываться в классе без каких бы то ни было последствий (т.е. выговоров, наказаний, исключений)», «свободного выбора тем для рефератов и обсуждения их» [Знаменский: 74]. Кроме того, ученики требовали пересмотреть программу по русской литературе, считали необходимым «введение краткого обзора литературы до Пушкина и изучение новейших писателей, как русских, так и иностранных» [Знаменский: 90].

В начале XX века необходимость гимназической реформы была очевидна для всех. К 1917 г. разрабатывается новая гимназическая программа, которую так и не успели применить на практике из-за революционных событий.

Кроме общих программ, существовали программы отдельных учебных заведений разных типов. Для того, чтобы сравнить, какие списки произведений Жуковского предлагались в разных программах, мы просмотрели следующие отдельные издания программ, правил и учебных планов различных учебных заведений XIX века:

- 1) «Программы и учебные планы мужских гимназий и прогимназий» [Горбунов];
- 2) «Правила и программы всех классов реальных училищ» [Алексеев 1916];
- 3) «Правила и программы всех классов мужских гимназий и прогимназий ведомства Мин. Нар. Просвещения», составленные П. Алексеевым [Алексеев 1917];
- 4) «Новейшие учебные планы, правила и программа с объяснительными записками мужских гимназий и прогимназий ведомства Мин. Нар. Просвещения» [Орлов];
- 5) «План и распределение преподавания наук в высших народных училищах, гимназиях и прогимназиях» [План];
- 6) «Программы предметов учебного курса городских по Положению 31-го мая 1872 года училищ» [Программы 1872];
- 7) «Подробные правила и учебные программы женских гимназий» [Александров];
- 8) «Программа учебным предметам для военно-учебных заведений и гимназий» [Программа 1860];
- 9) «Общая программа и инструкция для преподавания учебных предметов в кадетских корпусах» [Программа 1898].

Посмотрим, насколько отличались от официальных программ эти частные программы с точки зрения изучения Жуковского.

По «Плану и распределению преподавания наук в высших народных училищах, гимназиях и прогимназиях» в 6-м классе советовали приступить к чтению образцов эпической поэзии, «как более доступной для учащихся, именно к чтению народного эпоса. Образцы: «Одиссея» и «Наль и Дамаянти» в переводе Жуковского» [План 1860: 11]. В 7 классе из текстов Жуковского называются «Лесной царь» и «Орлеанская дева». В 8-м изучается история словесности, специально отмечаются авторы, заслуживающие особенного внимания: «В истории новой словесности предметами более тщательного изучения должны быть: Ломоносов, Державин, Карамзин, Жуковский, Крылов, Пушкин и Гоголь» [План 1860: 13].

По «Общей программе и инструкции для преподавания учебных предметов в кадетских корпусах» во втором классе нужно было выучить стихотворение Жуковского «Солнышко». Приводится также список текстов «для свободного и связного устного изложения» [Программа 1898: 35], среди них в программе 4 класса мы находим «Кубок», «Граф Габсбургский», «Поликратов перстень», «Очерки Швеции» Жуковского. В 5 классе нужно было выучить наизусть «Море» Жуковского. В 6 классе читали 7, 8 и 9 песни из «Одиссеи» в переводе Жуковского. Здесь же публикуется «перечень литературных произведений, из числа которых могут быть выбираемы преподавателем сочинения для внеклассного чтения кадет четырех старших классов» [Программа 1898: 43]. Из Жуковского рекомендуют для самостоятельного чтения следующие тексты: для 4 и 5 классов — «Наль и Дамаянти», «Рустем и Зораб», баллады, «Ундина», «Норманский обычай», сказки; для 6 и 7 классов — «Одиссея», «Цейкс и Гальциона» (из Овидиевых превращений), «О критике», «О басне и баснях Крылова», «О сатире и сатирах Кантемира», «Рафаэлева Мадонна», «Орлеанская дева», «Камознс».

В «Подробных правилах и учебных программах женских гимназий и прогимназий» В. Александрова из Жуковского предлагалось выучить: ««Сельское кладбище», из «Светланы» несколько стихов, «Теон и Эсхин», «Лесной царь», из «Орлеанской девы» прощание Иоанны Дарк с родиною»» [Александров 1910: 76], а из прозы — «Рейнский водопад» и «Кто истинно добрый и счастливый человек?». И читать: «Из «Рустема и Зораба» в переводе Жуковского, романсы о Сиде, Жуковского некоторые стихотворения, «Певец», «Сикстинская мадонна», письма».

В «Программах и учебных планах мужских гимназий и прогимназий», составленных П. Горбуновым мы находим следующий список текстов Жуковского: «Элегии «Сельское кладбище», «Теон и Эсхин», баллада «Людмила», отрывки из повести «Двенадцать спящих дев», «Светлана», «Граф Габсбургский». Отрывок из «Одиссеи»» [Горбунов 1911: 88].

По «Правилам и программам всех классов реальных училищ ведомства Мин. Нар. Просвещения» (1917) П. Алексеева творчество Жуковского изучается в 6 классе в рамках темы «романтическое направление». Называются следующие тексты: «Мой друг, хранитель ангел мой», «19-го марта 1823 г.», «Элегия на кончину Королевы Виртембергской», «Певец во стане русских воинов», «Людмила», «Теон и Эсхин», «Светлана», «Двенадцать спящих дев», «Ундина», «Одиссея». В 8 классе читают «Орлеанскую деву» Жуковского.

Как мы видим, различия довольно существенные. В следующих главах мы обратимся к хрестоматиям и посмотрим, как министерские учебные планы, программы и официальные распоряжения согласуются с выбором авторами учебной литературы текстов В. А. Жуковского. Нужно учитывать при этом, что зачастую новые уставы вводились в гимназиях с большим опозданием, так что не всегда можно ориентироваться на год выхода указа.

ГЛАВА 2

ТВОРЧЕСТВО В. А. ЖУКОВСКОГО В РОССИЙСКИХ ХРЕСТОМАТИЯХ XIX В. ДЛЯ УЧАЩИХСЯ НИЗШИХ КЛАССОВ ГИМНАЗИЙ И НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ

Ученики российских средних учебных заведений XIX века знакомились в том или ином виде с текстами В. А. Жуковского уже в начальных классах. Хотя в большинстве известных нам программ по словесности для младших классов не указан список конкретных авторов и произведений, которые должны были изучаться на данном этапе, мы находим тексты В. А. Жуковского в хрестоматиях, рекомендованных этими программами для использования на уроках русского языка. В некоторых хрестоматиях мы встречаем стихотворения Жуковского в разделе «для заучивания», что придает этим текстам особый статус. Лев Поливанов в предисловии к первому изданию своей «Русской хрестоматии для двух первых классов средних учебных заведений» пишет о том, что образцы, предлагаемые ученикам для заучивания, остаются в памяти ученика надолго, нередко на всю жизнь, поэтому они не должны оскорблять его эстетического чувства, наоборот, должны воспитывать вкус: «Заставлять заучивать наизусть можно только то, что стоит заучивать» [Поливанов: X]. Таким образом, тексты Жуковского (особенно избранные для заучивания) признавались обладающими высокой эстетической ценностью и одновременно попадали в русский литературный канон, складывавшийся в XIX веке во многом на основе педагогической практики. В данной главе нас будет интересовать то, какие тексты Жуковского выбирались авторами дореволюционных детских хрестоматий, как они комментировались, какие отрывки сокращались и можно ли говорить о каком-то определенном наборе текстов Жуковского, повторяющихся в разных хрестоматиях. Другими словами, существовал ли канонический хрестоматийный «детский Жуковский»?

Мы просмотрели de visu 13 хрестоматий для младшего школьного возраста:

1. И. Павловский. Русская хрестоматия. Дерпт, 1842.
2. А. Черешевич. Книга для чтения и переводов с русского языка на немецкий. Ревель, 1857.
3. К. Д. Ушинский. Детский мир и хрестоматия. Книга для классного чтения, приспособленная к постепенным умственным упражнениям и наглядному знакомству с предметами природы. Изд. 2. (испр. и доп.) в двух частях. (Допущена к употреблению в первых четырех классах гимназий и в уездных училищах). СПб., 1861. (1 изд. в 1861 г. <sic!>.)
4. И. И. Паульсон. Книга для чтения и практических упражнений в русском языке. Учебное пособие для народных училищ. СПб., 1861.
5. П. Е. Басистов. Для чтения и рассказа. Хрестоматия для употребления при преподавании русского языка. М., 1870.
6. Ф. Голотузов. Русская хрестоматия: книга для переводов с русского языка на немецкий. Лейпциг, 1881.
7. И. Н. Малиновский, В. И. Реймерс. Русская хрестоматия. Книга для чтения и переводов в низших классах гимназий, в уездных училищах и других учебных заведениях. Рига, 1881.
8. С. Н. Niggol. Русская хрестоматия. Wene keele lugemise raamat sõnastikuga. Tartu, 1883.
9. И. Н. Малиновский, В. И. Реймерс. Русская хрестоматия. Книга для чтения и переводов в низших классах гимназий, в уездных училищах и других учебных заведениях. Рига, 1887.
10. Л. Поливанов. Русская хрестоматия для двух первых классов средних учебных заведений. (Издание 16-е, с образцами для славянского чтения.) М., 1894. Первое издание: 1870 г.
11. К. Д. Ушинский. Родное слово для детей младшего возраста. Год первый. Азбука и первая после азбуки книга для чтения. С прописями, образцами и картинками в тексте. СПб., 1897.
12. П. Полевой. Учебная русская хрестоматия с толкованиями. Часть первая. Младший возраст. 32-е издание. СПб., 1898. Первое издание: 1869–1872.
13. П. Полевой. Учебная русская хрестоматия с толкованиями. Часть первая. Младший возраст. 34-е издание. СПб., 1902.

Хрестоматии под номерами 1, 2, 5, 6, 7 и 8 предназначены для учеников, для которых русский язык не является родным. В трех хрестоматиях мы не обнаружили текстов Жуковского [Черешевич; Голотузов; Ушинский 1897].

В первой половине XIX века в России еще не существовало какого-то стандарта хрестоматии по русской словесности. Само слово «хрестоматия» не вошло еще в общее употребление. Так, мы встречаем различное написание этого

слова — как через «е», так и через «и», даже у одного и того же автора. Галахов в воспоминаниях «История одной книги» описывает анекдотический случай, когда его горничная, обсуждая с кучером, что же это барин посылает постоянно в типографию, и услышав слово «хрестоматия», предполагает, что Галахов пишет «житие Богородицы» [Галахов 1999: 283].

Разные хрестоматии довольно существенно отличаются друг от друга как по содержанию, так и по принципам составления. Первые российские учебные книги для чтения были составлены по образцам немецких, французских и английских и, возможно, эти общие особенности восходят к иностранным изданиям. «Детские» хрестоматии имеют ряд особенностей, о которых необходимо упомянуть.

Зачастую в них не указывается имя автора, особенно если это прозаический текст. Стихотворные тексты часто печатаются в хрестоматиях для младшего возраста в строчку, как проза. Названия отрывкам из художественных произведений часто дает составитель, не указывая оригинального названия, а зачастую не указывая и на то, что это отрывок, а не целое произведение. К примеру, в «Русской хрестоматии» В. И. Реймерса и И. Н. Малиновского мы находим текст под заглавием «Наш долг» [Малиновский, Реймерс: 129]. Это не что иное, как начало романа И. С. Тургенева «Рудин», в котором описано посещение Александрой Павловной Липиной больной старушки-крестьянки Матрены (она приносит ей чай и сахар, справляется о здоровье). Если ученик читает этот текст самостоятельно, без комментария учителя, фрагмент романа, помещенный в хрестоматию анонимно и под новым названием, начинает функционировать как отдельный текст нравоучительного содержания, основную идею которого недвусмысленно подсказывают ученикам составители хрестоматии. Оригинальное авторское произведение становится анонимным, приобретает новое название и неизбежно упрощается.

Тексты представляют собой дидактический материал в первую очередь для уроков русского языка, но также и истории, природоведения. Таким образом, хрестоматии для начальных классов имеют совсем иную цель, чем хрестоматии для старших классов. Даже названия этих учебных пособий зачастую говорят об их практической направленности. Например, «Книга для чтения и практических упражнений в русском языке. Учебное пособие для народных училищ» [Паульсон 1861] или уже упоминавшаяся «Русская хрестоматия. Книга для чтения и

переводов в низших классах гимназий, в уездных училищах и других учебных заведениях» [Реймерс, Малиновский 1881].

Первая по времени издания из просмотренных нами хрестоматий — это «Русская хрестоматия, составленная Иваном Павловским, лектором русского языка при Дерптском университете». Издана она была в Митаве в 1842 году. Всего в хрестоматии 64 текста, из них текстов Жуковского только 4.

В разделе «Из поэмы»:

1) «Война мышей и лягушек». Забегая несколько вперед, скажем, что это вообще один из самых популярных хрестоматийных детских текстов. Никто, конечно, не может составить конкуренции И. А. Крылову, но если вынести Крылова за скобки, то «Война мышей и лягушек» — один из самых часто встречающихся текстов (29 вхождений по таблице А. В. Вдовина «Частотность авторов и их текстов в хрестоматиях XIX века»). Это второй по популярности в целом (во всех хрестоматиях) текст Жуковского. Мы мало знаем о рецепции хрестоматийных текстов Жуковского, тем более ценно упоминание Л. Поливанова в предисловии к своей хрестоматии, что «Война мышей» с большим успехом читается в первом классе [Поливанов: IX].

2) Отрывок из «Ундины». (Подзаголовок: «О том, как рыцарь праздновал свадьбу»). Отрывок. Глава XVIII, предпоследняя, финал истории, Ундина губит рыцаря, изменившего ей и обручившегося с другой).

3) «Красный карбункул».

4) «Буря (Из Вадима)». (Отрывок из второй части баллады «Двенадцать спящих дев» — «Вадим»).

Вообще, эта хрестоматия отличается большой долей текстов популярных в ту эпоху авторов: она содержит всего 4 текста Пушкина и 9 текстов И. А. Крылова, а большую часть ее занимают Лажечников, Загоскин, барон Брамбеус, Кукольник, Хемницер, Дмитриев.

Отдельно следовало бы рассматривать учебные пособия К.Д. Ушинского «Детский мир и хрестоматия. Книга для классного чтения, приспособленная к постепенным умственным упражнениям и наглядному знакомству с предметами природы» [Ушинский 1861] и «Родное слово» [Ушинский 1864]. Хрестоматия Ушинского выходит в год отмены крепостного права в России. Ее автор был одним из ярких деятелей реформы образования. После освобождения крестьян появилась острая необходимость в учебной литературе для крестьянских детей и

в педагогическом подходе к преподаванию этой категории учащихся. «Родное слово» К. Д. Ушинского предназначено в первую очередь для детей из народа. «Детский мир и хрестоматия» были рекомендованы и для начальных классов гимназии, приобрели необычайную популярность и в цензурированном виде использовались и в советской школе, частично используются до сих пор.

К. Д. Ушинский, сначала проваливший экзамен в гимназии, оканчивает все же юридический факультет Московского университета и уже в 22 года приглашен в ярославский Демидовский лицей на кафедру энциклопедии законоведения. В 1855 г. поступил преподавателем в гатчинский сиротский институт, стал там инспектором. Публиковал статьи на педагогические темы. В 1859 г. был назначен инспектором Смольного института. Ушинский сосредоточил в институте лучшие педагогические умы, преобразовал это учебное заведение, внес новые педагогические начала, чем вызвал недовольство учителей старой школы, обвинивших его в неблагонадежности. Ушинскому пришлось покинуть институт. Параллельно работе в институте он редактирует «Журнал Министерства Народного Просвещения», превратив его из сборника указов и постановлений в педагогический журнал. Он

горячо ратовал за устройство учительских семинарий и отдал много времени составлению книг для чтения и первоначального обучения: «Детский Мир» и «Родное Слово». Отводя в этих книгах видное место естественно-научному материалу, он остается верен заветам реалистической педагогики Коменского, Локка и Песталоцци [Канторович: 131].

Точнее говоря, это позитивистское мировоззрение, которое удивительным образом сочетается с христианским, что находит отражение и в хрестоматии. Заметен серьезный перевес в сторону естественных наук, интерес к эволюционной биологии, физиологии, но в хрестоматии мы находим такие тексты, как «Сотворение человека», «Молитва дитяти», «Истинно христианская жизнь». Доля «славянского чтения» решительно сокращена (в «Родном слове», первой книге для чтения, помещен церковнославянский алфавит и приведены некоторые короткие молитвы по-церковнославянски). Статей духовных авторов у Ушинского нет, зато есть таблицы, рисунки, изображающие скелеты человека и животных, устройство внутренних органов, растений т. д.

Главный принцип «Детского мира» Ушинского — основание на научном знании. Основные критерии для отбора художественных текстов для хрестоматии,

кроме высокой эстетической ценности, — доступность для понимания ученика юного возраста (в том числе, и ученика из народа), народная тема, связанная с одной из тем статей из «Детского мира» и христианская мораль. Это хорошо заметно на выборе текстов Жуковского для хрестоматии Ушинского. Элегии, баллады, вся эта «поэзия чувства и сердечного воображения», выражающая внутренний мир человека, оказывается невостребованной, так же как и тексты, в которых можно найти историософские и идеологические взгляды Жуковского.

Учебное пособие Ушинского «Детский мир и хрестоматия» состоит из двух больших частей, в конце каждой из которых отдельно помещена хрестоматия. В «Детском мире» мы находим статьи о явлениях природы, о животных, человеке, временах года, производстве, а во второй части — о столице и деревне, Земле, глобусе, знаменитых мореплавателях, полюсах и экваторах, разных странах, об истории России, а также первые уроки логики. В хрестоматии, приложенной к «Детскому миру», помещены художественные тексты русских поэтов и писателей. Статьи для «Детского мира» Ушинский написал сам, пользуясь английскими и немецкими книгами, список которых он указывает в предисловии (12 книг). Таким образом, «Детский мир и хрестоматия» — это педагогическая литература нового типа, не просто собрание «образцовых» писателей, против которого восстает Ушинский:

Преимущественное изучение образцовых писателей, введенное во французских школах, много имело влияния на легкость и красоту изложения, которые так замечательны во всяком французе, получившем хорошее французское воспитание; но не является ли это же самое изучение одною из причин того замечательного бесплодия, которым поражена современная французская литература, и того разлада между фразой и мыслью, который так замечен в современных французских писателях? [Ушинский: II–III].

К. Д. Ушинский считает, что учитель русского языка должен заниматься с детьми не только изучением грамматики, этимологии и чтением «образцовых» писателей, но посредством чтения статей, повествующих о явлениях окружающего мира, в том числе, на естественно-научные и исторические темы, развивать умение мыслить, усваивать не столько знания, факты, сколько идеи и способ мышления, чтобы словесные и логические упражнения были только подспорьем в усвоении этого навыка мышления. Отвергая схоластическую логику, Ушинский в основание своей книги полагает «логику природы» [Ушинский: VII]: сначала говорит о знакомых ученикам предметах и понятиях, потом о более сложных и

абстрактных, говорит простым и доступным ребенку языком, но считает неуместным подделки под детский язык, т. к. целью серьезного обучения полагает в том числе «приучить дитя к серьезному научному языку» [Ушинский: VIII]. Признавая, что слог его не может служить образцом для детей, Ушинский составляет хрестоматию, «в которой ученик найдет самые разнообразные образчики слога лучших наших писателей. Там довольно материала для грамматических упражнений, разборов, переложений, заучиваний наизусть, декламаций и прочее» [Ушинский: VIII].

К. Д. Ушинский в предисловии рекомендует учителям не читать статьи в том порядке, в каком они расположены в книге, а связывать статьи из «Детского мира» с текстами из хрестоматии. Таким образом ребенок будет развивать и логический ум, и слог, и фантазию, и чувство. Составитель рекомендует использовать на уроках методику наглядного обучения и объяснительного чтения. Например, до чтения статьи «Рожь» из «Детского мира» показать ученикам колосок ржи или картинку из приложения к учебнику, задать вопросы, попросить описать колосок, рассказать, что дети уже знают о нем, затем прочитать статью, а после этого обратиться к «Овсяному киселю» Жуковского, заранее пояснив непонятные слова и явления, по ходу чтения задавая вопросы, чтобы ученик понимал смысл. Для обучения грамматике Ушинский также рекомендует задавать вопросы по тексту — «О чем или о ком говорится?», «Что говорится?» и т. д., но предостерегает учителя от чрезмерного увлечения комментариями и вопросами: «Само собою разумеется, что столь подробные вопросы не должны постоянно сопровождать чтений, чтобы не сделать их крайне утомительными для детей» [Ушинский: VIII].

Как нам представляется, педагогические идеи К. Д. Ушинского повлияли на авторов учебной литературы этого (и позднейших) периода, многие авторы рассмотренных нами хрестоматий используют в своих книгах принципы Ушинского (заимствованные им из западной педагогической литературы), но не всегда удачно. По всей вероятности, из предисловия Ушинского к «Детскому миру» П. Полевой почерпнул идею применить метод объяснительного чтения и предложить в своей «Учебной русской хрестоматии» комментарии и вопросы именно к тексту Жуковского «Овсяный кисель». О том, насколько удачным оказался этот опыт, мы скажем ниже.

В хрестоматии Ушинского мы находим только четыре текста Жуковского:

- 1) «Песня бедняка» (о страданиях обездоленного бедняка-сироты, который надеется только на утешение в мире ином; напечатано в строчку, как проза);
- 2) «Суд Божий над епископом» (о возмездии, постигшем епископа, жестоко погубившего голодных бедняков, обратившихся к нему за помощью);
- 3) «Как мыши кота хоронили» (общая канва сюжета известна была по популярному народному лубку о похоронах кота),
- 4) «Овсяный кисель» (перевод простонародной идиллии Гебеля).

Такое небольшое количество текстов Жуковского объясняется, в первую очередь, направленностью книги К. Д. Ушинского, о которой говорит ее подзаголовок: «Книга для чтения, *приспособленная к постепенным умственным упражнениям и наглядному знакомству с предметами природы*». Художественные тексты, таким образом, должны иметь тематическую связь с первой частью книги (говорить о каких-то «предметах природы»), быть понятными ученикам младшего возраста, «народными». К тому же, глядя на соотношение объема «Детского мира» (148 страниц первой части и 243 второй) и хрестоматии (52 с. и 75 с.), становится понятно, что развитие логического ума учеников было первоочередной задачей Ушинского, изучению художественных текстов выделяется гораздо меньше времени.

Абсолютное большинство текстов «Родного слова» Ушинского («Азбука и первая после азбуки книга для чтения») — это фольклорные тексты: сказки, загадки, потешки. Из авторских художественных произведений больше всего отрывков из текстов Пушкина. Текстов Жуковского в «Родном слове» нет.

Следующей рассмотрим «Книгу для чтения и практических упражнений в русском языке. Учебное пособие для народных училищ» И. И. Паульсона [Паульсон 1861]. Стихи здесь напечатаны в строчку, как проза (правда, в конце книги — в столбик). Вероятно, прозаический текст, по мысли автора хрестоматии, легче для восприятия младших школьников, чем поэтический. Все стихотворения Жуковского напечатаны в строчку. В основе структуры хрестоматии лежит тематический принцип. Мы находим в книге следующие разделы:

I. Из семейного быта;

- II. Из городского быта;
- III. Из сельского быта;
  - А. Деревня;
  - Б. Поле;
  - В. Дорога;
  - Г. Луг;
  - Д. Лес;
  - Е. Воды;
- IV Человеческий организм;
- V Животные, растения и минералы;
- VI Мировые явления;
- VII Отношения человека к Богу: статьи нравственного и религиозного содержания;
  - На русском языке;
  - На церковно-славянском языке;
- VIII Родина, отечество: очерки из отечественной географии и истории.

Есть и алфавитный указатель всех текстов, но названия даны не оригинальные, а в том виде, как отрывки озаглавлены в книге, с указанием имени автора.

Названия тематических отделов живо напоминают оглавление «Детского мира» К. Д. Ушинского. Отличие же книги Паульсона от книг Ушинского состоит в том, что этот автор не выносит художественные тексты в отдельный раздел.

В книге Паульсона мы находим 9 текстов Жуковского:

- 1) «Мальчик с пальчик» (почему-то помещен в разделе «Из сельского быта. А. Деревня»);
- 2) «Песня бедняка»
- 3) «Сельское кладбище» (отрывок, до «Навеки затворясь, сном непробудным спят...»), в том же разделе;
- 4) «Жаворонок» в разделе «Из сельского быта. Д. Лес»;
- 5) Отрывок из «Войны мышей и лягушек», озаглавленный «Рассказ мышонка о помощи льву» в разделе «Из сельского быта. Е. Воды»;
- 6) «Летний вечер» — в разделе «Мировые явления», без двух строф.
- 7) «Утренняя звезда» в том же разделе, исключены две последние строфы:

Но кто там в утренних лучах
Мелькнул и спрятался в кустах?
С ветвей посыпалась роса.
Не ты ли, девица-краса,
Душе сказалася моей

Веселой прелестью своей?

Будь я восточною звездой
И будь на тверди голубой,
Моя звезда-подружка, ты
И мне сияй из высоты —
О звездочка, душа моя,
Не испугался б солнца я.

Эти последние строфы и в других просмотренных нами детских хрестоматиях не включаются, вероятно, из соображений целомудрия: здесь появляется намек на любовный сюжет, неподходящий, как считали авторы, для детей младшего возраста.

8) Отрывок из «Людмилы» — озаглавлен «Наступление ночи» и помещен в разделе «Мировые явления».

9) «Песнь русскому царю» («Молитва русского народа», 1818) — последний текст в книге, в разделе «Родина, отечество».

Автор хрестоматии «Для чтения и рассказа», вышедшей в 1862 г. (мы пользовались изданием 1870 г.), П. Е. Басистов в предисловии полемизирует с К. Д. Ушинским (прямо не называя его имени) о том, какие статьи могут быть предложены ученикам для первоначального чтения: «В составленном мною сборнике отведено мало места так называемым реальным сведениям. <...> Научным естественно-историческим, технологическим и тому подобным описаниям и объяснениям настоящее место не в книге для первоначального чтения» [Басистов: 6]. Басистов полагает, что статьи на естественно-научные темы дают мало материала для занятий собственно русским языком и могут оттолкнуть ребенка, не готового к восприятию сложного научного текста. Еще один важный принцип отбора текстов для своей хрестоматии Басистов формулирует следующим образом: «В моем сборнике почти все *русское*: *русские* сказки, рассказы из *русской* истории, из *русской* природы и быта. В нем помещены предпочтительно статьи, писанные языком народным, безыскусственным, простым. Можно бы найти и в иностранных сказках, в иностранной истории и природе много занимательного и полезного для детей: но мне хотелось, чтобы первые впечатления ребенка роднили его с нашим родным языком и бытом, с нашей природой и историей; я желал, чтобы любознательность ребенка при

первом своем пробуждении остановилась на своем, а не на чужом. Мне казалось, что у нас это нужнее, чем где-либо» [Басистов: 6–7]. В этом пункте Басистов с Ушинским единомысленны. В сборник Басистова входят следующие тексты Жуковского:

- 1) «Воскресное утро в деревне»;
- 2) «Сказка о Иване царевиче и сером волке»;
- 3) «Овсяный кисель».

Как мы видим, авторские принципы составления хрестоматии прямым образом отразились на отборе текстов Жуковского: в ассортименте русская сказка, русский пейзаж и русская деревенская идиллия (последние два, правда, переведены с немецкого из Гебеля).

Строго хронологически следующей нужно рассматривать хрестоматию Поливанова, но поскольку она содержит в себе критику на хрестоматию П. Полевого, мы начнем с последней. Дело в том, что первое издание «Учебной русской хрестоматии с толкованиями. Младший возраст» Петра Николаевича Полевого вышло в 1869 году, а первое издание книги Поливанова — в 1870. Мы же пользовались 32-м и 34-м изданием Полевого 1898 и 1903 гг., в которых не нашли сколько-нибудь значительных отличий. Первое издание 1869 г., согласно «Базе» Вдовина, включало в себя 6 текстов Жуковского:

1. «Воскресное утро в деревне»;
2. «Выбор креста»;
3. «Летний вечер»;
4. «Овсяный кисель»;
5. «Сельское кладбище»;
6. «Утренняя звезда».

Хрестоматии издания 1898 и 1903 года разделены на отделы: «Статьи для диктовки, разбора и заучивания наизусть», «Материал для самостоятельных работ», «Статьи для чтения и письменного изложения», «Из русской истории» и «Из природы и русского быта». В основе выбора текстов для последних двух разделов лежит тематический принцип, остальные же разделы названы по видам педагогической деятельности. Тексты Жуковского мы находим в разделе «Басни и стихотворения» отдела «Статьи для диктовки, разбора и заучивания наизусть» (это отрывок из баллады «Светлана», озаглавленный «Святочный вечер», отсутствовавший в первом издании). Судя по всему, этот текст предлагается

ученикам именно для заучивания. Следующий текст — «Две загадки» — также добавленный по сравнению с первым изданием — мог быть предложен и для диктовки, и для заучивания, и, конечно, для разгадывания. А вот последний текст первого отдела — стихотворение Жуковского «Овсяный кисель» — по всей вероятности, предназначен для разбора.

Термин «разбор» в контексте хрестоматии Полевого требует пояснения. Как видно из «толкований для ученика», разбор — это не то, что мы понимаем под термином «анализ художественного текста», т.е. не описание структуры, не отнесение текста к тому или иному жанру или литературному направлению. Если читать все авторские «толкования», становится понятно, что художественный текст для учителя — это еще и повод поговорить о различных явлениях природы, о грамматике русского языка, этимологии слов и выражений и вообще о всевозможных предметах, далеких от изящной словесности. В таком понимании цели и задачи чтения художественных произведений в младших классах, как нам представляется, отразился педагогический опыт русской школы, накопленный к моменту выхода хрестоматии: здесь и отголосок программы 1828 г. с упором на этимологию в первых классах, и ложно понятое «объяснительное чтение» К. Д. Ушинского, его педагогическая мысль о слиянии уроков русского языка, словесности и науки об окружающем мире.

Посмотрим, как комментируется стихотворение Жуковского «Овсяный кисель». Текст разбит «толкованиями для ученика». Видимо, чтение, по мысли автора, должно было прерываться комментарием. Это не просто пояснение непонятных слов и реалий. Автор хрестоматии рассказывает о видах зерновых, о том, когда их жнут и убирают, как устроен жернов, сообщает о переносных значениях поясняемого слова, об омонимах, этимологии слова, задает грамматические вопросы, приводит множество однокоренных слов. Комментарий по объему превосходит текст Жуковского. Иногда автор задает вопрос и сам же на него отвечает. Например: «Истолковать значение выражений: «мне это нелюбо (в смысле: не нравится)» [Полевой: 72]. Встречается и не совсем верное толкование. Например, паперть объясняется так: «папертью церкви называются сени церковные, небольшая комната перед входными церковными дверями».

Приведем пример «Толкования для ученика» к тексту Жуковского «Овсяный кисель»:

«Всякий нам дар совершен и даяние благо» — известное выражение молитвы: «Всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше нисходяй». — Весной заскородил — то же, что забороновал. — *Овес принадлежит к яровым хлебным растениям, т. е. к таким, которые сеются весной, а убираются осенью; рожь, напротив того, к озимым, т. е. к таким, которые сеются в конце лета, зимуют в поле, и созревают уже только к концу следующего лета.* — Малютка-зародыш, т. е. жизненная сила каждого свежего, неиспорченного зерна; зерно испорченное, подгнившее или пересушенное, не заключая в себе жизненной силы, не пускает от себя и ростков, когда его кладут в землю <...>. Борозда? Борозды? Припомнить старое (см. выше); бороздить, избороженный? Тихомолком; втихомолку? Как сказать иначе? — Уполз из пелен; здесь пеленами названа скорлупа зерна. — Пробуравить, т. е. провертеть буравом; бурав, буравчик? — Корешок пробуравил, т. е. пробил скорлупу зерна. — Проведать? Отведать? Изведать? Заповедать? Поведать? Исповедать? Наведаться? — Тайком — то же, что тайно. — Как любо, т. е. хорошо, мило. Истолковать значение выражений: «мне это нелюбо (в смысле: не нравится), ему это любо; выбирай себе любое дерево <...> Рядится — от рядиться; какая разница между этими двумя словами?.. Нарядиться; наряжаться; наряд, нарядный и наряженный; в чем разница? Рядиться (от слова: ряда) значит еще: заключать с кем-нибудь условие, переговоры вести о каком-нибудь деле, напр.: мы с ним долго рядились и наконец решили дело (отсюда происходят слова: рядчик, подрядчик); ряды (войска, домов и т. д.) и ряды (в смысле лавки, гостиный двор) [Полевой: 71 — 72].

И это лишь небольшой фрагмент «толкования» стихотворения. Комментарий к «Овсяному киселю» едва ли не самый объемный во всей хрестоматии. Как нам кажется, такое особое внимание именно к этому тексту объясняется авторитетом К. Д. Ушинского, рекомендовавшего в предисловии к «Детскому миру и хрестоматии» читать «Овсяный кисель» на уроке сразу после чтения статьи «Рожь» (см. в «толковании» выделенный нами курсивом фрагмент о сопоставлении овса и ржи). Такой подход Полевого к комментированию художественных текстов вызвал заслуженную критику, например, автора другой популярной детской хрестоматии Льва Поливанова, о чем мы скажем ниже.

Еще одной особенностью хрестоматии Полевого является своеобразный материал первого, начального отдела. Эти самые первые, короткие и очень простые тексты, предназначенные для диктовки, т. е. развития у учеников базовых навыков чтения и письма, анонимны (за некоторыми исключениями). Авторство здесь не важно, ведь тексты имеют в первую очередь практическое значение. Но если присмотреться к ним, можно заметить, что это очень упрощенные прозаические пересказы некоторых сочинений, представленных в последующих

разделах хрестоматии. Так, первый текст, под названием «Хвастливая муха» — это пересказ басни И. И. Дмитриева «Муха», «Богач и бедняк» — пересказ басни И. А. Крылова «Откупщик и сапожник» и т. д. Заглавия текстов для этого раздела чаще всего изменяются, но напоминают названия оригинальных произведений. Иногда заглавия сохраняются, так, к примеру, «Летний дождь» — пересказ одноименного стихотворения Аполлона Майкова. Причем пересказ получился многословней, чем сам оригинальный текст. Ср.:

«Золото, золото падает с неба!» — Дети кричат и бегут за дождем...
— Полноте, дети, его мы сберем,
Только сберем золотистым зерном
В полных амбарах душистого хлеба!

И пересказ: «Дети бегают за дождем. Они громко кричат: «Золото падает с неба!» — «Полноте, дети, кричать. Не бегите за дождем. Этот дождь взрастит золотое зерно. Мы сберем зерно в амбары. Тогда вам не придется за золотом бегать» [Полевой: 4].

В тексте из этого раздела под названием «Откуда кисель» легко угадывается «Овсяный кисель» Жуковского:

Дети, овсяный кисель на столе. Читайте молитву. Смирно сидите. Не марайте рукавов. Не суйтесь к горшку. Кушайте, светики, на здоровье. Господь вас помилуй! В поле отец ваш посеял овес. Он посеял его весной. Вот Господь сказал ему: поди домой! Не заботься о посеве! Без тебя он взойдет. Так оно и случилось. Прошел Троицын день. Наступил потом Петров день с сенокосом. Вот собрали вишни и сливы в садах. Вот принялись и за жатву. Пожали сначала рожь и пшеницу. Потом уж добрались до овса. До первых морозов лежали снопы его в поле. Вот и их обмолотили. Гнедко потащился на мельницу с тяжелым возом. Начал жернов молоть — и зернышки стали мукою. Родимая матушка надоила молочка от пестрой коровки. Сварила она кисель. А детушки его скушали, ложки обтерли, сказали: спасибо» [Полевой: 7].

При внимательном чтении этого нехитрого пересказа можно заметить, что переданы те части стихотворения, которые позже будут комментироваться в «толковании для ученика». Возможно, такие пересказы были призваны подготовить ученика к последующему восприятию оригинальных художественных текстов, далее помещенных в хрестоматии. Полевой использует здесь принцип повторения, опоры на уже известное. Неслучайно автор хрестоматии в «толковании для ученика» часто призывает «припомнить старое»,

«смотреть выше», указывает на связь с уже пройденным материалом. Эта особенность также может быть возведена к учебным книгам К. Д. Ушинского с их делением на две части, которые учитель должен связать друг с другом: статьи естественнонаучного содержания и художественные тексты. В хрестоматии П. Полевого нет такой научной основы, и статьи из первого отдела выглядят довольно простодушными, однако ориентация на К. Д. Ушинского прослеживается.

В хрестоматии П. Полевого у двух текстов — пересказа и оригинального стихотворения — разные функции, о чем прямо сказано в оглавлении хрестоматии. Первый текст предназначен «для диктовки», второй — «для разбора». В этой же первой части кроме пересказов мы находим и отрывки оригинальных произведений, например, отрывок из стихотворения Жуковского «Мальчик с пальчик», причем в оглавлении указан автор.

Кроме того, тексты Жуковского мы находим и в третьем отделе, где представлены «статьи для диктовки, разбора и заучиванья наизусть». Это «Воскресное утро в деревне», «Сельское кладбище» (отрывок из второго перевода из Грея), «Летний вечер» (полностью) и «Утренняя звезда» (также без последних двух строк).

Все стихотворения Жуковского из этого раздела сопровождаются «толкованием для ученика», но в отличие от комментария к «Овсяному киселю», тексты не прерываются, «толкования» помещены после текстов. Пример «толкования» к стихотворению «Утренняя звезда»:

Аист (большая птица, похожая на журавля или на цаплю, на высоких ногах, с белой грудью и головой, с черными крыльями) обыкновенно вьет себе свое огромное гнездо на кровле крестьянских домов или на деревьях около дома, в западной и южной полосе России. Крестьяне так уважают эту птицу, что гнездо аистов считается такой же счастливой приметой для хозяев дома, как и гнездо ласточек на севере. Крестьяне часто даже привлекают аистов селиться на кровле своих домов тем, что кладут на кровле колеса, у которых середина вывалилась от ветхости: аисты очень охотно принимают эти колеса за основу своего гнезда и, обвив снизу их прутьями и нанеся в середину листьев, обращают их в свои гнезда [Полевой: 122].

И последний текст Жуковского мы находим в разделе «Статьи для чтения и письменного изложения». Текст озаглавлен «Каннитферштан», это отрывок из произведения «Две были и еще одна». Как мы видим, в более поздних изданиях

П. Полевой отказался от текста «Выбор креста», бывшего в первом издании, и добавил отрывок из «Светланы» («Святочный вечер»), «Мальчик с пальчик», «Две загадки» и «Каннитферштан».

Интересно, что пять из девяти текстов Жуковского, помещенных в хрестоматии Полевого, — это переводы из Гебеля. По всей вероятности, такой выбор объясняется концепцией хрестоматии. Судя по оглавлению, наиболее приемлемыми для учеников младшего возраста Полевой считает тексты о животных, о природных явлениях, о быте крестьян. В «толкованиях для ученика» заметно особое пристрастие Полевого к комментированию слов, связанных с сельскохозяйственными работами и вообще сельской жизнью. К тому же Полевой хорошо был знаком с германской поэзией, он защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию «Опыт сравнительного обозрения древнейших памятников народной поэзии германской и славянской». И хотя Гебель — не самый «древний» германский поэт, думается, что идиллические картинки из сельской жизни, простота и народность его произведений хорошо вписались в общую тематику хрестоматии Полевого. В тематическом отношении также очевидна связь хрестоматии П. Полевого с пособиями К. Д. Ушинского.

«Русская хрестоматия для двух первых классов средних учебных заведений» Льва Поливанова, вышедшая впервые в 1870 году, в предисловии содержала резкую критику дидактического метода Полевого. Признавая его хрестоматию «одной из лучших книг по начальной дидактике», Поливанов считает толкования своего коллеги чрезмерными, рассеивающими внимание ученика, уводящими его в сторону от текста и препятствующими пониманию текста как художественного целого. Л. Поливанов специально посвящает проблеме понимания смысла термина «объяснительное чтение» шесть с половиной страниц предисловия, поскольку считает, что многими авторами школьных пособий этот метод понимается превратно. Так, некоторые «полагают дело объяснительного чтения <...> в беседах с детьми *по поводу* любого слова статьи о тех *предметах* и *явлениях*, которые означаются этими словами» [Поливанов: III]. Надо сказать, что Полевой в какой-то мере прислушался к критике Поливанова и в переиздании 1898 г. процитированное язвительным Поливановым место из «толкований для ученика» отсутствует. Кажется, Л. Поливанов не согласен не только с авторами хрестоматий, неудачно применивших метод К. Д. Ушинского, но и с самим Ушинским, для которого

выделенные Поливановым курсивом понятия «предметы и явления» были настолько важны, что он вынес «наглядное знакомство с предметами природы» в заглавие своей учебной книги. Л. Поливанов же в словосочетании «объяснительное чтение» делает акцент на слове «чтение». По его мысли, объяснительное чтение должно помогать понять сам текст и мысль автора, привить «вкус к стилю фразы», по словам его ученика Андрея Белого. Л. Поливанов, окончивший историко-филологический факультет Московского университета, автор литературоведческих работ о В. А. Жуковском, А. С. Пушкине, Л. Н. Толстом, в отличие от склонного к естественным наукам К. Д. Ушинского, главными принципами отбора текста для хрестоматии считает его художественные достоинства, изящество слога, важность в истории литературы. «Объяснительное чтение», в трактовке Л. Поливанова, предполагает анализ текста, понимание его композиции, плана и языковых особенностей.

Хрестоматия Поливанова состоит из пяти жанрово-тематических разделов:

1. Мелкие рассказы и стихотворения.
2. Басни.
3. Сказки и рассказы из мифологии.
4. Проза повествовательная.
5. Проза описательная.
- 5.1. Картины природы
- 5.2. Художественные описания животных.
6. Славянское чтение.

Из всех изученных нами хрестоматий в книге Поливанова представлено наибольшее количество текстов Жуковского — 17. Это:

- 1) «Птичка»;
- 2) «Жаворонок»;
- 3) «Солнышко» (отрывок из стихотворения «Летний вечер»);
- 4) «Утренняя звезда» (3 первых строфы);
- 5) «Мщение»;
- 6) «Выбор креста» (полностью);
- 7) «Человек и верблюд (аллегория)» (отрывок из «Двух повестей», «Подарок на Новый год издателю «Москвитянина»»);
- 8) «Каннитферштан»;
- 9) «В римском цирке» (отрывок из «Агасфера» о предании христиан, епископа и 12 добровольных мучеников на съедение льву);

- 10) «Предание об Александре Македонском» (отрывок из «Двух повестей», «Подарок на Новый год издателю «Москвитянина»», сноски: 1) Эдем — рай, 2) символ — видимый знак);
- 11) «Суд Божий над епископом»;
- 12) «Многолетие» (отрывок — 1–3 и последняя строфы);
- 13) «Народный гимн» («Боже, царя храни!» 1833 г.);
- 14) «Спящая царевна»;
- 15) «Мальчик с пальчик» (как прозаический текст, в строчку);
- 16) «Война мышей и лягушек»;
- 17) «Животные перед судом Миноса» («Пред судилище Миноса», название в хрестоматии дано Поливановым, сноски: 1) Минос — по верованиям древних греков — судья в подземном мире, сын Зевса, бывший при жизни царем критским. Стикс — река в подземном мире (в греч. мифологии).

Такое почетное место Жуковского в хрестоматии Л. Поливанова объясняется тем, что ее составитель получил хорошее историко-филологическое образование, был автором литературоведческих работ о Жуковском (к столетнему юбилею Жуковского вышла книга Л. Поливанова под псевдонимом П. Загарина «Жуковский и его произведения») и поклонником его таланта. Следует с особым вниманием отнестись к хрестоматии Л. Поливанова, не только потому, что она выдержала много переизданий (перепечатывалась и в начале XX века, мы пользовались 32-м и 34-м переизданиями) и была чрезвычайно популярной, но и потому, что сам Л. Поливанов был директором и учителем русского языка и словесности в открытой им частной мужской гимназии в Москве, в которой учились, например, Валерий Брюсов, Максимилиан Волошин, Андрей Белый, Вадим Шершеневич, Сергей Шервинский, Сергей Эфрон, Николай Позняков и др. Воспитанник Поливановской гимназии Л. Л. Толстой писал о своем учителе в статье «Памяти Л. И. Поливанова»:

Надо было слышать его уроки, полные жизни, производившие впечатление чего-то необыкновенного, казавшиеся иногда какими-то вдохновенными импровизациями, заражавшие любовью к предмету и учителю. Надо было чувствовать это неотразимое нравственное влияние, при котором всякое слово его было законом, всякое мнение — высшим авторитетом [Толстой: 4].

Следующая по времени издания — хрестоматия В. И. Реймерса и И. Н. Малиновского 1881 г. — предназначена для учебных заведений с немецким языком преподавания, опубликована в Риге. В предисловии авторы назвали одной из целей книги

...представить большой выбор стихотворений лирических и стихотворений, содержащих в себе описания картин природы, народного быта и исторических происшествий, наиболее доступных пониманию учеников, начинающих знакомиться с русским языком. <...> Изложить рассказы, особенно заключающиеся в первой части хрестоматии, языком простым, состоящим из коротких предложений, с устранением на первых порах деепричастий и причастий, идиотизмов <sic!> русского языка и вообще всех тех форм, которые не могут быть в точности переведены на немецкий язык [Малиновский, Реймерс: III–IV].

В хрестоматии мы находим 10 текстов Жуковского, 3 из них напечатаны анонимно.

1) «Боже царя храни...» (1833) — это второй стихотворный текст в книге.

2) «Птичка» (сноски к словам: «поет» и «вьешь» — «петь», «вить».

Это общий принцип хрестоматии: в сносках указаны начальные формы слов.) Заметим, что это простое стихотворение могло использоваться как дидактический материал для изучения спряжения глагола.

3) «Рассказ мышонка о помощи льву» (отрывок из «Войны мышей и лягушек», «Раз случилось, что множество нас...», напечатан в строчку, как прозаический текст, без фамилии автора).

4) «Жаворонок». Выходя за временные рамки нашего исследования, скажем, что это очень устойчивый хрестоматийный текст, он до сих пор входит в набор текстов для заучивания наизусть в младших классах русской школы (по крайней мере, по программе русских школ Эстонии), но без последних четырех стихов:

Здесь так легко мне, так радушно,
Так беспредельно, так воздушно;
Весь Божий мир здесь вижу я,
И славит Бога песнь моя.

Видимо, этот сокращенный вариант перекопировал из советских учебников в современные.

5) «Наступление ночи» (отрывок из баллады «Людмила». Отметим совпадение заглавия отрывка с его названием у Паульсона).

- 6) «Песня бедняка» (подчеркнута в книге, по всей вероятности, задавали прочесть на дом или разбирали в классе).
- 7) «Спящая царевна» (отрывки, анонимно).
- 8) «Гаданья на святках» (отрывок из баллады «Светлана»).
- 9) «Утренняя звезда» (отрывок, также целомудренно обрывается на словах «Да чу! К заутрене звонят»).
- 10) «Мщение».
- 11) «Суд Божий над епископом» (напечатан в строчку, как прозаический текст, фамилия в тексте, в оглавлении нет).
- 12) «Каннитферштан» (Отрывок из баллады «Две были и еще одна»). Текст написан гекзаметром, в хрестоматии же дан в строчку, как прозаическое произведение. Без фамилии автора — возможно, потому что это перевод притчи Гебеля, которая была популярна на разных языках, и для авторов хрестоматии важнее передать смысл притчи. Впрочем, все вообще прозаические тексты даны в этой хрестоматии без подписи.
- 13) «Младенец»:

Вот пример! Беспечно в свет!
Пусть гроза, пускай волненье;
Нам погибели здесь нет;
Правит челн наш провиденье.
Здесь стезя твоя верна;
Меньше, чем другим, опасна;
Жизнь красой души красна,
А твоя душа прекрасна.

Последние две строфы текста Жуковского, вероятно, были исключены составителями хрестоматии, так как в них появляется свойственное альбомной лирике личное обращение к владелице альбома (это стихотворение имеет подзаголовок — «В альбом графини О. П.», в хрестоматии он не приводится). Возможно, и призыв отправляться «беспечно в свет» показался Реймерсу с Малиновским непедagogичным. Без последних двух строф стихотворение не обязательно прочитывается как метафорическое и альбомное, можно предположить, что подобное сокращение было призвано упростить текст для немецкоговорящих учеников, только начинающих изучать русский язык, в таком случае, однако, теряется важная для творчества Жуковского тема «провиденья».

В третьем издании хрестоматии (1887) Реймерс и Малиновский помещают также предисловие ко второму изданию, в котором сообщают о том, что «некоторые ее статьи, как прозаические, так и стихотворные, оказавшиеся неудобными, заменены другими <...>. Согласно заявлению некоторых г. г. Преподавателей стихотворения сгруппированы в конце каждого курса или отдела» [Малиновский, Реймерс 1887: IV]. Как видно из этого предисловия, составители хрестоматии учитывают педагогический опыт коллег и вносят изменения в следующие издания. Любопытно сравнить третье издание с первым и посмотреть, коснулись ли изменения текстов Жуковского.

В третьем издании гимн «Боже, царя храни!» (1833) перемещен в начало стихотворного отдела (первый стихотворный текст первого издания — «Благовест» А. К. Толстого, в этом издании он десятый). Это изменение не нуждается в комментариях, текст официального гимна страны естественно поместить в начало отдела. Сразу же за гимном следует стихотворение «Птичка», как и в первом издании. Далее из текстов Жуковского нам встречаются «Песня бедняка», «Мальчик с пальчик» (отрывок, напечатано как стихотворение). Под стихотворением «Мальчик с пальчик» нет фамилии Жуковского, за ним следует стихотворение «Омут» А. К. Толстого (также без фамилии автора), а затем — «Мщение» В. А. Жуковского (с указанием автора, название стихотворения в имевшемся в нашем распоряжении экземпляре подчеркнуто карандашом, возможно, изучалось на уроке). Такое соседство могло повлиять на восприятие учениками стихотворения А. К. Толстого и при самостоятельном чтении могло ошибочно приписываться Жуковскому, поскольку в хрестоматиях XIX века существовала практика помещать имя автора под последним его текстом, если несколько стихотворений одного поэта следуют друг за другом. К тому же, если гимназисты были знакомы с балладой «Лесной царь»⁹, они могли заметить сходство сюжета «Омута» и «Лесного царя». В данной хрестоматии, однако, текста «Лесного царя» нет. Нет и бывших в первом издании хрестоматии отрывков из «Людмилы» и «Светланы». Таким образом, балладную нишу занимает А. К. Толстой с «Омутом». Стихотворение «Младенец» помещается с теми же сокращениями, что и в первом издании.

---

⁹ Напомним, что хрестоматия Реймерса и Малиновского предназначена для немецкоговорящих учеников, значит, они скорее всего знали оригинал Гете, и можно предположить, что Жуковский им изначально известен в первую очередь как переводчик «Der Erlkönig».

В отделе прозы в строчку напечатаны: «Рассказ мышонка о помощи льву» (отрывок «Раз случилось, что множество нас, молодых мышенят...», помещен анонимно), «Суд Божий над епископом», «Каннитферштан», «Спящая царевна» (без фамилии автора, возможно, потому, что это известная европейская сказка, а не оригинальное произведение Жуковского). Последний текст разделен на несколько статей, каждая предваряется заголовком — кратким содержанием («Чародейка предсказывает судьбу царевны»). В первом издании был представлен сокращенный вариант — текст обрывался на сцене, в которой героиня уколола руку веретеном. В третьем издании текст приводится почти полностью, за исключением следующих мест:

Грудь как свежий снег бела;
Губки алые горят;
Руки белые лежат;
На трепещущих грудях;
Сжаты в легких сапожках
Ножки — чудо красотой.
Видом прелести такой
Отуманен, распален,
Неподвижно смотрит он;
Неподвижно спит она.
Вот, чтоб душу насладить,
Чтоб хоть мало утолить
Жадность пламенных очей,
На колени ставши, к ней
Он приблизился лицом:
Распалительным огнем
Жарко рдеющих ланит
И дыханьем уст облит...

Со всей очевидностью, эти сокращения были сделаны из соображений целомудрия, а не ради экономии места, т. к. стихи сокращаются не подряд, в первом случае по одному, два стиха.

Итак, в издании 1887 г. — 9 текстов Жуковского. По сравнению с первым изданием 1881 г. (13 текстов) исключены следующие: «Жаворонок», «Наступление ночи» (отрывок из «Людмилы»), «Гаданье на святках» (отрывок из «Светланы»), «Утренняя звезда». Такие исключения не поддаются простому

объяснению, ведь, как мы видим по оглавлениям других детских хрестоматий, это едва ли не самые популярные тексты Жуковского в низших классах. Добавлен отрывок из стихотворения «Мальчик с пальчик», а «Спящая царевна» помещена почти полностью, но теперь как прозаический текст, разделенный на части с собственными подзаголовками, без фамилии автора. Можно предположить, что составители хрестоматии в третьем издании сменили тактику: вместо нескольких отрывков из баллад они помещают целые тексты на схожую тему (иногда других авторов). Так, например, в третьей части нет отрывков из «Людмилы» и «Светланы» (правда, по отрывкам из первой части трудно догадаться, что это баллады; помещенные отдельно, эти фрагменты выглядят как обычные лирические стихотворения), но встречается стихотворение А. К. Толстого «Омут», которого нет в первом издании. В первом издании в оглавлении для части текстов указан автор, в тексте хрестоматии стихотворные тексты подписаны именем автора, прозаические — нет. В третьем издании в оглавлении не указаны фамилии авторов, но в тексте часть помещена анонимно (теперь встречаются анонимные тексты и в стихотворной части, и подписанные — в прозаической). Нам представляется, что с наибольшей вероятностью ученикам запоминались тексты Жуковского, авторство которых было указано в оглавлении. Это «Боже, царя храни!», «Птичка», «Жаворонок», «Наступление ночи», «Песня бедняка», «Гаданья на святах» (отрывок из «Светланы»), «Утренняя звезда».

Рассмотрим теперь книгу «Русская хрестоматия. Wene keele lugemise raamat» К. Нигголя, изданную в Тарту в 1883 г. Как видно из названия, это книга для эстонских учеников, изучающих русский язык в школе. В Предисловии автор пишет о том, что русский язык входит в программы школ Эстонии все чаще, и возникла необходимость в русской хрестоматии, поскольку многие школы уже выросли из Wene keele õppimise raamat: «Ta eesti koolidele, kus wene keelt õpetatakse, 1) suure hulga lugemise tükisid ja laulusid kõige paremaist wene kirjanikkudest ja ka tõeste rahwaste paremast kirjawarast lugemiseks, ümberpanemiseks ja pähäõppimiseks kergemalt raskemale minnes, annab» [Niggol: III]

Многие тексты взяты из русских хрестоматий (Ушинский, Полевой, Паульсон, Голотузов, Филонов, Басистов, Николич и Шафранов) и сборников для народного чтения, что указано в оглавлении. Хрестоматия Нигголя — это компиляция текстов из разных хрестоматий. В книге мы встречаем следующие тексты В. А. Жуковского:

- 1) «Летний вечер» (полностью);
- 2) «Ночь»;
- 3) «Песнь русскому царю» («Боже, царя храни!», 1818 г., 6 строф);
- 4) «Рассказ мышонка о помощи льву» (тот же отрывок из «Войны мышей и лягушек», что и во многих других детских хрестоматиях, то же название).

Стихотворные тексты („laulud”) отмечены звездочкой. Но «Рассказ мышонка» не отмечен, напечатан в строчку. В хрестоматии встречаются ошибки: «Ночь» напечатано с ошибкой во втором стихе «склонился на багряные воды» вместо «в багряные», что сбивает ритм при добавлении лишнего слога, а в «Песни русскому царю» — долгие дни вместо долги. В «Летнем вечере» «затолкнуло» вместо «замолкнуло». Все эти мелкие недочеты, вероятно, существенно затрудняли чтение на иностранном языке.

Тексты сгруппированы по темам (например, «времена года» — лето: «Лето», «Летний вечер», «Летняя жара», «Летняя жара», «Летний дождь» и т. д.), но это характерно для многих школьных хрестоматий.

Итак, просмотрев 12 хрестоматий для школьников младшего возраста, мы можем заключить, что:

1) тексты В. А. Жуковского входят почти во все хрестоматии. Исключения составляют некоторые учебные книги для учеников с неродным русским языком¹⁰ и «Родное слово» К. Д. Ушинского — первая книга для чтения, предназначенная для детей из народа. В обоих этих случаях в хрестоматии выбираются более доступные для понимания тексты.

2) На протяжении XIX века постепенно сформировался список наиболее популярных текстов Жуковского, переходящих из хрестоматии в хрестоматию.

3) Составители вступают между собой в дискуссию о педагогических методах. Особенно знаменателен в этом отношении 1861 г., когда выходит сразу несколько учебных пособий разных авторов, совершенно иначе построенных. Безусловно, это связано с атмосферой всеобщего оживления в первую половину

---

¹⁰ Однако нельзя сказать, что Жуковский был непопулярен в учебных пособиях, предназначенных для изучения русского как иностранного. Так, например, в 1890 г. в Дерпте отдельным изданием вышел небольшой сборник стихотворений Жуковского «для классного чтения и перевода на немецкий язык» [Аржавин].

царствования Александра II и с новыми веяниями в педагогике, о чем мы упоминали в первой главе. Таким образом, хрестоматии вступают во взаимодействие, влияют друг на друга. Некоторые авторы (например, Нигголь) составляют свою книгу для чтения из разных ранее вышедших хрестоматий.

4) Некоторые отрывки из текстов Жуковского постоянно публикуются в школьных хрестоматиях под одним и тем же названием (не авторским), зачастую совпадают и границы этих отрывков. Можно привести в качестве примера второй по популярности «хрестоматийный» текст Жуковского — отрывок из «Войны мышей и лягушек» — «Рассказ мышонка о помощи льву».

5) Некоторые тексты Жуковского сокращаются (часто — одинаковым образом в разных хрестоматиях) из соображений, высказанных директором Главного немецкого училища св. Петра И. И. Вейссе, по поручению которого Греч в 1812 г. составил первую нам известную русскую хрестоматию: «... И чтобы в сей книге не было ничего противного благопристойности, двусмысленного или могущего возбудить в юношах вредное любопытство» [Греч: II].

6) На состав хрестоматии часто влияет индивидуальный художественный вкус автора (это особенно заметно на примере хрестоматии Л. И. Поливанова) и его педагогические убеждения (самый яркий пример здесь — К. Д. Ушинский).

7) Если в хрестоматии или книге для чтения есть задания к тексту, они имеют практический характер: определить грамматическую категорию слова, просклонять или проспрягать, подобрать однокоренные слова, рассказать об этимологии слова и т.д. Заданий, связанных с художественным своеобразием текста, мы не встретили. Напомним, что художественные тексты в начальных классах гимназии читаются в рамках урока русского языка, уроки словесности предполагаются только в последнем (или двух последних) классе гимназии.

В Приложении к главе приведем список текстов Жуковского, встретившихся нам в хрестоматиях для низших классов средних учебных заведений России XIX века. В следующей главе рассмотрим, как были представлены тексты В. А. Жуковского и его биография в хрестоматиях и учебниках словесности для старших классов русской гимназии XIX века.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ 2.

**ТАБЛИЦА ЧАСТОТНОСТИ ТЕКСТОВ В. А. ЖУКОВСКОГО В
РАССМОТРЕННЫХ ХРЕСТОМАТИЯХ ДЛЯ НИЗШИХ КЛАССОВ
СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИИ XIX ВЕКА.**

Текст Жуковского (количество публикаций)	Хрестоматия	Объем и особенности публикации
1. Война мышей и лягушек (7)	Павловский 1842 Ушинский 1861 Паульсон 1861 Поливанов 1894 Реймерс, Малиновский 1881 Реймерс, Малиновский 1887 Нигголь 1883	Отрывок «Как мыши кота хоронили» Отрывок «Рассказ мышонка о помощи льву» Отрывок «Рассказ мышонка о помощи льву» (напечатан как прозаический текст) Отрывок «Рассказ мышонка о помощи льву» (напечатан как прозаический текст) Отрывок «Рассказ мышонка о помощи льву»
2. Утренняя звезда (5)	Паульсон 1861 Полевой 1898 Поливанов 1894 Реймерс, Малиновский 1881	Без последних 2 строф 3 первые строфы Отрывок до стихов «Да чу! К заутрене звонят...»

	Реймерс, Малиновский 1887	
3. Две были и еще одна (4)	Полевой 1898 Поливанов 1894 Реймерс, Малиновский 1881 Реймерс, Малиновский 1887	Отрывок «Каннитферштан» «Каннитферштан» «Каннитферштан» (напечатан как прозаический текст) «Каннитферштан». (напечатан как прозаический текст)
4. Жаворонок (4)	Паульсон 1861 Поливанов 1894 Реймерс, Малиновский 1881 Реймерс, Малиновский 1887	
5. Летний вечер (4)	Паульсон 1861 Полевой 1898 Поливанов 1894 Нигголь 1883	Отрывок «Солнышко»
6. Мальчик с пальчик (4)	Ушинский 1861 Паульсон 1861 Поливанов 1894 Реймерс, Малиновский 1887	Напечатан как прозаический текст
7. Песня бедняка (4)	Ушинский 1861 Паульсон 1861 Реймерс, Малиновский 1881 Реймерс, Малиновский 1887	

8. Суд Божий над епископом (4)	Ушинский 1861 Поливанов 1894 Реймерс, Малиновский 1881 Реймерс, Малиновский 1887	Напечатан как прозаический текст Напечатан как прозаический текст
9. Людмила (3)	Паульсон 1861 Реймерс, Малиновский 1881 Реймерс, Малиновский 1887	Отрывок «Наступление ночи» Отрывок «Наступление ночи» Отрывок «Наступление ночи»
10. Мщение (3)	Поливанов 1894 Реймерс, Малиновский 1881 Реймерс, Малиновский 1887	
11. Народный гимн (3)	Поливанов 1894 Реймерс, Малиновский 1881 Реймерс, Малиновский 1887	(«Боже, царя храни!», 1833 г.)
12. Овсяный кисель (3)	Ушинский 1861 Басистов 1870 Полевой 1898	
13. Птичка (3)	Поливанов 1894 Реймерс, Малиновский 1881 Реймерс, Малиновский 1887	
14. Светлана (3)	Полевой 1898	Отрывок «Святочный вечер»

	Реймерс, Малиновский 1881 Реймерс, Малиновский 1887	Отрывок «Гаданья на святках» Отрывок «Гаданья на святках»
15. Спящая царевна (3)	Поливанов 1894 Реймерс, Малиновский 1881 Реймерс, Малиновский 1887	Отрывки Отрывки
16. Воскресное утро в деревне (2)	Басистов 1870 Полевой 1898	
17. Две повести (2)	Поливанов 1894	Отрывок «Человек и верблюд (аллегория)» Отрывок «Предание об Александре Македонском»
18. Младенец (2)	Реймерс, Малиновский 1881 Реймерс, Малиновский 1887	Без последних 2 строф Без последних 2 строф
19. Песнь русскому царю (2)	Паульсон 1861 Нигголь 1883	«Молитва русского народа», 1818 «Боже, царя храни!», 1818, 6 строф
20. Сельское кладбище (2)	Паульсон 1861 Полевой 1898	Отрывок до «Навеки затворясь, сном непробудным спят») Отрывок из второго перевода из Грея
21. Агасфер (1)	Поливанов 1894	Отрывок «В римском цирке»
22. Выбор креста (1)	Поливанов 1894	

23. Две загадки (1)	Полевой 1898	
24. Двенадцать спящих дев (1)	Павловский 1842	Отрывок «Буря (Из Вадима)» из 2 части
25. Красный карбункул (1)	Павловский 1842	
26. Многолетие (1)	Поливанов 1894	1–3 и последняя строфы
27. Ночь (1)	Нигголь 1883	
28. Пред судилище Миноса (1)	Поливанов 1894	«Животные перед судом Миноса»
29. Сказка о Иван Царевиче и сером волке (1)	Басистов 1870	
30. Ундина (1)	Павловский 1842	Отрывок

ГЛАВА 3

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВА В. А. ЖУКОВСКОГО В РОССИЙСКИХ ГИМНАЗИЧЕСКИХ ХРЕСТОМАТИЯХ И УЧЕБНИКАХ XIX ВЕКА

В настоящей главе мы попытаемся проследить, как на протяжении XIX века в школьные хрестоматии, учебники и книги для чтения для гимназического этапа входят произведения и биография В. А. Жуковского, как меняется этот набор текстов и постепенно разрастается и дополняется биография поэта. Мы выделили несколько наиболее репрезентативных и наиболее популярных в XIX в. хрестоматий и учебников разного типа и разного времени издания, проанализировали интересующий нас материал и обнаружили некоторый вектор эволюции образа поэта в педагогической русской литературе XIX в.

Мы будем говорить о следующих изданиях:

- 1) Греч, Н. Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе. СПб., 1812.
- 2) Греч, Н. Учебная книга Российской словесности или избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики, и истории российской словесности. СПб., 1819–1822.
- 3) Пенинский, И. Российская хрестоматия, или отборные сочинения отечественных писателей в прозе и стихах. СПб., 1834.
- 4) Галахов, А. Д. Полная русская хрестоматия: В 3 ч. СПб., 1859 г. (первое издание — 1843 г.).
- 5) Галахов, А. Историческая хрестоматия нового периода русской словесности: От Петра I до нашего времени: В 2 т. СПб., 1861–1864. Т. 2: От Карамзина до Пушкина. 1864.
- 6) Филонов, А. Русская хрестоматия, с примечаниями. Для высших классов средних учебных заведений: В 4 т. СПб., 1873–1878.
- 7) Водовозов В. И. Словесность в образцах и разборах. СПб., 1885.
- 8) Водовозов В. Новая русская литература (от Жуковского до Гоголя включительно). СПб., 1895.
- 9) Галахов, А. Д. Историко-литературная хрестоматия. СПб., 1898 г.

Как мы уже писали выше, первая известная нам русская хрестоматия — это книга Николая Греча [Греч 1812]. В нее уже входят тексты В. А. Жуковского, хотя они

занимают пока еще скромное место: это всего два текста — сокращенный вариант повести «Вадим» и «Кабуд путешественник». Хрестоматия Греча небольшого объема, она включала в себя только прозаические тексты, а Жуковский был в то время известен прежде всего как поэт. Кроме того, главной задачей этой первой хрестоматии была задача практическая — предоставление материала для обучения русскому языку немецкоговорящих учеников. Однако несмотря на то, что первоначально она была предназначена для небольшой аудитории иноязычных учащихся, а составитель руководствовался специфическими задачами и принципами отбора текстов, книга эта из-за общего недостатка учебных пособий была впоследствии очень популярна и в русских гимназиях и использовалась для обучения русской словесности. Мы знаем об этом из предисловия Н. И. Греча к следующему своему опыту по составлению педагогической литературы — «Учебной книге российской словесности» 1819 г.

Кроме уже названной практической функции книги 1812 г., директор немецкой гимназии поставил перед Гречем такие задачи:

1. Избрать места из лучших Российских сочинений и переводов, для чтения перевода и разбора их в классах. К трудам знаменитейших Российских Авторов присовокупить сочинения и переводы писателей второй степени, дабы учащиеся, сравнивая их с первыми, научались отличать хорошее и изрядное от лучшего и прекрасного, и тем образовали свой вкус в Словесности.
2. Наблюдать, чтоб каждая статья, сверх красот в отношении к языку и красноречию, заключала в себе какие-нибудь полезные истины, или имела нравоучительную цель, и чтобы в сей книге не было ничего противного благопристойности, двусмысленного или могущего возбудить в юношах вредное любопытство [Греч 1812: I–III].

Эти две главнейшие цели: формирование художественного вкуса и нравственное воспитание учащихся останутся актуальными для всех составителей и более поздних гимназических хрестоматий и учебников и будут впоследствии в несколько иной форме заявлены в министерских гимназических программах по русской словесности. Заметим, что воспитание вкуса ставится при этом на первое место. И все же хрестоматии отличаются друг от друга принципами отбора текстов, педагогическими установками и подходами к изучению творчества того или иного автора, поэтому имеет смысл описать авторские интенции их составителей. Особенно нас будут интересовать примечания к текстам Жуковского, помещенным в хрестоматиях, и вопросы и задания для учащихся,

поскольку именно они направляют внимание учеников на тот или иной аспект художественного текста, формулировкой вопроса уже подталкивая к определенным ответам.

Биографические сведения об авторах в хрестоматии Греча скудны, что объясняется целью этого пособия — скорее обучение языку и переводу, чем истории русской словесности. К тому же в этот период, как мы сообщали в первой главе, такого предмета, как русская словесность в школе не существует вовсе. Биографические статьи построены по одному принципу: называется чин писателя, его звания и должности, год рождения, место обучения, место службы и основные публикации. Это — обычный послужной список с прибавлением некоторых оценочных суждений автора хрестоматии об отдельных сочинениях писателей, чьи тексты помещены в учебной книге. Жуковскому на момент выхода издания 29 лет, Греч помещает о нем скромную биографическую справку:

Жуковский, Василий Андреевич. Родился 1783 года; учился в Тульском Главном Народном Училище и в благородном Университетском пансионе в Москве до 1802 года. Служил в Соляной Конторе, из которой вышел с чином Титулярного советника. Он издавал в 1808 и 1809 годах один, а в 1810 с М. Тр. Каченовским Вестник Европы, перевел Флорианова Дон-Кишота в шести частях (Москва 1804), а в 1810 и 1811 издал в пяти частях Собрание Русских стихотворений. Многие его прозаические сочинения и переводы (из сочинений отличны: повесть Марьиной роши, перевод Гетева стихотворения: Моя Богиня; Баллады: Людмила, Двенадцать спящих дев и пр.) помещены в разных книжках В. Европы [Греч 1812: 433].

Греч пишет о том, что известия о жизни и творениях современных писателей «доставлены самими гг. авторами» либо «сообщены от посторонних особ» [Греч 1812: IV]. Надо сказать, что при составлении биографической справки Греч, по всей вероятности, принимает в качестве образца «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова: он повторяет композиционный принцип статей Новикова — не просто дает справку биографического характера, но и оценивает творчество авторов.

Итак, нас будет интересовать не только то, что из творчества и биографии Жуковского изучалось в школе, но и как изучалось. Очень многие хрестоматии не дают нам ответа на вопрос «как», поскольку не содержат вопросов и заданий, тем более ценными для нас являются авторские предисловия к хрестоматиям и учебникам.

Так, Николай Греч в «Учебной книге Российской словесности», вышедшей в 1819 году, пишет в авторском «предуведомлении»: «Книга сия не есть полный, окончательный курс литературы: она заключает в себе краткое только руководство к словесности, необходимое для всякого благовоспитанного человека, какого бы он звания ни был» [Греч 1819: I–II]. Далее Греч пишет о принципах отбора текстов, особенно подчеркивая внимание к нравственному содержанию произведений. Он характеризует свою «Учебную книгу» как учебник словесности, отказываясь от претензии на полноту и наличие в ней всех лучших, образцовых текстов. При составлении книги Н. И. Греч опирается на уже сложившуюся педагогическую традицию, выстраивая композицию по заимствованным образцам. Современный исследователь, ссылаясь на академика В. Н. Перетца, пишет о том, что это были античные образцы, прошедшие через призму французских классицистов [Сенькина: 37].

Преподавание русской словесности как отдельного предмета в российских гимназиях в 10-е годы XIX века только начинается, поэтому заимствование на этом этапе развития отечественной педагогической литературы вполне естественно. В это время не существует еще никаких утвержденных списков литературы, никаких «хрестоматийных» авторов, общепринятых принципов отбора текстов для хрестоматий и учебников. Все это постепенно формируется авторами-первопроходцами, их критиками, их читателями, реальной педагогической практикой, потребностями преподавания русской словесности. Все авторы изученных нами хрестоматий и учебников имели также реальный опыт преподавания русского языка и словесности в различных средних учебных заведениях, многие из них одновременно были сотрудниками литературных журналов и членами литературных кружков. Часто мы находим в авторских предисловиях к переизданиям учебников замечания о том, что автор учел мнения критики и внес некоторые изменения, так же, как мы находим и отстаивание собственных позиций в каком-либо вопросе, несогласие с критикой. Время введения курса русского языка и словесности в гимназии совпадает со временем создания первых учебных пособий по этим предметам и со «временем особого подъема в развитии журналистики» [Мордовченко: 42].

Таким образом, процесс формирования русской педагогической практики преподавания словесности, так же, как и процесс формирования русского литературного канона происходили естественным образом, в тесной связи с

литературно-критическим и педагогическим процессами. Как показывают исследования А. Сенькиной и как отмечают другие исследователи:

К 1843 г. (выход первого издания хрестоматии А. Д. Галахова) уже сложился круг «хрестоматийных» авторов, обязательно входивших в каждую книгу: К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, Ф. Н. Глинка, А. А. Дельвиг, Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский, Н. М. Карамзин, И. А. Крылов, М. В. Ломоносов, А. Ф. Мерзляков, А. С. Пушкин. Лидерами по частотности вхождения в этот период оказываются Ломоносов, Державин и Дмитриев, составляющие ядро канона XVIII в., который во второй трети XIX в. будет заметно потеснен авторами «золотого века» — Жуковским, Батюшковым, Пушкиным, Баратынским, Гнедичем [Вдовин, Лейбов 2013: 13].

Наше исследование подтверждает эти выводы: так, во второй главе, где мы рассматривали только хрестоматии для младших классов, мы показали, что к моменту создания первой учебной программы по русской словесности уже сформировался корпус наиболее популярных хрестоматийных «детских» текстов В. А. Жуковского. 8 текстов из этого списка вошли в программу А. Д. Галахова и Ф. И. Буслаева (в ней представлено 16 текстов Жуковского).

Вышеупомянутая книга Н. И. Греча «Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе» 1812 года в том же году подверглась критике П. А. Никольского, став поводом для дискуссии о критериях отбора произведений для школьной хрестоматии. Никольский выступил против включения второстепенных и устаревших авторов. Он предложил, между прочим, удалить тексты В. К. Тредиаковского, С. П. Крашенинникова и А. П. Сумарокова, поскольку стиль этих писателей архаичен и не может быть полезен для практических занятий русским языком. Интересно, что Греч, раскритикованный Никольским за архаичность, одновременно включает и совсем новые тексты современных писателей, опубликованные в журналах, например, нашего Жуковского, а в биографической справке рассказывает о текущей литературной ситуации, о произведениях, еще даже не появившихся в печати. Это противоречит распространенному представлению о школе и школьной литературе как об очень консервативных явлениях, с большим опозданием рефлексирующих над процессами реальной жизни. Однако такое соединение архаики и современности было заявлено в предисловии Греча с самого начала. Полемика Никольского с Гречем ясно показывает, что на тот момент главным критерием отбора текстов для хрестоматии был индивидуальный литературный вкус составителя.

«Учебная книга Российской словесности» Греча (1819–1822) была уже специально предназначена для обучения русской словесности и представляла собой учебник совершенно другого типа. Книга разделена на части по жанровому принципу, соответственно, примеры подбираются к теоретическим главам, призванным познакомить ученика с разнообразными литературными жанрами, причем та часть, которая касается прозы, более практическая:

Читатели найдут в изложении каждой из сих наук особую методу: в Риторике более правил, более практических наставлений к надлежащему употреблению языка не в одном красноречии, но и в делах обыкновенной жизни; в Пиитике более примеров, более, так сказать, исторических сведений. Прозою писать обязан всякий гражданин, всякий человек воспитанный: ему говорю я: пиши так! О Поэзии достаточно ему иметь хорошее сведение теоретическое: ему довольно сказать: так пишут! [Греч 1819: II–III].

В «Учебную книгу» Греча включены следующие произведения Жуковского:

В разделе «Письма»:

- 1) «Письма Миллера к Бонстеттену», перевод Жуковского;
- 2) «Вольдемар», перевод из Энгеля;

В разделе «Повествования вымышленные»:

- 3) «Кабуд путешественник», перев. с Французского Жуковским;
- 4) «Розы Мальзобра», соч. Бульи, перев. с Французского Жуковским;

В разделе «Примеры учебного слога»:

- 5) «Кто истинно добрый и счастливый человек?» Жуковского;
- 6) «О басне и баснях Крылова» Жуковского.

В части III, вышедшей в 1820 году и посвященной поэзии, мы находим следующие тексты Жуковского:

В разделе «Лирическая поэзия»:

- 7) «Мысли над гробом Каменского»;
- 8) Отрывки из «Певца во стане русских воинов»;
- 9) «Гимн Богу», из Томсона;

В разделе «Лироэпические стихотворения»:

- 10) «Путешественник»;
- 11) «Узник»;
- 12) «Пловец»;
- 13) «Песнь русскому царю» (Боже! Царя храни!).

В разделе *Элегия* в теоретической главке особенно отмечено: «Русская поэзия имеет отличные элегии Батюшкова и Жуковского» [Греч 1819: 185]. Здесь мы находим следующие тексты Жуковского:

14) «Сельское кладбище»;

15) «Славянка»;

В разделе «Послания»:

16) «Вождю победителей»;

17) «К Вяземскому и Пушкину»;

18) «К Воейкову».

В разделе «Собственно эпическая поэзия. Героическая поэма»:

19) Отрывок из «Мессиады».

В разделе «Баллада и романс» Греч изменяет своему правилу приводить примеры из разных авторов и приводит в качестве примеров три текста *только одного автора* — Жуковского: «Русская литература имеет одного отличного сочинителя баллад — Жуковского» [Греч 1819: 345]. Греч здесь выступает остро полемически, не как объективный составитель хрестоматии, а как хороший знакомый Жуковского и непосредственный участник литературного процесса, как карамзинист. Как автор хрестоматии он субъективен, эмоционально реагирует на недавнюю литературную полемику о балладе, очевидным образом принимает сторону защитников Жуковского в полемике, разразившейся, к тому же, на страницах его журнала:

На страницах «Сына отечества» старый спор шишковистов и карамзинистов был перенесен в новую плоскость — в плоскость постановки и обсуждения вопроса о романтизме и народности. Центральным объектом нападений и споров сделалось творчество Жуковского. В 1816 г. в «Сыне отечества» проходит замечательная полемика вокруг «Леноры» Жуковского и «Ольги» Катенина [Мордовченко: 50].

Следовательно, заявление о «единственном» нашем отличном сочинителе баллад — это шпилька в адрес Катенина. Здесь мы можем заметить некоторый зазор между тем, что Греч постулирует в авторском предисловии к «Учебной книге», и тем, как он это исполняет. Греч заявляет, что его книга — не пантеон русской литературы, но в данном конкретном случае он определенно устанавливает иерархию. Этот эпизод служит доказательством тому, что хрестоматии и учебники всегда устроены сложнее, чем авторские установки, высказанные в предисловии.

В разделе *Баллады* мы находим три текста:

- 20) «Светлана»;
- 21) «Ивиковы журавли»;
- 22) «Буря». Из «Вадима».

Всего в «Учебной книге» Греча — шесть прозаических текстов Жуковского и шестнадцать поэтических.

Четвертый том «Учебной книги» Греча включает в себя «Опыт краткой истории русской литературы», в котором о Жуковском сказано так:

С 1815 начали появляться стихотворения Жуковского и Батюшкова, открывших на Русском Парнасе новую, неизвестную дотоле стезю. Силою таланта своего сии писатели изгнали из нашей поэзии ложную, принужденную чувствительность, и очистили вкус публики образцами истинно изящного в изобретении, мыслях, чувствованиях, расположении и слоге [Греч 1822a: 533].

Итак, мы видим, что тексты Жуковского в «Учебной книге» Н. Греча выполняют сразу несколько педагогических задач, главнейшие из которых: обучение хорошему слогу, практическим навыкам писания писем, формирование хорошего литературного вкуса, а также иллюстрация развития русской словесности и достижений новой литературной школы, изгнавшей «ложную чувствительность» (о чем Греч пишет в «Опыте краткой истории русской литературы»).

«Учебная книга русской словесности» и «Опыт краткой истории русской литературы» вышли отдельным изданием в 1822 г. Последняя книга имеет уже другую цель и рассчитана на более широкую аудиторию. Сам Греч пишет о том, что она «назначается для руководства в преподавании истории русской литературы» [Греч 1822b: II], это не хрестоматия, а учебник, в котором излагается история словесности и приводятся биографические сведения о русских литераторах. Греч так отвечает на критику составленных им писательских биографий:

Многие читатели наши, ссылаясь на поговорку Княжнина, что Рафаэль не бывал коллежским асессором, находят лишними известия о обстоятельствах жизни и службы писателей. Мне кажется мнение сие не весьма основательным: нам приятно, а нередко и необходимо нужно знать обстоятельства жизни писателя, чтобы основательнее судить о его произведениях [Греч 1822b: V].

Биографическая справка о Жуковском, в целом, построена так же, как и в книге 1812 г., но к тому времени положение поэта существенно изменилось, поэтому и

тон заметки, и акценты здесь совсем другие. Греч сообщает те же биографические данные и добавляет новые: в 1816 г. вышло первое издание сочинений Жуковского, отмеченное императором, который назначил поэту пожизненный пенсион в 4000 р. в год. В 1817 г. Жуковский принят ко двору «для преподавания наставлений в российской словесности Ея Императорскому Высочеству Великой Княгине Александре Феодоровне» [Греч 1822б: 304], в 1819 г. выходит второе собрание сочинений. Греч пишет о том, что Жуковский начал писать с 1802 г. (на самом деле раньше, 1802 — это год публикации «Сельского кладбища» в «Вестнике Европы», но Греч об этом не упоминает), и первые же его опыты возбудили всеобщее внимание любителей словесности. Если в 1812 г. из сочинений Жуковского Греч отмечал «Марьину рошу», «Мою богиню», «Людмилу» и «Двенадцать спящих дев», то теперь «превосходнейшим» называет «Певца во стане русских воинов» (год издания хрестоматии — это десять лет от начала Отечественной войны 1812 года, тема Отечественной войны актуализируется в юбилейный год, кроме того, после успеха «Певца во стане русских воинов» имя В. А. Жуковского неразрывно связано с этим сочинением). Греч отмечает также, что Жуковский перевел несколько актов из «Орлеанской девы» и отрывок из романа «Лалла-Рук». Заметим, что это — актуальнейшие литературные новости. Автор учебника приводит также длинную цитату о творчестве Жуковского из статьи П. А. Плетнева «Общая характеристика русских поэтов», о том, что Жуковский и Батюшков открывают новый период в русской поэзии, после них поэты, даже третьестепенные, заговорили на новом, благозвучном и гармоническом языке, что Жуковский — основатель романтизма в России.

Следующая по хронологии из просмотренных нами хрестоматий — это «Российская хрестоматия, или отборные сочинения отечественных писателей в прозе и стихах» И. С. Пенинского, вышедшая в 1834 году в Петербурге. Из статьи Б. Львова в «Русском биографическом словаре» мы узнаем, что Иван Степанович Пенинский

происходил из духовного звания, родился в 1791 г., обучался в Александро-Невской Духовной Семинарии, где курса не окончил и <...> поступил на службу в Департамент Министерства полиции, а 1-го марта 1818 г. определен в Благородный пансион при Главном Педагогическом Институте учителем латинского и русского языков в средних классах, состоя в то же время <...> в Исполнительном Департаменте Министерства

полиции <...>. Уволившись из пансиона 23-го апреля 1821 г. (вследствие какого-то столкновения с учениками), П. определился <...> секретарем в С.-Петербургский Цензурный Комитет, состоя в то же время <...> штатным смотрителем училищ Ораниенбаумского уезда, а с 19-го января 1823 г. — старшим учителем русской словесности, логики и славянского языка в С.-Петербургской гимназии <...> до 22-го июля 1837 г., получив при отставке чин надворного советника. С этих пор он проживал в Петербурге, Выборге и Риге, занимаясь изданием учебных книг по русскому языку. <...> Все учебники, составленные Пенинским, пользовались весьма широким распространением и были вытеснены из обихода лишь в 1850-х работами Галахова [Львов: 485–486].

Пенинский так же, как и Греч, придерживается жанрового принципа при составлении хрестоматии, стараясь познакомить учащегося со всеми существующими жанрами, он также подчеркивает важность нравственного достоинства произведений, но, в отличие от Греча, претендует также и на полноту картины. В «Предуведомлении» ко второму изданию, 1837 года, Пенинский пишет: «Изданием сей Хрестоматии предполагается доставить воспитывающемуся юношеству книгу, заключающую в себе лучшие произведения отечественных писателей — прозаические и стихотворные, — книгу, которая представляла бы учащемуся полную картину нашей Литературы» [Пенинский 1837: VII].

В эту хрестоматию входят следующие тексты Жуковского. В первой части, где собраны прозаические тексты:

- 1) «Воспоминания о торжестве 30-го августа 1834 года»;
- 2) «Рафаэлева Мадонна».

Во второй части, поэтической, в разделе «Поэзия дидактическая. Описательная»:

- 3) «Вечер».

В разделе «Поэзия эпиграмматическая»:

- 4) «Бесполезная скромность».

В разделе «Поэзия лирическая. Песня»:

- 5) «Песнь русскому царю» (Боже! Царя храни);
- 6) «Пловец»;
- 7) «Певец»;
- 8) «Путешественник».

В разделе «Романс»:

- 9) «Дубрава шумит».

В разделе «Баллада»:

- 10) «Эолова арфа»;
- 11) «Светлана»;
- 12) из баллады «Громобой»;
- 13) из баллады «Вадим»;
- 14) «Граф Гапсбургский».

В разделе «Элегия»:

- 15) «Сельское кладбище»;
- 16) «Теон и Эсхин»;
- 17) «Славянка».

В разделе «Послание»:

- 18) «Императору Александру»;
- 19) «Вождю победителей»;
- 20) «К Тургеневу».

В разделе «Ода нравственная»:

- 21) «К Филону».

В разделе «Ода торжественная»:

- 22) «Певец во стане русских воинов»;
- 23) «Русская слава».

Всего: 2 прозаических текста и 21 поэтический против шести прозаических и 16 поэтических у Греча. Для Пенинского, таким образом, важнее поэтическое наследие Жуковского, но и прозаические тексты, отобранные им, совсем не случайны.

Так, статья «Рафаэлева Мадонна», хотя и является отрывком из письма Жуковского великой княгине Александре Федоровне, служит, конечно, не практической цели обучения гимназистов искусству писания писем. В «Рафаэлевой Мадонне» Жуковский затрагивает важнейшие для него темы: творчества, гения и Божественного откровения, (не)возможности выразить невыразимое («неизобразимое было для нее изображено»), тему подлинного, божественного искусства и ложного:

Бедный Миллер! Он умер, сказывали мне, в доме сумасшедших. Удивительно ли? Он сравнил свое подражание с оригиналом, и мысль, что он не понял великого, что он его обезобразил, что оно для него недостижимо, убила его. И в самом деле, надобно быть или безрассудным, или просто механическим маляром без души, чтобы осмелиться списывать эту „Мадонну”: один раз душе человеческой было подобное откровение; дважды случиться оно не может [Пенинский 1837: 89–90].

В соответствии с базой данных А. Вдовина, «Рафаэлева Мадонна» войдет еще в семь хрестоматий, это не самый популярный хрестоматийный текст Жуковского, однако довольно важный для русской литературной традиции, ведь «Рафаэлева Мадонна» станет, по выражению О. Б. Лебедевой, «эстетическим манифестом русского романтизма» [Лебедева: 420].

Еще более неслучайным является первый текст Жуковского, встречающийся в хрестоматии Пенинского: «Воспоминания о торжестве 30-го августа 1834 года». Эта статья — не просто риторическое описание торжеств по случаю открытия Александровской колонны в Санкт-Петербурге — памятника Александру I — приуроченное к двадцатилетию победы России над Францией. Текст Жуковского об этом событии — концептуальный, затрагивающий политические вопросы. Л. Н. Киселева в работе «Пушкин и Жуковский в 1830-е годы (точки идеологического сопряжения)» так характеризует интересующую нас статью: «Перед нами идеологический текст, прекрасно организованный риторически, содержащий концепцию будущего развития империи, какой ее видит Жуковский» [Киселева 2001]. Т. Гузаиров в статье «Открытие Александровской колонны в Петербурге: продуманный сценарий и неожиданный эффект» пишет:

Статья Жуковского «Воспоминание о торжестве 30 августа 1834 г.» была опубликована в «Русском инвалиде» в рубрике «Современная история» в воскресенье 9 сентября. Тем самым статья получила статус программной — манифестации идеалов и целей современного, николаевского, и будущего, александровского, царствований, т. к. 30 августа было днем тезоименитства и покойного государя Александра I, и цесаревича Александра Николаевича, совершеннолетие которого было отпраздновано на Пасху 17 апреля 1834 г. [Гузаиров 2009: 123].

Нельзя назвать этот текст Жуковского конъюнктурным и верноподданническим, конечно, он сложнее и отражает искренние размышления поэта об историческом прошлом и будущем государства, но все же темы православия, самодержавия и народности занимают в нем существенное место.

За то время, которое отделяет хрестоматию Греча (1819–20 гг.) от хрестоматии Пенинского (1834 г.) — изменилось очень многое: скончался император Александр I, произошло декабристское восстание, вступление на престол Николая I, учреждение Третьего отделения императорской канцелярии во главе с Бенкендорфом, ужесточение цензуры, казнь декабристов, война с Персией

и Русско-Турецкая война, произошло восстание в Польше, его подавление и холерные бунты. Изменилось и положение Жуковского, с 1826 г. он — наставник наследника престола, будущего императора Александра II, важное придворное лицо. Изменились и отношения власти и литературы. Все это отразилось в выборе Пенинским текстов для хрестоматии. Если у Греча из прозы Жуковского — письма для практических упражнений учащихся, «Кабуд путешественник», рассуждение о семейных ценностях «Кто истинно добрый и счастливый человек?», то у Пенинского — идеологический манифест «Воспоминания о торжестве 30-го августа 1834 года».

Последний текст Жуковского в хрестоматии Пенинского также ярко идеологический — это стихотворение «Русская слава», написанное как отклик на подавление Польского восстания. По примечаниям Н. В. Серебренникова к Полному собранию сочинений и писем Жуковского в 20 томах мы процитируем письмо Жуковского А. И. Тургеневу:

Посылаю тебе последние стихи мои. Приложенные экземпляры раздай по надписям. <...> Вот история моих стихов, которую сообщи словесно тем, коим будешь раздавать экземпляры. Петербургский бунт усмирён был одним словом Государя: минута истинно героическая. Загорелся бунт в колониях: начальники все перебиты, и бунтовщики не хотят никого слушать. Государь едет туда один. Это было за день до рождения великого князя Николая. В самый день этот поутру мой Федор рассказывает мне, что родился великий князь. Я бегу на половину Императрицы, чтобы узнать, правда ли это; между тем уверен, что Государю еще и думать нельзя возвратиться. Что же? Подхожу к дверям спальни; они отворяются, и он сам выходит, держа на руках новорожденного и à la lettre [буквально — фр.] задыхаясь от радости. Он успел возвратиться в одни сутки, одним словом кончив бунт, находясь посреди тысячи мятежников и сказав им, что они будут наказаны без пощады, что они приняли с трепетом, лежа у ног его (ранцами вверх, как рассказывал мне Арендт). Какой быстрый переход и к чему! Я пошел за Государем вслед и видел, как он положил своего младенца в колыбель, крестил его и над ним плакал. Я тогда же ему сказал: „Государь! Это перелом. Все пойдет лучше. Бог прислал Вам об этом вестника“. Это явление описано в последних двух строфах моей пиесы: к колыбели младенца пришел я от колыбели России. <...> Но падение Варшавы было то огниво, которое высекло из души моей эти стихи, которые, как ты сам увидишь, принадлежат к моим лучшим (Цит. по: [Серебренников: 668–669]).

Несмотря на такое заявление поэта, стихотворение «Русская слава» так и не вошло ни в одну из программ по русской литературе и, в соответствии с «базой данных по русским хрестоматиям и книгам для чтения», составленным

А. Вдовиным, встретится нам всего лишь еще однажды, в хрестоматии Барановского 1848 года.

Если сравнить набор текстов Жуковского в хрестоматиях Пенинского и Греча, то и «Песнь русскому царю», и патриотические «Певец во стане русских воинов» и «Вождю победителей» есть в обеих, тексты о войне 1812 года занимают важное место в обоих случаях: в первом эта война недавно отгремела, во втором — в 1834 году праздновалось двадцатилетие победы России над Францией. Но у Пенинского список произведений Жуковского открывается программной статьей «Воспоминания о торжестве 30-го августа 1834 года», добавлено также стихотворение «Императору Александру», заканчивающееся патриотическим призывом: «Как пред ужасною святыней алтаря / Обет наш перед ней: всё в жертву за царя», а закрывает список стихотворение «Русская слава». Конечно, во время издания учебных книг Греча ни статья Жуковского о торжестве, ни «Русская слава» еще не были написаны, но, как нам кажется, у Греча и не было такой задачи — соответствовать какой-либо определенной идеологической программе. Греч руководствовался нехитрыми предписаниями незабвенного директора немецкой гимназии и своим собственным литературным вкусом и представлениями о педагогике. В 1834 году у Пенинского появляется уже если не необходимость, то возможность соотносить свой педагогический труд с идеологической государственной программой, высказанной человеком, которому и посвящен его труд и имя которого обозначено на титуле всех томов и переизданий хрестоматии под эпитафией «Узнать язык народа, значит узнать весь ход его образования». Приведем текст посвящения ради его примечательной, говорящей стилистики:

Его превосходительству господину тайному советнику, Государственного Совета члену, сенатору, министру народного просвещения Академии Наук президенту и разных орденов Кавалеру, Сергею Семеновичу Уварову

Милостивый Государь!

Составляя сию книгу, я не только украсил ее Вашими сочинениями, которые приобрели Вам славу лучших наших Писателей; но и воспользовался замечаниями Вашими, наиболее способствовавшими к успешному окончанию труда моего. Столь лестное к нему внимание дает мне смелость приписать его имени Вашему, и тем хотя мало удовлетворить чувству признательности и беспредельного уважения к особе Вашей.

Милостивый Государь,

Вашего Превосходительства
Всепокорнейший
Иван Пенинский

Автор хрестоматии, кажется, несколько преувеличил, включив министра народного просвещения Уварова в число лучших российских писателей (хотя его переводы из античных авторов были действительно известны). Впрочем, тексты Уварова встречаются лишь в разделе «Речи академические», их всего четыре. И все же хрестоматия выходит через год после того, как Уваров вступил в должность министра народного просвещения. В циркуляре, разосланном попечителям учебных округов, Уваров писал: «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование, согласно с Высочайшим намерением Августейшего Монарха, совершалось в соединенном духе Православия, Самодержавия и народности».

Глядя на послужной список Пенинского (Департамент Министерства полиции, Петербургский Цензурный Комитет, «столкновение с учениками»), на цитату из Уварова, вынесенную на титульный лист, на общую стилистику посвящения, возникает искушение заподозрить составителя в повышенной чувствительности к идеологическим вопросам и в стремлении прямо соответствовать заявленному Уваровым идеологическому курсу¹¹. Например, в разделе «Песня» в хрестоматии Пенинского подряд следуют такие тексты:

«Песнь русскому царю (Боже! Царя храни)» Жуковского,

---

¹¹ Тем более, что покровительство С. С. Уварова могло помочь подняться по карьерной лестнице, и были люди, которые избирали такой путь. См., например, письмо В. Г. Белинского Н. В. Гоголю от 20 апреля 1842 г. [Белинский 1956: 108], в котором критик упоминает о «холопах знаменитого села Поречья», имения Уварова, в котором собирались преданные министру народного просвещения люди. А. Д. Галахов в воспоминаниях упомянул о льстивой статье о селе Поречье проф. И. И. Давыдова и реакции на нее общественности: «Обращение этих личностей с их меценатом, при поездке в его подмосковное поместье Поречье, заставляло многих пожимать плечами, особенно после статьи Давыдова в «Москвитянине», повествующей о провождении времени в означенном имении» [Галахов 1999: 213]. С. С. Уваров и сам обещает принять участие в судьбе отличившихся, в том числе и покорностью начальству, студентов: «При сем случае также покорнейше прошу Ваше Превосходительство, чтоб поставлено было на вид и студентам, что я не премину обращать особенное внимание на тех из них, кои по успехам, благонаравии, скромности и покорности к Начальникам окажутся достойными. Имена их останутся в моей памяти, и я предоставляю себе оказывать им и на поприще жизни то самое участие, какое они внушат мне на поприще юношеского образования» [Уваров: 57].

«Строфы из торжественной песни Россиян» Кн. П. Ширинского-Шихматова с такими словами: «Колена, Россы, преклоните... Храни, о Боже! Русь святую» и т.д.,

«Добрый царь» Карамзина,

«Ожидание царя» Лобанова.

Итак, в хрестоматии Пенинского мы находим отчасти те же тексты Жуковского, что и у Греча, — произведения, благодаря которым Жуковский приобрел литературную известность, главным образом, — баллады (число баллад и элегий у Пенинского по сравнению с Гречем даже выросло) и элегии: «Сельское кладбище», «Славянка», «Светлана», отрывки из баллады «Вадим», «Пловец», «Песнь русскому царю», тексты о войне 1812 года: отрывки из «Певца во стане русских воинов», «Вождю победителей». Расхождения же в списках обусловлены тем, что новые времена, новая общественно-политическая ситуация рождает новые идеологические тексты: «Воспоминания о торжестве 30-го августа 1834 года» и стихотворение «Русская слава». Жуковский у Пенинского — не только баллажник и творец «истинно изящного нового слога», что было важно для Греча, но и придворный идеолог, близкий к императору, говорящий о прошлом и будущем России. И все же эта идеологическая тема в творчестве Жуковского не является ведущей в хрестоматии Пенинского, что видно из количественного соотношения текстов, условно говоря, «романтических» (элегических, балладных) и условно, неизбежно упрощая, «идеологических».

Биографических справок, комментариев, вопросов и заданий хрестоматия Пенинского не содержит, это просто собрание текстов.

«Полная русская хрестоматия» А. Д. Галахова, вышедшая в 1843 году, была революционным явлением в педагогической практике России середины XIX века. С. А. Венгеров в биографической статье о Галахове пишет о ней так:

В настоящее время она кажется заурядным явлением, и притом специально-педагогического характера; но в свое время она была целым литературным событием, потому что вводила в школьный обиход таких новых писателей, как Лермонтов, Гоголь, Тургенев [Венгеров: 890].

Галахов преподавал русский язык и словесность сначала в училищах, потом руководил кафедрой русской словесности при Николаевской академии Генерального штаба и был профессором Петербургского Историко-филологического института. Автор статьи о Галахове в биографическом словаре

«Русские писатели: 1800–1917» Е. И. Кийко замечает, что Галахов считал просвещение путем преодоления социального зла, а составление хрестоматий и учебников стало претворением этой идеи в жизнь. Все хрестоматии Галахова пользовались необычайным успехом и выдержали рекордное количество переизданий. Так, например, «Полная русская хрестоматия» выдержала до 1918 г. 40 изданий, а «Историческая хрестоматия нового периода» (1861–64) выдержала 20 изданий. Мы пользовались 8-м ее изданием, опубликованном в Петербурге в 1859 г. Описание различий всех этих изданий не представляется возможным на данном этапе исследования, мы делаем в своей работе предположения и обобщения на основании тех источников, которые были нам доступны.

В «Полной русской хрестоматии» издания 1859 г. Галахов приводит достаточно подробную летопись жизни и творчества Жуковского, пишет о его значении для истории русской литературы, выделяет периоды его поэтической деятельности, классифицирует его произведения и коротко пересказывает отрывок из «Одиссеи». Главной заслугой Жуковского он называет введение романтизма: «Поэтическая деятельность Жуковского может выразиться так: до него поэзия наша выражала направление классическое; он ввел в нее романтизм» [Галахов 1859с: 106]. Здесь Галахов повторяет мысль, впервые выраженную В. Г. Белинским: «Заслуга Жуковского состоит в том, что он ввел в русскую поэзию романтизм» [Белинский 1955: 143]. Е. И. Кийко отмечает, что Галахов находился под влиянием эстетических взглядов критика, был лично знаком с ним, состоял в переписке. Безусловно, Галахов хорошо знал и критические статьи Белинского. В хрестоматии составитель пишет о том, что Жуковский поднял романтическую поэзию на такую высоту, что трудно уже ожидать хороших произведений в том же роде. В качестве источников для составления биографии Жуковского автор указывает статью Плетнева о Жуковском, речь С. П. Шевырева «О значении Жуковского в русской жизни и поэзии» и «Воспоминание о В. А. Жуковском» А. П. Зонтаг, опубликованное в журнале «Москвитянин». В 1853 г. сочинение Плетнева «О жизни и сочинениях В. А. Жуковского» вышло отдельным изданием. А. П. Зонтаг рассказывает и анекдот о появлении в поместье Бунина матери Жуковского, который позже был подхвачен биографами Жуковского и до недавнего времени неизменно встречался и в художественных произведениях, и в популярных биографиях, и в научных исследованиях.

В 1852 г. в «Отечественных записках» были опубликованы три статьи самого Галахова: «Василий Андреевич Жуковский. Материалы для определения его литературной деятельности», которыми он тоже мог пользоваться. В первой статье автор высказывает уже идею о том, что творчество поэта необходимо рассматривать в его развитии, важно наблюдать возрастание его таланта, его внутреннюю эволюцию. Этот принцип Галахов реализует в своей «Исторической хрестоматии нового периода русской словесности» (в 2 т., СПб., 1861–1864). В биографической статье «Полной русской хрестоматии» мы находим прямые цитаты из Плетнева, например: «Ревностный к должности своей учитель не угадал призвания ученика: из него хотели сделать математика, а он все оставлял для поэзии» [Галахов 1859с: 99].

Посмотрим, как рассказывает Галахов о происхождении и детстве Жуковского: «Жуковский (Василий Андреевич) род. 1783 г., тульской губ., белевского уезда, в селе Мишенском, в доме Афанасия Ивановича Бунина, где и провел детство свое и большую часть первой молодости. Рано лишившись отца, он остался на попечении матери своей» [Галахов 1859с: 99]. Описание этого эпизода очень близко к Плетневу, переставлено только слово «свой». У Плетнева: «В раннем еще детстве Жуковский лишился своего отца. Он остался на попечении матери». Эта перестановка может быть и не случайной, ведь Галахов не называет А. И. Бунина отцом Жуковского (вероятно, чтобы не вызвать у учащихся вопросов о различии фамилий отца и сына), здесь сказано лишь, что поэт родился в доме Бунина. Ни в книге Плетнева, ни в хрестоматии Галахова история отношений Жуковского и Маши Протасовой не описывается.

При составлении своей первой «Полной русской хрестоматии» Галахов опирался на французские и немецкие образцы, как пишут Р. Лейбов и А. Вдовин [Вдовин, Лейбов 2013: 15]. Формально эта хрестоматия мало чем отличалась от предыдущих: она также построена по жанрово-родовому принципу — обязательное разделение на прозу и поэзию, каждый том разделен на части по жанрам. Однако у Галахова, как пишет Сенькина, это разделение — скорее уступка существующей традиции, что можно понять из авторского предисловия:

Все изданные у нас хрестоматии служат пособиями теоретическим курсам словесности, объясняющим роды литературных произведений, приняли в основание распределения — роды сочинений; другой распределение показалось бы для многих нововведением неуместным, не приноровленным к курсам словесности, нарушающим укорененный

обычай, и я, несогласный с хрестоматиями в выборе основания, принужден однако ж покориться... (Цит. по: [Сенькина: 45]).

Если раньше выбирались такие тексты, которые наилучшим образом иллюстрировали характерные черты определенного литературного жанра и которые становились примерами к теоретическим статьям из учебников, то для Галахова это разделение на жанры — дань традиции, формальность, ценны сами тексты. Педагогический акцент теперь — на их чтении и анализе, а не на заучивании теоретических глав из учебника.

Позднее Галахов в статье «О программах преподавания русского языка с церковнославянским и словесности в гимназиях» напишет о необходимости «требовать от экзаменуемых не грамматических правил, а отчетливого знания языка и сознательного его употребления устно и письменно, и не содержания литературных произведений, а ближайшего, непосредственного с ними знакомства, основанного на внимательном их прочтении и изучении» [Галахов 1865: 51]. Главный же принцип отбора текстов Галахов формулирует в предисловии:

Изящные произведения словесных искусств, вполне или по частям взятые, должны быть богаты по содержанию, прекрасны по выражению. <...> Обязанность Хрестоматии — представить образцы языка. Хороший язык есть существенный признак всех статей ее, необходимое условие для помещения целого сочинения или отрывка, *conditio sine qua non* (Цит. по: [Сенькина: 44]).

Хороший язык, по Галахову, — язык современный, тексты для хрестоматии должны быть написаны

языком настоящего времени, который слышим в устах образованных людей, которым пишут наши образцовые писатели. <...> учить образцы языка прошлого, устарелого, не только бесполезно, даже вредно: и Хрестоматия должна их отбросить. Последние составляют уже предмет Истории литературы: их надобно не учить, а изучать (Цит. по: [Сенькина: 44–45]).

Этот принцип объясняет также выбор Галаховым прозаических текстов Жуковского. В «Полную русскую хрестоматию» включено 6 прозаических отрывков Жуковского:

1. «Рейнский водопад»;
2. «Воспоминание о торжестве 30-го августа 1834 г.»;

3. «Путешествие по Саксонской Швейцарии»;
4. «Кто истинно добрый и счастливый человек»;
5. «Рафаэлева Мадонна»;
6. «Отрывок из письма В. К. Марии Николаевне».

В переиздании «Полной русской христоматии» 1859 г. Галахов пишет в примечаниях о прозе Жуковского:

Эти прозаические статьи должно разделить на два отдела: одни написаны в 1820 г., для журналов, и потеряли теперь свою прежнюю значительность содержания; другие явились после 1820 г. Все они, особенно второго отдела (отрывок письма из Швейцарии, путешествие по Саксонской Швейцарии, Рафаэлева Мадонна, воспоминание о торжестве 30-го авг. 1834 г. и проч.), принадлежат к образцовым по языку. Если судить по главным чертам и формам речи, то проза Жуковского, особенно в статьях первого отдела, не много разнится от прозы Карамзина: та же легкость, естественность и стройность речи; но Жуковский внес еще в свой прозаический язык все стихии языка стихотворного, от чего он получил особенную плавность, благозвучность, грацию, живописность, поэтический цвет [Галахов 1859b: 117].

Итак, можно предположить, что все три перечисленных текста Галахов включил за совершенство стиля. «Отрывок из письма В. К. Марии Николаевне», возможно, Галахов выбрал из-за темы войны 1812 года, важной для школы, и описания Бородинского сражения¹². «Кто истинно добрый и счастливый человек», по всей вероятности, нужен был Галахову для сравнения с текстом Карамзина на сходную тему: «О счастливейшем времени жизни». В примечаниях к тексту Карамзина «Разорение Киева Батыем» Галахов пишет:

Первое сочинение, в котором явилась новая русская речь, были «Письма русского путешественника». За ними следовали разные статьи в журналах (повести, исторические рассказы, рассуждения и пр.), в которых речь Карамзина более и более совершенствовалась. Наконец образование высшего его слога находится в «Истории государства Российского», особенно в последних ее томах. Не должно, однако же, думать, что язык его есть последний предел совершенства. Язык литературный развивается, как сама литература, как и речь народная.<...> Писатели, следовавшие за Карамзиным, особенно Жуковский и Пушкин, способствовали сему развитию: Жуковский внес в свою прозу поэтические элементы, проза Пушкина отличается изящною простотою [Галахов 1859b: 46].

---

¹² См. об этом сочинении и его связи с торжествами в честь победы над французами статью [Гузаиров 2007].

Исходя из этих соображений, Галахов открывает раздел «Описания» текстами Карамзина, сразу же за ними следует Жуковский. Впоследствии Галахов будет редактировать множество переизданий своих хрестоматий, исключая устаревшие тексты и добавляя новые. Так, текстов Карамзина со временем будет все меньше. Вместо Загоскина, Булгарина, гр. Сологуба, Надеждина появляются Гоголь, Тургенев, Фет, Короленко, Аксаков, Кольцов.

В «Полной русской хрестоматии» 1859 г. в примечаниях к «Рейнскому водопаду» Карамзина Галахов дает ученикам задание сравнить этот текст с одноименным текстом Жуковского. А в «Русской хрестоматии» 1889 г. Галахов располагает эти два текста непосредственно друг за другом и сокращает отрывки таким образом, чтобы они наиболее ярко демонстрировали стилистические различия двух авторов [см. Галахов 1889: 3–4]. В таком виде они будут встречаться и в последующих доступных нам переизданиях хрестоматий. «Рейнский водопад» Жуковского будет входить во все хрестоматии Галахова и во все четыре гимназические программы по русской литературе (1852, 1872, 1873 и 1890 гг.). Вероятно, Галахов — автор первой гимназической программы по курсу русской словесности — выбрал «Рейнский водопад» для того, чтобы в сравнении с одноименным текстом Карамзина показать, в чем заключалось новаторство Жуковского, какова его роль в развитии русского литературного языка и словесности, наглядно продемонстрировать его место между Карамзиным и Пушкиным.

Принципиально новым в хрестоматии Галахова был подход к преподаванию словесности. При внешнем соблюдении устоявшегося жанрового деления хрестоматии Галахов в примечаниях в конце книги ставит отдельные тексты в контекст всего творчества писателя. Так, например, в примечаниях к сочинению Жуковского «Кто истинно добрый и счастливый человек?» после традиционного разбора риторического построения текста, разъяснения главных положений статьи, Галахов указывает на связь этого прозаического текста с поэтическим наследием автора:

Заметим, что суждения автора, здесь изложенные, повторяются в других его сочинениях: «Теон и Эсхин» и «Ундина». Подобное повторение бывает нередко, если развиваемая мысль принадлежит к задушевым мыслям автора, есть, так сказать, отрывок или даже сокращение его нравственной философии, его взгляда на жизнь. Сличим все три места... [Галахов 1859с: 77].

В примечаниях к «Воспоминанию о торжестве 30-го августа 1834 года» Галахов объясняет символическое значение деталей описания у Жуковского, а также главную мысль статьи [Галахов 1859с: 68].

Во втором томе хрестоматии Галахова мы находим следующие тексты Жуковского:

1. «Ахилл»;
2. «Библия»;
3. «Близость весны»;
4. «Война мышей и лягушек»;
5. «Воскресное утро в деревне»;
6. «Воспоминание («О милых спутниках...»);»;
7. «Гимн к Богу»;
8. «Граф Гапсбургский»;
9. «Деревенский сторож в полночь»;
10. «Дружба»;
11. «К Вяземскому и Пушкину»;
12. «К кн. Вяземскому»;
13. «К портрету Гете»;
14. «Лалла рук» («Пери и Ангел»);
15. «Лесной царь»;
16. «Летний вечер»;
17. «Листок»;
18. Из «Мессиады» («Аббадона»);
19. «Младенец»;
20. «Молитва русского народа» («Песнь русскому царю»);
21. «Мщение»;
22. «Ночной смотр»;
23. «Ночь»;
24. «Овсяный кисель»;
25. «Опять ты здесь, мой благодатный гений...»;
26. «Орел и голубка»;
27. «Орлеанская дева» (отрывок);
28. «Певец во стане русских воинов»;
29. «Песня» («Минувших дней очарованье...»);
30. «Песня бедняка»;
31. «Пловец»;
32. «Праматерь внуке»;
33. «Путешественник»;
34. «Путешественник и поселанка»;

35. «Сельское кладбище»;
36. «Сиротка»;
37. «Сказка об Иване Царевиче и сером волке»;
38. «Сражение с змеем»;
39. «Теон и Эсхин»;
40. «Тленность»;
41. «Узник к мотыльку»;
42. «Преходимость горя» («Ундина»);
43. «Рассказ рыбака» («Ундина»);
44. «Рассказ Ундины рыцарю» («Ундина»);
45. «Утренняя звезда»;
46. «Шильонский узник»;
47. Из «Энеиды».

Даже по количественному параметру очевидно, что по сравнению с предыдущими хрестоматиями Жуковский занимает у Галахова гораздо более заметное место. В третьей части «Полной русской хрестоматии» Жуковскому посвящено 29 страниц примечаний (не считая примечаний к первому, прозаическому, тому). Без сомнения, все эти тексты не могли быть в полном объеме читаемы и обсуждаемы на уроках, ни одна из учебных программ XIX века не позволяла отводить одному автору столько учебных часов. Можно предположить, что на уроках изучались те тексты, которые были в программе по словесности, а остальные рекомендовались интересующимся гимназистам для домашнего чтения.

«Хрестоматии» Галахова входили позже в список рекомендованной литературы по курсу словесности для студентов Санкт-Петербургского и Казанского университетов¹³, что свидетельствует о том, что для гимназии они были слишком объемными. Статья о Жуковском из «Полной русской хрестоматии» содержит биографический очерк, разделение творчества поэта на три периода, описание характера поэзии Жуковского, характеристику романтизма как литературного направления, суждения о его поэзии и прозе. Главными заслугами поэта перед отечественной словесностью Галахов считает развитие языка и открытие для русского читателя многих европейских и мировых поэтов: «Было время, когда переводную деятельность Жуковского ставили ему в вину, считая вообще перевод ниже собственных сочинений, тогда как в этом-то и состоит его великая заслуга» [Галахов 1859с: 114]. Жуковский, по Галахову,

---

¹³ См. «Распределение предметных часов в Петербургском университете, Казанском и Ун-те Св. Владимира в 1885–1886 уч. г.» [Гетманская: Приложение № 10].

познакомил российскую словесность с романтизмом, до него неизвестным в России. Составитель замечает, что «поэзия Жуковского останется идеалом романтической поэзии» [Галахов 1859с: 114]. Галахов подчеркивает оригинальность переводов Жуковского: «Его переводы суть, так сказать, его собственные создания» [Галахов 1859с: 114]. Кроме совершенства формы стиха, Галахов отмечает важность и нравственную глубину содержания поэзии Жуковского, называя его «воспитателем целого поколения» [Галахов 1859с: 114]. Примечательно, что для Галахова Жуковский — поэтический воспитатель поколения, а не воспитатель царя Александра II, не придворный деятель, не идеолог.

Нетрудно заметить, что на суждениях Галахова о Жуковском лежит печать влияния В. Г. Белинского. Иногда он буквально повторяет высказанные Белинским мысли. Например, в примечаниях к «Певцу во стане русских воинов» Галахов упрекает Жуковского за то же, что и Белинский, и приводит те же примеры удачных мест:

Есть у Жуковского и оригинальные пьесы: одни в романтическом духе, другие — не в романтическом направлении (Певец во стане русских воинов, Певец в Кремле, Песнь барда над гробом славян-победителей, На смерть Каменского, Сказки и проч.). О вторых надобно заметить следующее: а) они отличаются искренностью и силою патриотического чувства, особенно «Певец во стане русских воинов», б) во многих местах они представляют неестественное изображение предмета, подражая псевдоклассической школе поэзии: так, в указанной пьесе, «певец ударяет в струны арфы», «воины вооружены щитами, копьями, мечами и кольчугами»; Пушкин, приведший поэзию к естественному представлению изображаемого, не позволил бы себе употребить такие анахронизмы; в) лучшие поэтические места в исчисленных стихотворениях встречаются там, где поэт верен своему романтизму, то есть, где он тоскует о небе, грустит об утраченном счастье [Галахов 1859с: 115–116]¹⁴.

---

¹⁴ Ср. у Белинского: «„Певцу во стане русских воинов“ Жуковский обязан своею славою: только через эту пьесу узнала вся Россия своего великого поэта; и это произведение было весьма полезно в свое время. Но что же доказывает это? — Только, что тогда понимали поэзию иначе, нежели как понимают ее теперь (а понимали ее тогда, как риторiku в стихах). В „Певце во стане русских воинов“ нет даже чувства своевременной действительности: в этой пьесе вы не услышите ни одного выстрела из пушки или из ружья, в ней нет и признаков порохового дыма — в ней летают и свистят не пули, а стрелы, генералы являются воинами, не в киверах или фуражках, а в шлемах, не в мундирах и шинелях, а в бронях, не со шпагами в руках, а с мечами и копьями; к довершению этой пародии на древность, все они — со щитами... Все это признак риторики; ибо поэзия проста: она не чуждается обыкновенных предметов действительности, не боится сделаться от них прозою, но поэтизирует самые прозаические вещи. И неужели жерла пушек, изрыгающие огонь и смерть тысячами, неужели дула ружей, посылающие издалека верную смерть, неужели трехгранный штык, стальною стеною низлагающий сомкнутые ряды — неужели все это имеет в себе менее

Образ Жуковского останется таким же во всех хрестоматиях Галахова. Изменится только принцип построения самого учебного пособия: в основе «Историко-литературной хрестоматии» лежит хронологический принцип. Следовательно, тексты одного автора уже не разбросаны по жанровым отделам, а даются в одном разделе, что меняет восприятие творчества Жуковского учениками. Теперь все тексты поэта, помещенные в хрестоматии, воспринимаются как целое и соотносятся с именем автора, а не с жанром. Во II том «Историко-литературной хрестоматии нового периода русской словесности. От Карамзина до Пушкина» (1864) Галахов включает 13 текстов Жуковского:

1. «Майское утро»;
2. «Сельское кладбище»;
3. «Людмила»;
4. «Двенадцать спящих дев»;
5. «Певец во стане русских воинов»;
6. «Светлана»;
7. «Теон и Эсхин»;
8. «Прощание Иоанны Дарк с родиною (Из «Орлеанской девы»);
9. «Пери и ангел»;
10. «Торжество победителей»;
11. «Рафаэлева Мадонна»;
12. «Великой княгине Александре Николаевне»;
13. Из «Одиссеи».

О принципах отбора текстов для этой хрестоматии Галахов пишет в предисловии:

Назначением книги определялся ее состав. Из сочинения какого-либо писателя вошли в нее наиболее характеристичные, которые отличают его, как особого деятеля в ряду других авторов и по которым он занял место в истории литературы. <...> Чем знаменательнее была деятельность писателя, тем больше материала он дал сборнику. Заимствования в этом случае не ограничивались лучшим, отборнейшим: они имели в виду

поэзии, чем кольчуги, щиты, стрелы и копья древности?.. Напротив, последние — детские игрушки, в сравнении с первыми, бедная проза в сравнении с страшною и грандиозною поэзиею. <...> Вообще, ничего не чужда до такой степени поэзия Жуковского, как русских национальных элементов. Может быть, это недостаток, но в то же время, и достоинство: если б национальность составляла основную стихию поэзии Жуковского — он не мог бы быть романтиком, и русская поэзия не была бы оплодотворена романтическими элементами. Поэтому, все усилия Жуковского быть народным поэтом возбуждают грустное чувство как зрелище великого, который, вопреки своему призванию, стремится идти по чуждому ему пути. Лучшие места в некоторых патриотических пьесах Жуковского — те, в которых он является верным своему романтическому элементу» [Белинский 1955: 186].

свидетельствовать также о постепенном возрастании таланта, от первых его опытов в литературе до самых зрелых его произведений. У второстепенных и третьестепенных авторов представлено только лучшее [Галахов 1861: I–II].

Галахов сократил количество текстов Жуковского по сравнению с «Полной русской хрестоматией», поскольку масштаб «Историко-литературной хрестоматии» не позволял отводить одному автору много места, но оставил знаковые произведения, иллюстрирующие все те достоинства поэта, которые подчеркивал в своей концепции творчества Жуковского. Здесь есть и знаменитые переводы, и романтические манифесты, и патриотический «Певец по стане русских воинов», благодаря которому Жуковский стал известен всей России. Галахов впервые вводит в хрестоматии «Майское утро», первое печатное стихотворение Жуковского, написанное в 1797 г., за ним — «Сельское кладбище», с которого сам Жуковский отсчитывал начало своего поэтического пути. Галахов помещает произведения, которые позволяют ученику проследить эволюцию Жуковского.

В посмертном издании «Историко-литературной хрестоматии» 1898 г. приводятся те же тексты Жуковского, что и в издании 1864 г., кроме «Майского утра» и «Рафаэлевой мадонны». Не все издания хрестоматий Галахова были нам доступны, поэтому на данный момент нам не удалось установить, отказался ли Галахов от практики включения ранних текстов уже в одном из прижизненных изданий или это решение было принято кем-то другим после его смерти. Интересны карандашные пометы на рассмотренном нами экземпляре 10-го издания «Историко-литературной хрестоматии» Галахова. На странице «Оглавление» мы находим пометы, сделанные по старой орфографии: красное подчеркивание — «знать», синее подчеркивание — «заучивать». Простым карандашом рядом с фамилиями поэтов дописаны годы жизни. В оглавлении из текстов Жуковского и красным, и синим карандашом подчеркнуты: «Сельское кладбище», «Светлана», «Теон и Эсхин», только красным карандашом — «Людмила», «Двенадцать спящих дев», «Из Одиссеи». Красным карандашом дописано — «Граф Габсбургский», синим — «Лесной царь», «Из «Орл. девы: Прощание Иоанны д'Арк с родиною»». Список текстов¹⁵, подчеркнутых и дописанных синим карандашом («заучивать»), полностью совпадает со списком

---

¹⁵ Все эти тексты, кроме «Сельского кладбища», отрывки из объемных произведений.

стихотворных текстов поэта для заучивания в «Подробных правилах и учебных программах женских гимназий и прогимназий» В. Александрова (1910). Эти пометы свидетельствуют о том, что по крайней мере в некоторых случаях гимназисты пользовались не одной хрестоматией, а дополняли ее другими книгами по мере необходимости (в данном случае — в соответствии с программой). В тексте хрестоматии сделаны также карандашные пометы (с большой долей вероятности принадлежащие Г. Эверту, чье имя, а также «1912» и «V кл.» написано простым карандашом на титуле книги) к тексту «Теон и Эсхин» (отрывок): «По взгляду Теона судьба здесь не всемогуща, она не имеет силы разбить или уничтожить душевные... изменить наши силы и мысли, которые ему кажутся подчиненными только исключительно человеку и его воле». На основании этих помет можно предположить, что отрывки из «Теона и Эсхина» разбирались на уроке.

Итак, хрестоматии Галахова изменялись с течением времени: первые издания уступали традиции и внешне напоминали уже существовавшие сборники примеров к теоретическим учебникам с жанровым делением. «Историко-литературная хрестоматия» появляется в новый период развития русской литературы:

Именно на конец 1850 — начало 1860-х гг. приходится окончательная канонизация «золотого», «пушкинского века» русской литературы, протянувшегося до 1852 г. — смерти Жуковского и Гоголя. Эта рубежная черта подвела итог одной литературной эпохе и стала предпосылкой для второй волны канонизации, коснувшейся литературы 1840–50-х гг., т. е. современной прозы и поэзии. Не случайно поэтому в заголовках хрестоматий 1860-х гг. впервые появляется слово «историческая» [Вдовин, Лейбов 2013: 18].

Изменяется и педагогическая стратегия Галахова: от практического изучения текстов современных авторов, отбираемых за совершенство и современность слога, до изучения истории литературы, изучения каждого отдельного автора в его развитии, рассмотрения его роли в литературном процессе.

Для исследователя осложняет ситуацию тот факт, что все хрестоматии Галахова были необыкновенно популярны и переиздавались множество раз. Следовательно, разные по времени создания и принципам составления, задачам и по составу хрестоматии существовали параллельно, в разных учебных заведениях могли использоваться разные издания. Однако образ Жуковского в этих хрестоматиях существенно не менялся: статьи о Жуковском и примечания к его

текстам Галахов перепечатывает из хрестоматии в хрестоматию либо вообще без изменений, либо с небольшими изменениями. Это — несколько упрощенный образ поэта-романтика, существенно расширившего горизонт русского читателя своими переводами из иностранных авторов, обновившего русский язык, образ учителя Пушкина, побежденного учеником.

После выхода хрестоматий Галахова учебные пособия старого типа безнадежно устарели. Галахов надолго стал самым авторитетным автором школьной педагогической литературы по курсу словесности. Все пособия, выходившие после него, неизбежно несли на себе следы влияния хрестоматий Галахова.

Рассмотрим одно пособие периода «после Галахова». Это «Русская хрестоматия» в 4 томах А. Филонова, мы пользовались 4-м изданием 1873–1878 гг. Она радикально отличается от хрестоматий периода «до Галахова». Автор заявляет о своих установках в предисловии:

В настоящее время никто, конечно, не станет спорить с тем, что преподавание одной теории словесности, — так называемой риторики и пиитики, — никуда не годится, и что главное внимание учителя должно быть обращено на чтение образцов, сопровождаемое теоретическими, историческими и другими объяснениями. Дать в руки учителю и ученикам такую книгу, в которой бы они, с одной стороны, нашли возможно-полный выбор лучших образцов, а с другой необходимые объяснения: вот цель нашей хрестоматии. <...> При каждом виде эпической поэзии приложены двоякого рода примечания: одни из них сообщают теоретические объяснения того или другого вида эпической поэзии; другие передают взгляд того или другого ученого, или писателя на известную пиесу или отрывок, помещенные в хрестоматии. Как первые, так и вторые примечания по большей части составлены не самим издателем, а заимствованы из сочинений лучших наших и иностранных писателей. Следовательно и самые примечания представляют своего рода образцы, которые могут также служить предметом чтения и разбора [Филонов 1875: VII].

Если первый тезис — об устаревшем подходе преподавания словесности и необходимости обратить главное внимание на чтение образцов — это уже нечто общепринятое, так сказать плоды трудов Галахова, то ориентация на объективность, строго научный подход и ценность примечаний к художественным текстам других авторов — это уже нечто новое и по отношению к Галахову. Ко времени выхода хрестоматии Филонова наука о литературе и русская литературная критика достигли уже такого уровня, что устоялась

определенная иерархия, теперь уже имелись авторитеты, без мнений которых нельзя было обойтись при составлении школьного учебника. Филонов снабжает свою хрестоматию библиографическим указателем:

Подобный библиографический указатель избавит, во-первых, начинающего учителя от кропотливого труда искать там и сям разбросанные статьи, написанные об одном и том же предмете, а во-вторых даст материал ученикам для их домашних учебных работ [Филонов 1875: VIII].

И, наконец, наиболее разительное отличие хрестоматии Филонова от предыдущих — наличие подробных вопросов и заданий для ученика:

Педагогические требования и приемы не оставлены нами без внимания. С этой целью, например, учитель найдет в хрестоматии несколько пьес и отрывков одинакового содержания из различных писателей: что может служить темой для работ воспитанников. После некоторых пьес предложены темы для размышления их самими учениками устно или письменно, или указаны те особенности произведений, на которые прежде всего должно быть обращено внимание юных читателей [Филонов 1875: VIII].

Обращает на себя внимание и еще один важный момент: двунаправленность адресации хрестоматии, это книга и для учителя, и для ученика.

В «Предисловие к пятому изданию» Филонов описывает педагогические задачи хрестоматии. Составитель различает «чисто педагогическую цель» — развитие аналитических способностей учеников путем сравнения текстов («Сравнение весьма сильно изощряет наблюдательность воспитанника» [Филонов: X]) и «чисто литературную» — «изучение идеалов и высокого таланта» писателей [Филонов 1875: X].

Филонов пишет и о принципах отбора текстов Жуковского:

В отделе баллад читатели найдут «Графа Габсбургского» Шиллера и «Erlkönig» Гете. Первая важна сама по себе — по своей глубокой идее и художественным образам, а последняя, напечатанная в подлинном немецком тексте, с темами по Любену и Наке, даст ясное понятие о Жуковском как переводчике. Сличение оригинала с переводом приводит к любопытным заключениям» [Филонов 1875: X].

Особенный интерес представляют вопросы для учеников к изучавшимся текстам. Например, к балладе «Ивиковы журавли» (Шиллера) предлагаются такие вопросы:

Передайте вкратце содержание баллады. — Черты быта древних греков на основании баллады: — 1) значение поэта; — 2) устройство древнего греческого театра: место представления, маски, котурны, хор, влияние театра и песни на народ; 3) состав празднеств в честь богов. — Объяснение некоторых подробностей: — зачем Ивик шел с лирою? — Какой смысл имеет его обращение к журавлям? — Объясните мифологические имена и древние слова, встречаемые в балладе. — Идея баллады. — Ср. с Р. Сказкою «Чудесная дудка» [Филонов 1875: 219–220].

Вообще, в переводах Жуковского важных текстов из других культур подчеркивается значение поэта как первооткрывателя какой-либо традиции для русской литературы. На примере «Одиссеи», индийского эпоса «Наль и Дамаянти», персидского эпоса «Рустем и Зораб» изучаются нравы и обычаи, устройство общества и религиозные взгляды далеких (во времени и пространстве) культур, ученики, прочитав комментарий, должны найти, как отражаются, например, религиозные взгляды индийского народа в эпосе. К тексту «Рустем и Зораб» мы находим примечание:

Народ персидский — народ воинственный исключительно. В поэме ярко обозначены нравы его: глубокое почтение к богатырям, т.е. силе физической, страсть к битвам: Рустем и Зораб три боя ведут между собою, коварство и хитрость, столь неразлучные с войною, — исполинское мужество женщин, отношение богатырей к шаху, вера во влияние звезд на жизнь [Филонов 1875: 246].

Далее даны вопросы и задания ученикам: «Покажите, где именно видна физическая сила богатырей? — Какими поступками они проявили свои нравственные качества?» [Филонов 1875: 256].

Задания другого рода обращают внимание учеников на стихотворный размер и слог Жуковского, например, вопросы к «Графу Габсбургскому»: «Язык баллады: слова собственные, замечательные выражения. — Каким размером написана баллада?» [Филонов 1875: 224].

Распространенный тип заданий — сравнение перевода с оригиналом. Вот задания к «Лесному царю»:

Содержание каждой строфы передайте своими словами. — Форма изложения: где разговорная, где повествовательная? — Что особенного представляет самая форма стиха? — Разделение на три части: часть первая — местность и положение главных действующих лиц; часть вторая — самое действие (Появление Лесного Царя и его речи: — чем прельщает демон ребенка?) — Часть третья — смерть ребенка. — Контрасты между впечатлениями отца и сына: — туман над рекою чему противопоставляется?

Шелесту ветра что соответствует? — А седым ветлам что? — Какою силою воспринимает впечатления ребенок и какою отец? — Основная мысль баллады. — Замечания о переводе Жуковского. Вполне ли передает он подлинник? Переведите каждую строфу буквально: что вы замечаете? — Во *второй* строфе какой стих не переведен? Не нарушилась ли этим пропуском характеристическая черта подлинника? — В третьей строфе как переведен второй стих? — Удачна ли замена подлинника? — Что хотел Гете высказать пропущенными у Жуковского словами? — Как перевел наш поэт третий и четвертый стихи этой же строфы? У кого понятнее сказано? — В четвертой строфе четвертым стихом что хотел определить Гете? Как Жуковский перевел этот стих? — Видно ли у Жуковского, в какое время года происходило действие? Точно ли переведены два последних стиха *шестой* строфы? — Как слово в слово перевести *Erlkönig*? — Какое же общее заключение сделаете о переводе нашего писателя? [Филонов 1875: 229–230].

Примечательны комментарии и задания к «Певцу во стане русских воинов»: «В этом стихотворении один славный герой Отечественной войны пропущен — Барклай-де-Толли. Современники не понимали спасительного образа мыслей и действий этого полководца знаменитого. А. С. Пушкин воспел ему подобающую хвалу в превосходном стихотворении «Полководец»» [Филонов 1878: 260]. К стиху: «Злодей! Он лестью приманил к Москве свои дружины» — сделано такое примечание: «В этих резких словах выражается взгляд современника. Совсем иначе говорит о Наполеоне I А. С. Пушкин в оде «Наполеон». См. ниже» [Филонов 1878: 261]. Далее после стихотворения Пушкина «Наполеон» будут такие задания: « — Взгляд Пушкина на Наполеона. — Сравн. со взглядом Жуковского в «Певце во стане Р. воинов»» [Филонов 1878: 270].

После текста Жуковского приведена восторженная цитата из Плетнева:

Никто не усомнится внести в разряд лучших подвигов, по всем правам принадлежащих истории и обезсмертивших славу нашего отечества, той вдохновенной песни, которая известна под именем «Певца во стане русских воинов». В незабвенную эпоху появления своего, она пронеслась по рядам войск наших и по всему пространству России как чудно живительный, свыше раздавшийся, голос, которого силе так сладостно было покориться. Вместо слов и букв явились какие-то огненные начертания и сообщили всем сердцам один жар, одно стремление. Может быть, в первый раз живые позавидовали падшим товарищам своим: так достойно и поразительно выставлены были отечеству доблести сынов его, принесших жизнь в исполнение священного долга. Имена их сияли в лучах их подвигов, и радостно было идти по следам увенчанных бессмертием. Падшие в бою вдохновительно действовали на живых. Это возбуждение народного духа, эти порывы восторженности и самоотвержения не пронеслись подобно звукам, на мгновение трогаящим душу, слабеющим и незаметно исчезающим. Они навек укреплены в

помыслах, в чувствах, в действиях русского народа. Вместе с бессмертными, которых образы и дела так верно, так резко отпечатлены в стихах, их усвоила Россия, и не будет поколения, столь жалкого и недостойного предков, которое бы не гордилось именем своим при чтении этой песни, и не рвалось бы на исполнение всех ее заветов [Филонов 1878: 265–266].

И сразу же за этой цитатой Филонов приводит знаменитую цитату из Белинского, в которой «неистовый Виссарион» ругает Жуковского за «отсутствие чувства современной действительности», за театральность и бутафорию. Все эти стрелы, шлемы и копья вызывают у критика «грустное чувство как зрелище великого, который, вопреки своему призванию, стремится идти по чуждому ему пути» [Филонов 1878: 266].

Далее приводится отрывок из пародии Батюшкова на «Певца...»: «Певец в беседе славянороссов. Эпико-лиро-комико-эпородический гимн». Затем — собственно авторское примечание о том, какую роль сыграл текст «Певца...» в биографии Жуковского: текст стал распространяться сразу же после его написания, его знали все, читали и перечитывали, Жуковский становится известен, представлен императрице, ему открылась служба при дворе.

Эти комментарии и вопросы показывают, сколь большая степень свободы предоставляется ученику: свобода формирования собственного эстетического и нравственно-оценочного суждения. Здесь нет идеологически единственно верного ответа, поощряется формирование аналитических и критических способностей, независимости и свободы суждений. Вот задания к тексту:

План стихотворения. — Форма его изложения. — Почему оно отнесено к одам? — Что сказано в «Певце» про главные действующие лица? — Патриотическое настроение Жуковского. — Сравн. это стихотворение с историческими рассказами о войне 1812 года (см. IV ч. Христ. В отделе «Истории» отрывки об Отечеств. войне). — Черты ложно-классические в пьесе. — Романтический элемент в ней. — Язык и слог [Филонов 1878: 267].

Таким образом, текст «Певца во стане русских воинов» снабжен историческим комментарием, приведены отрывки из воспоминаний участников войны 1812 года, критические отзывы (современника событий и более поздний, Белинского), пародия на «Певца...», что говорит о статусе текста, уже прочно укрепившегося в культуре. Ученику предоставляется возможность выбирать между разными мнениями.

Сразу же за «Певцом...» следует «Бородино» Лермонтова, стихотворение, которое станет главным хрестоматийным текстом о войне 1812 года на долгие годы и постепенно совершенно вытеснит «Певца...» из школьных учебников.

На примере этого текста мы видим, что, по замыслу автора хрестоматии, для изучения одного произведения ученику необходимо было обращаться к разным источникам, предполагался большой объем самостоятельной домашней работы. Принимая во внимание распределение часов на предмет «русский язык и словесность», кажется маловероятным, что ученики действительно успевали прочитать все тексты, представленные в хрестоматии Филонова с той основательностью, которая предполагается вопросами и заданиями. Тем не менее, требования к выпускникам гимназий были очень высоки, о чем косвенно свидетельствует «Ведомость о результатах окончательных испытаний учеников гимназий и сторонних молодых людей, желавших поступить в университеты в июне месяце 1865 года». Гимназистов часто оставляли на второй год. Например, в Петербурге не было ни одной гимназии, в которой в 1865 году не оставили бы кого-нибудь на второй год (в 7 классе). В Пятой Санкт-Петербургской гимназии — 7 гимназистов из 33 остались на второй год, в Третьей — 12 из 29, в Четвертой Московской — 9 из 43, в Дерптской — 10 из 22, в Виленской — 15 из 32, в Митавской — 24 из 33 [Ведомость: 531–535].

Однако все же представляется невозможным выяснить, в какой степени ученики усваивали материалы хрестоматии. С большей долей вероятности можно предположить, что более подробно изучались в классе тексты, входившие в программу курса словесности.

Хрестоматия Филонова, как мы видим, претендует на научность и академичность, это хрестоматия нового периода развития педагогической литературы в России. При этом можно заметить, что Филонов использует некоторые педагогические приемы поколения «до Галахова». Например, возможность поговорить на далекие от русской словесности темы (религия в Индии, характер персиян, древнегреческий театр и т. д.), используя отрывки из художественных текстов.

В трактовке образа Жуковского-писателя Филонов недалеко уходит от Галахова. Более того, он помещает в своей книге статью Галахова о балладе Жуковского из «Полной русской хрестоматии», рекомендует ученикам обратиться к биографии Жуковского, написанной П. А. Плетневым.

Педагогический прием сравнения текстов также уже использовал Галахов. Филонов гораздо более подробно формулирует задания и вопросы для учеников и более отчетливо обозначает разные суждения о тексте.

Всего в четырех томах хрестоматии Филонова (1873–1878) содержится 19 текстов Жуковского.

В первой части «Эпическая поэма», в разделе *Идиллия*:

- 1) «Летний вечер»;
- 2) «Утренняя звезда».

В разделе *Баллада*:

- 3) «Ивиковы журавли»;
- 4) «Кубок»;
- 5) «Граф Габсбургский»;
- 6) «Лесной царь».

В разделе *Поэма*:

- 7) Отрывок «Дамаянти в лесу» из поэмы «Наль и Дамаянти»
- 8) Отрывок «Третий бой» из поэмы «Рустем и Зораб»
- 9) Отрывок из «Одиссеи»
- 10) Отрывки из «Шильонского узника».

Во второй части, в разделе *Элегия*:

- 11) «Торжество победителей»;
- 12) «Жалоба Цереры»;
- 13) «Певец».

В разделе *Ода*:

- 14) «Певец во стане русских воинов»

В разделе *Разные стихотворения*:

- 15) «Идеалы».

В третьей части «Драматическая поэзия» в разделе *Трагедия*:

- 16) Отрывки из «Орлеанской девы».

В четвертой части «Проза» в разделе *Путешествия*

- 17) «Рейнский водопад»;
- 18) «Рафаэлева Мадонна».

В разделе *История*:

- 19) «Воспоминание о торжестве 30 авг. 1834 г.»

В учебной книге «Словесность в образцах и разборах» (СПб., 1885) В. И. Водовозов разбирает следующие тексты В. А. Жуковского: «Ивиковы журавли», «Жалоба Цереры», «Кубок», «Шильонский узник». Первые три текста

упоминаются в разделе «Эпические произведения», в главе «Общие свойства эпоса», подглавка «Баллады Шиллера в переводе Жуковского». По этим текстам Водовозов приводит такие «классные задачи»:

- 1) «Объясните предание, которое заключается в поэме Шиллера «Жалоба Цереры».
- 2) «Что взято из греческой жизни в поэме Шиллера «Ивиковы журавли»?
- 3) «Рыцарские черты характера в поэме Шиллера «Кубок» (пытливость, безрассудная удаля, обожание женщины). Справедлива ли, и в каком отношении, выраженная здесь мысль о непроницаемости тайн природы?» [Водовозов 1868: 271].

Уже из названия главы и формулировок вопросов видно, что Водовозов разбирает баллады Шиллера, а не произведения Жуковского. Это особенно заметно в тексте главы: «Шиллер только обратил более внимания...», «Шиллер дал чувству Цереры...», «в балладах Шиллера» и т. д. [Водовозов 1885: 264–269].

«Словесность в образцах и разборах» Водовозова — это не хрестоматия, а учебник. Каждая глава повествует об определенном жанре. О текстах Жуковского Водовозов говорит под определенным углом зрения: для него важно, как в конкретном тексте отразились характерные черты жанра — баллады, героического эпоса («Одиссея»), лирической поэмы («Шильонский узник»). Во всех случаях Водовозов говорит об авторах оригиналов и особенностях жанра, Жуковского упоминает как переводчика на русский язык. Даже в главе о Жуковском из «Новой русской литературы» Водовозов находит возможность поговорить более о Шиллере, чем о самом Жуковском, в том числе о тех текстах, которые он не переводил вовсе, а также ругает Жуковского за неудачные с его точки зрения переводы: «Не все переводы Жуковского одинаково удовлетворительны» [Водовозов 1895: 36]. Заканчивает Водовозов главу о Жуковском снисходительно: «При всех этих недостатках, переводы Жуковского доныне не потеряли своей цены, особенно если взять во внимание сравнительную бедность нашей переводной литературы» [Водовозов 1895: 38].

Книгу В. И. Водовозова следовало бы поместить после «Истории русской словесности» Галахова, поскольку мы пользовались экземпляром 1895 г., но первое ее издание вышло в 1866 г. Доступный нам экземпляр не содержит новых по сравнению с уже упомянутыми книгами биографических сведений. Возможно, этот раздел (который вынесен у Водовозова в примечания) не редактировался при выходе переизданий. В книге «Новая русская литература (от Жуковского до

Гоголя включительно)» В. И. Водовозов описывает историю рождения Жуковского еще более обтекаемо, он вообще не называет фамилии отца поэта, разумеется, не упоминает и об эпизоде зачисления будущего поэта в полк ради получения дворянства:

Жуковский родился 29-го января 1784 г. <sic!> в селе Мишенском, недалеко от уездного города Тульской губернии Белева. Он сначала развивался посреди женского общества родной семьи в Туле, а окончил свое образование в Москве, в благородном университетском пансионе [Водовозов 1895: 21].

Зато автор книги подробно пишет о красотах природы, которыми любил наслаждаться юный Жуковский. Водовозов, как и многие авторы, писавшие о поэте, повторяет идею, высказанную впервые, кажется, Плетневым, о том, что характер Жуковского, отразившийся и в его поэзии, сформировался под влиянием женского общества, его окружавшего с детства, и красот сельской природы. Отметим, что Водовозов вслед за Плетневым отсчитывает новую эпоху в русской литературе от Жуковского. Белинский, как известно, так не считал: «Периода, означенного именем Жуковского, не было в русской литературе» [Белинский 1955: 142], полагая, что творчество поэта пришлось на конец карамзинской эпохи в литературе, а потом совпало с эпохой пушкинской.

В «Истории русской словесности, древней и новой» Галахова Жуковскому посвящен уже большой раздел. Следует заметить, что мы пользовались третьим изданием этой книги, 1894 г. Мы не смогли пока ответить на вопрос о том, появились ли новые детали биографии Жуковского уже в первых двух изданиях (1863 и 1875 гг.) или в переизданиях, и когда подробности частной жизни поэта впервые входят в учебник. С уверенностью можно утверждать лишь то, что сведения эти появились в предыдущих изданиях учебной книги, т. к. издание 1894 г. было напечатано уже после смерти А. Д. Галахова. История рождения Жуковского рассказывается здесь уже без умолчаний, только в годе рождения сделана опечатка (1787 вместо 1783):

Василий Андреевич Жуковский (1787–1852), сын Афанасия Ивановича Бунина, родился в имении последнего — селе Мишенском, тульской губернии, в трех верстах от Белева. Мать его, Елизавета Дементьевна, была крещеная пленная турчанка. Фамильное имя он получил от своего крестного отца, Андрея Григорьевича Жуковского. По смерти Бунина (1790) он остался на попечении вдовы его, Марьи Григорьевны, полюбившей мальчика,

как родного сына, и своей матери, женщины хотя без всякого образования, но добрых нравственных качеств [Галахов 1894: 220].

Все эти сведения сообщались уже в сочинении К. К. Зейдлица, опубликованном в 1883 г. к столетнему юбилею поэта, а затем и в юбилейной книге Л. И. Поливанова «В. А. Жуковский и его произведения» [Загарин 1883]. В этой же книге подробно рассказывалась и история взаимоотношений Жуковского и Марии Андреевны Протасовой. Галахов не только пишет об этом сюжете, но и комментирует некоторые стихотворения Жуковского, применяя этот любовный код:

Он питал глубокую любовь к своим племянницам, Протасовым. Его намерение жениться на старшей (Марье Андреевне), могло бы исполниться, если бы мать их в родственных отношениях не видела причины своему упорному отказу [Галахов 1894: 236].

Далее Галахов цитирует письмо Жуковского А. И. Тургеневу 1810 г. и пишет о том, что общий меланхолический тон поэзии Жуковского и множество стихотворений на тему несчастной, невозможной любви, препятствий в любви и т. п. было вызвано отказом матери Марии Андреевны. Более того, даже стихотворения на случай, например, стихотворение «На смерть Ее Величества королевы Виртембергской» проникнуты личными, интимными переживаниями поэта. Галахов приходит к выводу, что «поэзия Жуковского горела чистым и ровным светом, зажженным «тоскою по благам прежних лет»» [Галахов 1894: 241].

Галахов очень высоко оценивает вклад Жуковского в русскую литературу, пишет о большом значении его переводов, которые следует, по его мнению, считать оригинальными сочинениями, поскольку у Жуковского все «чужое» и все «его» (заметим в скобках, что именно в последних хрестоматиях Галахова при переводных сочинениях указывается только фамилия Жуковского). Галахов пишет даже, что переводы явились вершиной творчества Жуковского. Это снова — цитата из Белинского: «Венец поэзии Жуковского составляют его переводы и заимствования из немецких и английских поэтов» [Белинский 1955: 141], ср. также: «Брал свое везде, где только находил его» и далее [Белинский 1955: 167].

Если еще в хрестоматии 1859 г. Галахов, вслед за Белинским, ценил Жуковского прежде всего как отца романтизма в русской литературе, то теперь он сам полемизирует с этой точкой зрения:

История нашей литературы обыкновенно поставляла заслугу Жуковского в том, что он ввел к нам романтизм. <...> Он романтик, как все поэты христианского мира, парившие над жизнью своими идеалами <...> Он романтик и потому, что лучшие его стихотворения отступали от правил французского классицизма [Галахов 1894: 205–252].

Но теперь главное значение поэта Галахов видит в том, что

поэтические произведения Жуковского обогатили нашу лирику новым, плодотворным содержанием, которое составляет важный момент в ее историческом развитии. Они впервые раскрыли перед нами внутренний мир человека, мир его души, как предмета, наиболее достойного вдохновенных песен. Душевная исповедь служит господствующей темой, не возбуждавшей до того сочувственного внимания писателей, которые притом и не были к тому призваны ни характером своих талантов, ни качествами своей природы [Галахов 1894: 246].

То, что Жуковский оказался способен к такой душевной исповеди, к тонким душевным переживаниям, Галахов связывает с биографическими обстоятельствами его жизни: «Немногие таланты находились под таким влиянием первоначальной жизненной среды, какое испытал Жуковский» [Галахов 1894: 246]. И далее: «Поэзия Жуковского есть звучный отголосок, вернее откровение его собственной жизни» [Галахов 1894: 246]. Здесь мы видим очередной повтор идей Плетнева и Белинского.

Интересно сравнить биографию Жуковского в школьном изложении с биографиями других авторов, в особенности таких, чья биография включает в себя сведения, которые из-за цензуры не могли быть сообщены в изданиях для школы или, по крайней мере, изложение которых представляло определенные трудности. Первый автор это, несомненно, А. С. Пушкин. Он появляется уже в книге Н. Греча 1822 г. «Опыт краткой истории русской литературы». Греч приводит краткий, так, впрочем, никогда и не ставший длинным, послужной список поэта, пишет о том, что Пушкин в 1820 г. перешел в канцелярию генерал-лейтенанта Инзова, не упоминая, конечно же, о причинах перевода.

В «Полной русской хрестоматии» Галахова 1859 г. жизнеописание Пушкина дано уже подробнее. И все же Галахов не раз применяет фигуру умолчания: не упоминает ни о происхождении поэта, ни о причинах его перевода на юг в 1820 г. в канцелярию генерал-лейтенанта Инзова, ни о характере его пребывания в Михайловском в 1824–1826 гг., ни о предметах романтических

увлечений Пушкина, ни о его многочисленных дуэлях, ни о причине смерти поэта. Все сложные места аккуратно обойдены автором хрестоматии, но все же внимательный читатель может заметить некоторые намеки на особые обстоятельства. Так, например, Галахов замечает: «Честь, можно сказать, рыцарская была основанием его поступков, и он не отступил от нее ни одного раза в жизни» [Галахов 1859b: 128].

«Рыцарская честь» здесь — очень важное понятие. Это не просто, как нам кажется, описательная характеристика Пушкина, и Галахов употребляет это понятие неслучайно. Ю. М. Лотман в «Беседах о русской культуре» говорит: «Русский дворянин XVIII – начала XIX века жил и действовал под влиянием двух противоположных регуляторов общественного поведения. Как верноподданный, слуга государства, он подчинялся приказу. <...> Но в то же время как дворянин <...> он подчинялся законам чести» [Лотман: 164]. Читателям XIX в. было известно, что законы чести требовали вызова на дуэль в случае, если было нанесено оскорбление, несмотря на то, что законодательно дуэли были запрещены и нарушителям такового запрета грозило серьезное наказание. Лотман приводит далее мнение Николая I о дуэлях: «Я ненавижу дуэли; это — варварство; на мой взгляд, в них нет ничего рыцарского» [Лотман: 166].

Таким образом, Галахов как автор школьной хрестоматии и как человек, находящийся на государственной службе, с 1863 г. являвшийся членом Ученого комитета Министерства народного просвещения, сообразуясь со своей внутренней цензурой и имея в виду цензуру внешнюю, не мог написать о дуэлях Пушкина, но как дворянин оправдывает поэта. Далее Галахов будто бы предупреждает юных читателей на тот случай, если им придется читать некоторые тексты поэта «вольного содержания», о том, что не ко всему, написанному Пушкиным, следует относиться серьезно: «Он без сожаления тратил время на ничтожные забавы, к числу которых надобно отнести сочинение некоторых шуточных стихотворений». О южной ссылке Пушкина Галахов пишет как о «периоде страннической жизни поэта». Говоря о переезде Пушкина в Кишинев, Галахов замечает: «Отсюда началась, в некотором смысле, кочевая жизнь поэта» [Галахов 1859b: 129]. Отметим эту оговорку — «в некотором смысле». Галахов отмечает также, что в этот период Пушкин сочувствует Байрону. Читатель, знакомый с биографией Байрона, может прочесть это «сочувствует» как переживание сходства некоторых биографических сюжетов

двух поэтов: вынужденное путешествие поэта на юг, вызванное конфликтом с обществом и властью. О смерти Пушкина Галахов пишет, не называя ее причины, так:

Как бы предчувствуя близость кончины своей, он назначил подле могилы ея <матери. — *О. Ф.*> и себе место, и скончался тридцати шести лет. Последние минуты его жизни описаны Жуковским. Представляем одно место из этого красноречивого описания: «Так тихо, так спокойно удалилась душа его. Мы долго стояли над ним молча, не шевелясь, не смея нарушить таинства смерти, которое совершалось перед нами во всей умирительной святине своей...» [Галахов 1859b: 131].

Галахов выбирает бесконфликтный текст Жуковского о величественной красивой смерти поэта. Автор школьной хрестоматии, конечно, не может рассказать ни о том огромном резонансе в обществе, который вызвала безвременная кончина поэта, ни о знаменитом стихотворении М. Ю. Лермонтова, ни о не менее знаменитом некрологе В. Ф. Одоевского. Заметим, что первое издание «Полной русской хрестоматии» Галахова вышло в 1843 г., еще при императоре Николае, доступный нам экземпляр — 1859 г., издание восьмое, однако, «без перемен» напечатано с издания 1857 г. Это уже время правления Александра II, и все же самое его начало. Вероятно, инерция цензурной политики николаевского царствования к тому моменту еще не была преодолена. Тем более что речь идет о школьной хрестоматии, так что кроме общей цензуры и цензуры Министерства народного просвещения, автор пособия сверялся, видимо, и с автоцензурой. Конечно, в таких условиях в школьной хрестоматии биография Пушкина без купюр была немыслима.

Интересно, что похожие приемы Галахов использует и при изложении биографии К. Н. Батюшкова в той же хрестоматии. Прямо не называя характер болезни поэта, он в то же время замечает, что «болезнь развилась до такой степени, что Батюшков умер заживо для поэзии» [Галахов 1859b: 171], и чуть далее: «Болезненное состояние его перешло в более спокойное и не опасное ни для кого». По этим фразам читатель вполне может догадаться, что это была душевная болезнь, однако откровенно Галахов об этом не говорит.

Сопоставив биографию Жуковского с биографиями других поэтов, мы замечаем, что, хотя общий принцип остается тем же: о вещах двусмысленных и «непристойных» не говорится, но в случае с Пушкиным табуированного оказывается слишком много, и причины умолчания — совсем другими. У

Жуковского не было открытых конфликтов с властью, наоборот, он делает завидную карьеру при дворе, имя Жуковского не было связано со скандалами, его не причисляли к «опасным». С этим связан и выбор Галаховым авторской стратегии при передаче биографии поэтов: Жуковский предстает перед учениками главным образом как наставник правящего императора, благоговейно относившийся к своей «священной обязанности» [Галахов 1859b: 101], подчеркивает автор и особую милость императора к Жуковскому. Пушкин у Галахова — поэт необыкновенного таланта, одаренный живостью ума, остроумием, прямым и благородным характером, пылкий, проникательный, но излишне рассеянный, непостоянный в труде, не имеющий любви к жизни созерцательной, склонный к легкомысленным и необдуманным поступкам. По Галахову, Пушкин только в последние годы «был особенно счастлив, пользуясь всеобщим уважением» [Галахов 1859b: 101], а его беспокойная натура преобразается в торжественном, величественном таинстве смерти, о чем свидетельствует длинная цитата из письма-статьи Жуковского.

Любопытно было бы сравнить, как изменилась биография Пушкина у Галахова в 1894 г. в «Истории русской словесности, древней и новой», но в этой книге автор не пишет о Пушкине. Зато о Пушкине пишет В. И. Водовозов в «Новой русской литературе» [Водовозов 1895]. О происхождении поэта автор рассказывает так: «Происходил по отцу от старинного рода бояр Пушкиных, по матери — от негра, Абрама Петровича Ганнибала, любимца Петра Великого» [Водовозов 1895: 94]. Автор книги пишет прямо, что на юг в 1820 г. Пушкин был переведен «за некоторые вольные стихи» [Водовозов 1895: 95]. О переезде в Михайловское Водовозов пишет без умолчаний: «Ему приказано жить в своей деревне» [Водовозов 1895: 95], так же, как и о причине смерти поэта: «Пушкин был смертельно ранен на поединке с Дантесом» [Водовозов 1895: 95]. Примечательно, что Водовозов отмечает усиливающееся религиозное настроение Пушкина в последние годы его жизни.

Если в «Полной русской хрестоматии» Галахова мы наблюдаем лакуны во всех рассмотренных нами биографиях, то в книге Водовозова биография Пушкина рассказывается уже довольно открыто, в то время как биография Жуковского не пополняется новыми сведениями. Возможно, это объясняется тем, что к 1895 г. Пушкин уже безоговорочно занимал центральное место на русском Парнасе, а биография Жуковского была автору книги не так интересна, в отличие

от Галахова, который специально занимался исследованием жизни и творчества Жуковского. Возможно, Водовозов не редактировал биографию Жуковского при переизданиях, а в 1866 г., когда вышло первое издание книги, еще не были опубликованы книги К. К. Зейдлица и Л. И. Поливанова, раскрывшие многие подробности жизни поэта.

Итак, мы видим, что биография Жуковского не сразу стала доступна учащейся читательской аудитории. Хотя некоторым современникам Жуковского были известны подробности его жизни, тот же Н. И. Греч, который так скупно делится биографическими сведениями о поэте в своих учебниках, подчеркивая его придворные заслуги и официальные титулы, рассказывает и о происхождении Жуковского, и о его влюбленности в племянницу в своих воспоминаниях «Записки моей жизни». В первых школьных пособиях у Греча сообщается только послужной список поэта. Затем, после публикации заметки А. П. Зонтаг и книги Плетнева, авторы учебников и хрестоматий излагают биографию Жуковского, пользуясь, главным образом, этими источниками. Многие авторы в оценках творчества Жуковского находятся под явным воздействием критических статей В.Г. Белинского. Только в самом конце XIX века после выхода книги Зейдлица, а позже Л. И. Поливанова о Жуковском его биография вошла в школьный учебник обогащенной подробностями и о происхождении, и о личной любовной драме поэта и позволила посмотреть на наследие Жуковского с новой точки зрения.

Таким образом, это не просто дополнение фактической канвы. Опубликованные письма и дневники Жуковского, раскрывающие внутреннюю жизнь поэта, заставили по-иному взглянуть на его творчество, пересмотреть его значение для русской литературы в целом. Галахов в «Истории русской словесности» пишет об этом так: «Мы имеем право сказать о произведениях Жуковского, что они — *поэтическая летопись его личной судьбы, преимущественно его романической любви*» [Галахов 1894: 243].

Несомненно, сам факт проникновения в школьные учебники в конце XIX века биографических сведений, которые невозможно было представить себе еще за несколько десятилетий до этого, связан и с изменением цензурной ситуации и общего политического климата, и с существенными изменениями в общественной жизни государства в целом. Однако не менее важно, как указал нам А. В. Вдовин, и то обстоятельство, что до конца 1840-х гг. в литературно-критическом сознании мысль о неразрывном единстве «жизни и поэзии» поэта

оставалась маргинальной и утвердилась в критике лишь в середине века в статьях Белинского, Боткина, Некрасова и самого Галахова, а в школьном биографическом нарративе — лишь к концу века.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ 3.

**ТАБЛИЦА ЧАСТОТНОСТИ ТЕКСТОВ В. А. ЖУКОВСКОГО В
РАССМОТРЕННЫХ ХРЕСТОМАТИЯХ ДЛЯ СТАРШИХ КЛАССОВ
РОССИЙСКИХ СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ XIX ВЕКА**

Текст Жуковского (количество публикаций)	Хрестоматия
1. Певец во стане русских воинов (6)	Греч 1819–1822 Пенинский 1834 Галахов 1859 Галахов 1864 Филонов 1873–1878 Галахов 1898
2. Сельское кладбище (5)	Греч 1819–1822 Пенинский 1834 Галахов 1859 Галахов 1864 Галахов 1898
3. Двенадцать спящих дев (4)	Греч 1819–1822 Пенинский 1834 Галахов 1864 Галахов 1898
4. Орлеанская дева (4)	Галахов 1859 Галахов 1864 Филонов 1873–1878 Галахов 1898
5. Рафаэлева Мадонна (4)	Пенинский 1834 Галахов 1859 Галахов 1864 Филонов 1873–1878
6. Светлана (4)	Греч 1819–1822 Пенинский 1834

	Галахов 1864 Галахов 1898
7. Теон и Эсхин (4)	Пенинский 1834 Галахов 1859 Галахов 1864 Галахов 1898
8. Воспоминания о торжестве 30-го августа 1834 года (3)	Пенинский 1834 Галахов 1859 Филонов 1873–1878
9. Граф Гапсбургский (3)	Пенинский 1834 Галахов 1859 Филонов 1873–1878
10. Ивиковы журавли (2)	Греч 1819–1822 Филонов 1873–1878
11. Лалла рук (3)	Галахов 1859 Галахов 1864 Галахов 1898
12. Одиссея (3)	Галахов 1864 Филонов 1873–1878 Галахов 1898
13. Пловец (3)	Греч 1819–1822 Пенинский 1834 Галахов 1859
14. Путешественник (3)	Греч 1819–1822 Пенинский 1834 Галахов 1859
15. Торжество победителей (3)	Галахов 1864 Филонов 1873–1878 Галахов 1898
16. Великой княгине Александре Николаевне (Вступление к «Налю и Дамаянти») (2)	Галахов 1864 Галахов 1889
17. Вождю победителей (2)	Греч 1819–1822 Пенинский 1834
18. Гимн Богу (2)	Греч 1819–1822 Галахов 1859
19. К Вяземскому и Пушкину (2)	Греч 1819–1822

	Галахов 1859
20. Кабуд путешественник (2)	Греч 1812 Греч 1819–1822
21. Кто истинно добрый и счастливый человек? (2)	Греч 1819–1822 Галахов 1859
22. Лесной царь (2)	Галахов 1859 Филонов 1873–1878
23. Летний вечер (2)	Галахов 1859 Филонов 1873–1878
24. Людмила (2)	Галахов 1864 Галахов 1889
25. Мессиада (2)	Греч 1819–1822 Галахов 1859
26. Певец (2)	Пенинский 1834 Филонов 1873–1878
27. Песнь русскому царю (2)	Греч 1819–1822 Пенинский 1834
28. Рейнский водопад (2)	Галахов 1859 Филонов 1873–1878
29. Славянка (2)	Греч 1819–1822 Пенинский 1834
30. Утренняя звезда (2)	Галахов 1859 Филонов 1873–1878
31. Шильонский узник (2)	Галахов 1859 Филонов 1873–1878
32. Ахилл	Галахов 1859
33. Библия	Галахов 1859
34. Бесплезная скромность	Пенинский 1834
35. Близость весны	Галахов 1859
36. Вадим	Греч 1812
37. Вечер	Пенинский 1834
38. Война мышей и лягушек	Галахов 1859
39. Вольдемар	Греч 1819–1822
40. Воскресное утро в деревне	Галахов 1859
41. Воспоминание («О милых спутниках...»)	Галахов 1859
42. Громобой	Пенинский 1834

43. Деревенский сторож в полночь	Галахов 1859
44. Дружба	Галахов 1859
45. Дубрава шумит	Пенинский 1834
46. Жалоба Цереры	Филонов 1873–1878
47. Из Энеиды	Галахов 1859
48. Идеалы	Филонов 1873–1878
49. Императору Александру	Пенинский 1834
50. К Воейкову	Греч 1819–1822
51. К кн. Вяземскому	Галахов 1859
52. К портрету Гете	Галахов 1859
53. К Тургеневу	Пенинский 1834
54. К Филону	Пенинский 1834
55. Кубок	Филонов 1873–1878
56. Листок	Галахов 1859
57. Майское утро	Галахов 1864
58. Младенец	Галахов 1859
59. Молитва русского народа	Галахов 1859
60. Мщение	Галахов 1859
61. Мысли над гробом Каменского	Греч 1819–1822
62. Наль и Дамаянти	Филонов 1873–1878
63. Ночной смотр	Галахов 1859
64. Ночь	Галахов 1859
65. О басне и баснях Крылова	Греч 1819–1822
66. Овсяный кисель	Галахов 1859
67. «Опять ты здесь, мой благодатный гений...»	Галахов 1859
68. Орел и голубка	Галахов 1859
69. Отрывок из письма В. К. Марии Николаевне	Галахов 1859
70. Песня	Галахов 1859
71. Песня бедняка	Галахов 1859
72. Письма Миллера к Бонстеттену	Греч 1819–1822
73. Праматерь внуке	Галахов 1859
74. Путешественник и поселанка	Галахов 1859
75. Путешествие по Саксонской Швейцарии	Галахов 1859

76. Розы Мальзебра	Греч 1819–1822
77. Русская слава	Пенинский 1834
78. Рустем и Зораб	Филонов 1873–1878
79. Сиротка	Галахов 1859
80. Сказка об Иване Царевиче и сером волке	Галахов 1859
81. Сражение с змеем	Галахов 1859
82. Тленность	Галахов 1859
83. Узник	Греч 1819–1822
84. Узник к мотыльку	Галахов 1859
85. Ундина	Галахов 1859
86. Эолова арфа	Пенинский 1834

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одной из главных задач настоящего исследования было выяснение места В. А. Жуковского в школьном литературном каноне XIX века. Первым этапом было составление списка наиболее популярных текстов поэта, входивших в хрестоматии, книги для чтения и учебные пособия по русской словесности для российских средних учебных заведений и выявление изменений в этом списке на протяжении XIX века.

Мы рассматривали отдельно хрестоматии для младшего школьного возраста и хрестоматии для старших учеников, поскольку педагогическая литература для этих двух возрастных групп устроена принципиально по-разному. Художественные тексты в младших классах изучаются на уроках русского языка, и перед учителем стоят совсем иные педагогические задачи, чем в старших: обучение технике чтения, пониманию текста, расширение лексикона ученика, развитие памяти посредством заучивания стихотворений и прозаических текстов, изучение новых явлений и предметов окружающего мира на примере художественных текстов. Составители детских хрестоматий при выборе текстов учитывают эти задачи, поэтому общие принципы отбора — доступность текста для понимания, простота и ясность языка, наличие занимательного сюжета, тема, знакомая детям, нравственное содержание.

Эти общие принципы, объясняющиеся ориентацией на возраст учеников и цели обучения на данном этапе, приводят к тому, что набор текстов Жуковского в детских хрестоматиях не так велик и разнообразен, как в хрестоматиях для старшего школьного возраста. Даже авторы, чьи дидактические установки полемически противопоставлены друг другу (например, К. Д. Ушинский, ратующий за естественные науки и темы, и П. Е. Басистов, выступающий против помещения таких текстов в детскую хрестоматию) зачастую выбирают одни и те же тексты Жуковского (два упомянутых автора сходятся в выборе «Овсяного киселя»).

Намного сложнее и разнообразнее картина в хрестоматиях для старших классов средних учебных заведений. Здесь списки текстов Жуковского от пособия к пособию и от периода к периоду разнятся значительно и по количественному

параметру, и по содержанию. Выбор художественных текстов часто зависит от концепции составителя хрестоматии и от структуры пособия. Так, в учебной книге, построенной по жанровому принципу, как, например, «Словесность в образцах и разборах» В. И. Водовозова, будут преобладать тексты, наиболее ярко демонстрирующие характерные особенности жанра, а в «Историко-литературную хрестоматию» А. Д. Галахова будут включаться тексты разного периода творчества Жуковского, даже ранние, несовершенные, чтобы наглядно продемонстрировать эволюцию поэта. Нередко основным критерием отбора текстов для старшеклассников становятся представления автора пособия о роли того или иного писателя в историко-литературном процессе. Например, А. Д. Галахов в «Истории русской словесности» в главе «Время Пушкина и Гоголя» пишет:

Не только созданный образ, но и внешнее его выражение, т.е. язык, запечатлен у него <Пушкина. — О. Ф.>, как ниже увидим, тем же чувством художественной меры. Даровитейшие из его предшественников — Державин, Жуковский, Батюшков — не безупречны в этом отношении. В их стихотворениях нередко нарушается поэтическая красота излишеством материала, не нужным для выражения чувств и мыслей. Они выходят растянутыми, без сосредоточенности на одном пункте, без органической цельности. Некоторые оды Державина и подобные пиесы Жуковского (Песнь барда над гробом славян-победителей, Певец в Кремле, Послание Императору Александру I) уклонениями в сторону — иногда рассуждениями, иногда риторическим многословием — дают чувствовать отсутствие меры, без которой поэтическая форма лишается существенной своей принадлежности — изящества, грации [Галахов 1891: 187].

Ни один из упомянутых в данной цитате текстов Жуковского Галахов не включает в свои хрестоматии (из просмотренных нами и согласно «Базе данных» А. Вдовина). Как нам представляется, Галахов руководствуется при этом не только художественным вкусом, но и своими представлениями о том, в чем заключались главные заслуги Жуковского перед русской литературой. Упомянутые тексты не соответствуют тому образу поэта, который создает Галахов на страницах педагогических книг. Жуковский-идеолог, воспитатель наследника престола, придворный певец, прославляющий военные победы императора, не интересует Галахова. Для него важнее заслуги Жуковского в области развития поэтического языка, перенос романтизма на русскую почву, переводы текстов мировой литературы на русский язык. Жуковский —

«поэтический дядька всех чертей и ведьм» русской литературы оказывается для Галахова важнее Жуковского — автора пафосных эпических произведений. Эта позиция отражается у Галахова и на биографических статьях о Жуковском. Вообще, биография Жуковского в учебных пособиях XIX века постепенно превращается из сухого послужного списка [Греч 1812] в подробное повествование о личной, частной жизни поэта, которая становится важнее его придворной карьеры или идеологических воззрений.

Мнение А. Д. Галахова о роли Жуковского оказалось для русской школы особенно значимым, поскольку именно он стал одним из авторов первой программы по русской словесности для школы, на основании которой составлялись и все остальные программы XIX века.

Как мы показали, хрестоматии по русской словесности XIX века вступают во взаимодействие друг с другом, со временем формируется традиция единообразного сокращения текстов Жуковского для школы и даже одинакового наименования отрывков.

Изучение темы «школьного Жуковского» далеко не закончено и, на наш взгляд, может и должно быть продолжено. Одной из перспектив развития темы нам представляется изучение того, каким образом отражаются «хрестоматийные» тексты Жуковского в творчестве поэтов и писателей, учившихся по одной из программ XIX века по русской словесности (напомним, что как программы, так и пособия были актуальны и в начале XX в.). Так, например, обращает на себя внимание обилие известных писательских имен в списке выпускников «Поливановской» школы¹⁶: В. Брюсов, М. Волошин, А. Белый и др. Особенно интересен нам В. Брюсов как «отец» символистов. Любопытно, что М. Л. Гаспаров сравнивает судьбу Жуковского в русской литературе с судьбой В. Брюсова:

Позднего Брюсова можно любить или не любить, но не признавать за ним резкого и оригинального своеобразия невозможно. Такие преобразования встречаются в русской поэзии не впервые: достаточно вспомнить Жуковского. Если бы стихи Жуковского 1800, 1820 и 1840 гг. дошли до наших дальних потомков анонимно, они сочли бы их принадлежащими трем разным поэтам. Жуковский в XIX и Брюсов в XX в. играли

---

¹⁶ Хрестоматия Л. Поливанова, как мы писали, содержала наибольшее количество текстов Жуковского из всех детских хрестоматий.

одинаковую роль побежденных учителей, уступающих лавры победителям-ученикам, а затем в тиши своих творческих лабораторий меняющих свою манеру так, чтобы вновь соперничать со старшими и младшими современниками уже на другом битвенном поле. Жуковский умел совершать это тихо и незаметно — Брюсов этого не умел, все его удачи и неудачи, все его поиски новых путей происходили на глазах у публики [Гаспаров: 420].

Интересно было бы также сравнить, каково было место Жуковского в изучавшихся нами и в программах и хрестоматиях по русской словесности, составленных после 1917 г., а в более длительной перспективе — как отличаются подходы к преподаванию творчества Жуковского в школе в XIX веке, в советской и в современной российской школе. Такое сопоставление могло бы быть полезным в изучении истории формирования русского литературного канона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

а) Постановления, программы, учебные пособия

1. Александров — Подробные правила и учебные программы женских гимназий и прогимназий Министерства Народного Просвещения со всеми последними дополнениями и разъяснениями / Сост. В. Александров. Одесса, 1910.
2. Алексеев 1916 — *Алексеев П.* Правила и программы всех классов реальных училищ ведомства Мин. Нар. Просвещения: Свод узаконений и распоряжений со всеми дополнениями и разъяснениями к ним. Одесса, 1916.
3. Алексеев 1917 — *Алексеев П.* Правила и программы всех классов мужских гимназий и прогимназий ведомства Мин. Нар. Просвещения: Свод узаконений и распоряжений со всеми дополнениями и разъяснениями к ним. Одесса, 1917.
4. Аржавин — Сборник «Из области русской словесности» № 12: Стихотворения В. А. Жуковского / Приспособил для классного чтения и перевода на немецкий язык А. А. Аржавин. Дерпт, 1890.
5. Басистов — *Басистов П. Е.* Для чтения и рассказа. Хрестоматия для употребления при первоначальном преподавании русского языка. М., 1870.
6. Буслаев — *Буслаев Ф.* Общий план и программы обучения языкам и литературе в женских средне-учебных заведениях. СПб., 1890.
7. Ведомость — Ведомость о результатах окончательных испытаний учеников гимназий и сторонних молодых людей, желавших поступить в университеты в июне месяце 1865 года // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1865. Ч. CXXXVIII. Отд. II. С. 1041–1045.
8. Водовозов 1885 — *Водовозов В. И.* Словесность в образцах и разборах. СПб., 1868. Изд. 5.

9. Водовозов 1895 — *Водовозов В.* Новая русская литература (от Жуковского до Гоголя включительно). СПб., 1895. Изд. 6.
10. Галахов 1859а — Полная русская хрестоматия: В 3 ч. / Сост. А. Галахов. М., 1859. Изд. 8, с перем. Ч. 1: Красноречие.
11. Галахов 1859б — Полная русская хрестоматия: В 3 ч. / Сост. А. Галахов. М., 1859. Изд. 8, с перем. Ч. 2: Поэзия.
12. Галахов 1859с — Полная русская хрестоматия: В 3 ч. / Сост. А. Галахов. СПб., 1859. Изд. 8, с перем. Ч. 3: Примечания.
13. Галахов 1861 — *Галахов А.* Историческая хрестоматия нового периода русской словесности: От Петра I до нашего времени: В 2 т. СПб., 1861–1864. Т. 1: От Петра I до Карамзина. 1861.
14. Галахов 1864 — *Галахов А.* Историческая хрестоматия нового периода русской словесности: От Петра I до нашего времени: В 2 т. СПб., 1861–1864. Т. 2: От Карамзина до Пушкина. 1864.
15. Галахов 1865 — *Галахов А.* О программах преподавания русского языка с церковнославянским и словесности в гимназиях // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1865. Ч. СХХVIII. Отд. I. С. 313–319.
16. Галахов 1889а — *Галахов А.* Русская хрестоматия: В 2 т. СПб., 1889. Т. 1.
17. Галахов 1889б — *Галахов А.* Русская хрестоматия: В 2 т. СПб., 1889. Т. 2.
18. Галахов 1894 — *Галахов А.* История русской словесности, древней и новой: Пособие для гимназий и прогимназий: В 2 т. М., 1894. Изд. 3. Т. 2: От Карамзина до Пушкина.
19. Галахов 1891 — *Галахов А.* История русской словесности: Учебник для средних учебных заведений. СПб., 1891. Изд. 7.
20. Галахов 1912 — *Галахов А.* Русская хрестоматия. М., 1912. Изд. 35.
21. Галахов 1915 — *Галахов А.* Русская хрестоматия. М., 1915. Изд. 38.
22. Ган — *Ган И. К.* Правила и программы для поступающих в 5-й класс (курс четвертого класса) мужских гимназий и прогимназий с позднейшими дополнениями и разъяснениями министерства народного просвещения). Вильна, 1911. Изд. 2, испр. и доп.
23. Горбунов — *Горбунов П.* Программы и учебные планы мужских гимназий и прогимназий, с объяснительными записками министерства народного просвещения к преподаванию, уставом гимназий, всеми вышедшими по 1 февраля 1911 г дополнениями, распоряжениями и разъяснениями,

указанием принятых по классам учебников, правилами об испытаниях: приемных, переводных, зрелости. М., 1911–1912.

24. Греч 1812 — *Греч Н.* Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе. С прибавлением известий о жизни и творениях писателей, которых труды помещены в сем собрании. Изданы Николаем Гречем, старшим учителем русского языка в главном Немецком училище Св. Петра, и членом СПб. Вольного Общества Любителей Словесности, Наук и Художеств. СПб., 1812.
25. Греч 1819 — *Греч Н.* Учебная книга Российской словесности или избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики, и истории российской словесности: В 4 ч. / Изд. Н. Гречем. СПб., 1819–1822. Ч. 1. 1819.
26. Греч 1822a — *Греч Н.* Учебная книга Российской словесности или избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики, и истории российской словесности: В 4 ч. / Изд. Н. Гречем. СПб., 1819–1822. Ч. 4. 1822.
27. Греч 1822b — *Греч Н.* Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822.
28. Греч 1830 — *Греч Н.* Учебная книга русской словесности: В 4 ч. СПб., 1830. Изд. 2. Отд. 1: Проза. Ч 2.
29. Грунский — *Грунский Н.* О проектируемой Ученым комитетом Мин. Нар. Просв. программе русской словесности для средн.-учебных заведений: Отзыв, составленный по предложению г. попечителя Рижского учебного округа для представления в Учен. комитет Мин. н. пр. Юрьев, 1906.
30. Дополнения — Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству Народного Просвещения. СПб., 1867.
31. Законы 1830 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1830. Т. 3. 1828 г.
32. Законы 1850 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1850. Т. 24. Отд. I. 1849.
33. Марголин — Программы и правила высших начальных училищ: С приложением закона и положения о высших начальных училищах 25 июня

- 1912 г. и программ и правил для испытания на звание учителя и учительницы высшего начального училища / Сост. Д. Марголин. Киев, 1915. Изд. 4, испр. и доп.
34. Орлов — Новейшие учебные планы, правила и программа с объяснительными записками мужских гимназий и прогимназий ведомства Мин. Нар. Просвещения с дополнениями и разъяснениями вышедшими по 1 апреля 1908 г. / Сост. Орлов. СПб., 1908.
35. Павловский — *Павловский И. Я.* Русская хрестоматия. Митава, 1842.
36. Паульсон — Книга для чтения и практических упражнений в русском языке: Учебное пособие для народных училищ, одобренное учебным комитетом главного правления училищ / Сост. И. Паульсон. СПб., 1861. Изд. 2.
37. Пенинский 1834 — *Пенинский И.* Российская хрестоматия, или отборные сочинения отечественных писателей в прозе и стихах. СПб., 1834.
38. Пенинский 1837 — *Пенинский И.* Российская хрестоматия, или отборные сочинения отечественных писателей в прозе и стихах: В 2 ч. СПб., 1837. Изд. 2.
39. Петухов — *Петухов Е. В.* Несколько замечаний по поводу осмотра средних учебных заведений Рижского учебного округа со стороны преподавания в них русского языка и словесности в 1910–1911 учебном году // К вопросу качественного подъема средней школы: Ревизионные отчеты гг. профессоров Императорского Юрьевского университета. Рига, 1912.
40. План — План и распределение преподавания наук в высших народных училищах, гимназиях и прогимназиях, на основании проекта устава низших и средних училищ, состоящих в ведомстве Мин. Нар. Просвещения. СПб., 1860.
41. Полевой 1878 — *Полевой П.* История русской литературы в очерках и биографиях. СПб., 1878.
42. Полевой 1898 — *Полевой П.* Учебная русская хрестоматия с толкованиями: Часть первая: Младший возраст. СПб., 1898. Изд. 32.
43. Полевой 1902 — *Полевой П.* Учебная русская хрестоматия с толкованиями: Часть первая: Младший возраст. СПб., 1902. Изд. 34.

44. Поливанов — *Поливанов Л.* Русская хрестоматия для двух первых классов средних учебных заведений. М., 1894.
45. Постановления 1865 — Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. СПб., 1865. Т. 3: Царствование императора Александра II. 1855–1864.
46. Постановления 1877 — Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. СПб., 1877. Т. 5: Царствование императора Александра II. 1871–1873.
47. Постановления 1894 — Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. СПб., 1894. Т. 10: Царствование императора Александра II. 1885–1888.
48. Программа 1860 — Программа учебным предметам для военно-учебных заведений и гимназий. СПб., 1860.
49. Программа 1898 — Общая программа и инструкция для преподавания учебных предметов в кадетских корпусах. СПб., 1898.
50. Программы 1872 — Программы предметов учебного курса городских по Положению 31-го мая 1872 года училищ.
51. Программы 1905 — Программы домашнего чтения. На четвертый год систематического курса. М., 1905.
52. Реймерс, Малиновский 1881 — Русская хрестоматия: Книга для чтения и переводов в низших классах гимназии, в уездных училищах и других учебных заведениях / Сост. В. И. Реймерс и И. И. Малиновский. Рига, 1881.
53. Реймерс, Малиновский 1887 — Русская хрестоматия: Книга для чтения и переводов в низших классах гимназии, в уездных училищах и других учебных заведениях / Сост. В. И. Реймерс и И. И. Малиновский. Рига, 1887. Изд. 3.
54. Требования — О требовании от ищущих звания Домашних Учительниц в Прибалтийских Губерниях сведений в Русском языке // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1853. Ч. LXXIX. Отд. I. С. 25–26.
55. Уваров — Циркулярное предложение г. управляющего Министерством народного просвещения начальствам учебных округов о вступление в

- управление министерством // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1834. Ч. 1. Отд. 1. С. 57–58.
56. Ушинский 1861 — Детский мир и хрестоматия: Книга для классного чтения, приспособленная к постепенным умственным упражнениям и наглядному знакомству с предметами природы: В 2 ч. / Сост. К. Ушинский. СПб., 1861. Изд. 2.
57. Ушинский 1894 — *Ушинский К. Д.* Детский мир и хрестоматия. СПб., 1894.
58. Ушинский 1897 — Родное слово для детей младшего возраста: Год первый: Азбука и первая после азбуки книга для чтения с прописями, образцами для первоначальной рисовки с картинками в тексте / Сост. К. Ушинский. СПб., 1897.
59. Филонов 1873 — *Филонов А.* Русская хрестоматия, с примечаниями. Для высших классов средних учебных заведений: В 4 ч. СПб., 1873–78. Изд. 4, испр. Ч. 4: Проза. 1873.
60. Филонов 1875 — *Филонов А.* Русская хрестоматия, с примечаниями. Для высших классов средних учебных заведений: В 4 ч. СПб., 1873–78. Изд. 4, испр. Ч. 1: Эпическая поэзия. 1875.
61. Филонов 1878 — *Филонов А.* Русская хрестоматия, с примечаниями. Для высших классов средних учебных заведений: В 4 ч. СПб., 1873–78. Изд. 4, испр. Ч. 2. 1878.
62. Шафранов, Николич — Русская хрестоматия для употребления в училищах Прибалтийских губерний: Часть первая: Проза / Сост. С. Шафранов, И. Николич. Ревель, 1865.
63. Niggol — Wene keele lugemise raamat sõnatstikuga. Eesti koolidele kokku säädnud C. H. Niggol. Tartu, 1883.

**б) Критическая, биографическая, мемуарная литература
и ранние исследования, ставшие источником сведений
для авторов школьных пособий**

64. Белинский 1955 — *Белинский В. Г.* Сочинения Александра Пушкина. Статья вторая // Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1953–1959. Т. 7. 1955. С. 132–222.

65. Белинский 1956 — *Белинский В. Г.* Письмо Н. В. Гоголю <20 апреля 1842 г.> // Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1953–1959. Т. 12. 1956. С. 107–109.
66. Буслаев — *Буслаев Ф. И.* Мои воспоминания // http://knigolubu.ru/russian_classic/buslaev_fi/moi_vospominaniya.2943/?page=75
67. Галахов 1852 — *Галахов А.* Василий Андреевич Жуковский. Материалы для определения его литературной деятельности. Статья первая // Отечественные записки. 1852. Т. 85. Отд. 2. С. 35–50.
68. Галахов 1853 — *Галахов А.* Василий Андреевич Жуковский. Материалы для определения его литературной деятельности. Статья вторая // Отечественные записки. 1853. Т. 88. Отд. 2. С. 55–78.
69. Галахов 1999 — *Галахов А. Д.* Записки человека. М., 1999.
70. Греч 1930 — *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930.
71. Давыдов — *Давыдов И. И.* Памяти В. А. Жуковского // Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. СПб., 1852. Т. 1. С. 135–145.
72. Загарин — *Загарин П.* (Поливанов). В. А. Жуковский и его произведения. М., 1883.
73. Зейдлиц — *Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия Жуковского. СПб., 1883.
74. Зонтаг — *Зонтаг А. П.* Несколько слов о детстве Жуковского // В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999.
75. Карамзин — *Карамзин Н. М.* Отчего в России мало авторских талантов? // Собрание сочинений: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 123–126.
76. Кирпичников — *Кирпичников А. И.* Очерки по истории новой русской литературы: В 2 т. М., 1903. Т. 1.
77. Памятник — Памятник Жуковскому в Поречье // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1853. Ч. 78. Отд. VII. С. 55.
78. Плетнев — *Плетнев П. А.* Чтение о В. А. Жуковском // Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. СПб., 1852. Т. 1. С. 146–162, 193–206, 257–273.
79. Рецензия — *И. Г.* О жизни и сочинениях Василия Андреевича Жуковского. П. А. Плетнева. СПб., 1853. 188 стр, в 12 д. л. // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1854 Ч. 81. Отд. VI. С. 141–166.

80. Толстой — *Толстой Л. Л.* Памяти Л. И. Поливанова // Русские ведомости. 1899. № 54. С. 4. (Цит. по: *Шарапова Е. Л.* Гуманистическая направленность педагогической концепции Л. И. Поливанова. Автореферат дис. на соиск. уч. степ. канд. педагогич. наук. Смоленск, 2002.)
81. Шишков 1824 — *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка. Прибавление к сему сочинению или собрание критик, изданных на сию книгу с примечаниями на оныя // Собрание сочинения и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской академии президента и разных ученых обществ члена: В 17 ч. СПб., 1818–1834. Ч. II. 1824. С. 1–466.
82. Шишков 1825 — *Шишков А. С.* Разсуждение о красноречии Священного Писания, и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила Российского языка, и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно, читанное в годичное Императорской Российской Академии собрание, бывшее в 3-й день Декабря 1810 года // Собрание сочинения и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской академии президента и разных ученых обществ члена: В 17 ч. СПб., 1818–1834. Ч. IV. 1825. С. 22–107.
83. Шишков 1868 — Записки адмирала Александра Семеновича Шишкова. М., 1868.

Исследования

84. Алешинцев — *Алешинцев И.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб., 1912.
85. Богданова и др. — *Богданова О. Ю., Леонов С. А., Чертов В. Ф.* Методика преподавания литературы. М., 1999.
86. Бороздин — *Бороздин А.* Шишков (Александр Семенович) // Энциклопедический словарь: В 86 т. / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1890–1907. Т. XXXIXa (78). 1903. С. 611–615.
87. Вдовин — *Вдовин А.* База данных по русским и провинциальным учебным хрестоматиям 1800–1905 // Ruthenia.
http://www.ruthenia.ru/canon/hrestomatii_version_29_11_2013_s_filtrami.xls

88. Вдовин, Лейбов 2013 — *Вдовин А. В., Лейбов Р. Г.* Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX столетия // *Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон.* Тарту, 2013. С. 7–34.
89. Вдовин, Лейбов 2014 — *Вдовин А. В., Лейбов Р. Г.* Пушкин в школе: curriculum и литературный канон в XIX в. // *Лотмановский сборник.* М., 2014. Вып. 4. С. 249–261.
90. Венгеров — *Венгеров С.* Галахов (Алексей Дмитриевич) // *Энциклопедический словарь: В 86 т. / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон.* СПб., 1890–1907. Т. VIIa (14). 1892. С. 890.
91. Веселовский — *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». М., 1999.
92. Вольпе — *Вольпе Ц. С.* Жуковский // *История русской литературы: В 10 т.* М.; Л., 1941–1956. Т. V: Литература первой половины XIX века. Ч. 1. 1941. С. 355–391.
93. Гаспаров — *Гаспаров М. Л.* Брюсов-стиховед и Брюсов-стихотворец // *Избранные труды: В 3 т.* М., 1997. Т. 3: О стихе: Ритмика. Рифма. Строфика. Вероятностная модель стиха. Блок. Пастернак. Маяковский. Стиховеды-стихотворцы. С. 399–422.
94. Гетманская — *Гетманская Е.* Преемственность среднего и высшего литературного образования в российской традиции: Программа спецкурса. М., 2012.
95. Гузаиров 2007 — *Гузаиров Т.* Жуковский и бородинские торжества 1839 г. // *Пушкинские чтения в Тарту 4: Пушкинская эпоха: Проблемы рефлексии и комментария: Материалы международной конференции.* Тарту, 2007. С. 318–330.
96. Гузаиров 2009 — *Гузаиров Т.* Открытие Александровской колонны в Петербурге: продуманный сценарий и неожиданный эффект // *Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VII (Новая серия): К 80-летию со дня рождения Зары Григорьевны Минц; К 85-летию со дня рождения Юрия Михайловича Лотмана.* Тарту, 2009. С. 111–127.

97. Знаменский — *Знаменский С.* Средняя школа за последние годы: Ученические волнения 1905–1906 г. и их значение: Общий очерк и материалы. СПб., 1909.
98. Зыкова — *Зыкова Г. В.* Ростовцев Яков (Иаков) Иванович // Русские писатели: 1800–1917. Библиографический словарь. М., 1992–... Т. 5: П–С. 2007. С. 363–366.
99. Каптерев — *Каптерев П. Ф.* История русской педагогики. М., 1982.
100. Карпов — *Карпов А. А.* Греч Николай Иванович // Русские писатели: 1800–1917. Библиографический словарь. М., 1992–... Т. 2: Г–К. 1992. С. 18–21.
101. Кийко — *Кийко Е. И.* Галахов Алексей Дмитриевич // Русские писатели: 1800–1917. Библиографический словарь. М., 1992–... Т. 1: А–Г. 1992. С. 513–515.
102. Киселева 2001 — *Киселева Л. Н.* Пушкин и Жуковский в 1830-е годы (точки идеологического сопряжения) // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 7 / Под ред. Дэвида М. Бетеа, А. Л. Осповата, Н. Г. Охотина и др. М., 2001. С. 171–185 // Ruthenia. <http://www.ruthenia.ru/document/531874.html>
103. Киселева 2013 — *Киселева Л.* «Неканоничный» канонический текст («Боже, царя храни» В. А. Жуковского в дореволюционной школе) // Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX века и поэтический канон: Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение IX / Acta Slavica Estonica, IV. Тарту, 2013. С. 89–105.
104. Лану — *Лану А.* Формирование канона русского романтизма // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 35–67.
105. Лебедева — *Лебедева О. Б.* Принципы романтического житнетворчества в дневниках В. А. Жуковского // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М., 1999–... Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833 гг. / Сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. М., 2004. С. 420–442.
106. Лейбов — *Лейбов Р.* Художественный текст как механизм репликации и «Золотой век» русской литературы // Пушкинские чтения в

- Тарту 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: К 85-летию Ларисы Ильиничны Вольперт: В 2 ч. Тарту, 2011. С. 15–31.
107. Лотман — *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.
  108. Львов — *Львов Б.* Пенинский Иван Степанович // Русский биографический словарь. СПб., 1896–1913. (Репринт: М., 2000.) Т.: Павел, преп. – Петр (Илейка). 1902. С. 485–486.
  109. Мордовченко — *Мордовченко Н. И.* Журналистика начала XIX века // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1941–1956. Т. V: Литература первой половины XIX века. Ч. 1. 1941. С. 42–52.
  110. Оловяннаякова — *Оловяннаякова И. П.* Поливанов Лев Иванович // Русские писатели: 1800–1917. Библиографический словарь. М., 1992–... Т. 5: П–С. 2007. С. 46–47.
  111. Рейтблат — *Рейтблат А. И.* Полевой Петр Николаевич // Русские писатели: 1800–1917. Библиографический словарь. М., 1992–... Т. 5: П–С. 2007. С. 38–40
  112. Рооп — *Roop Л.* Жуковский в Эстонии и в эстонском культурном контексте в XIX – начале XX вв. / Выпускное сочинение на соискание ученой степени *baccalaureus atrium*. Тарту, 2007.
  113. Семенко 1970 — *Семенко И. М.* Поэты пушкинской поры. Л., 1970.
  114. Семенко 1975 — *Семенко И. М.* Жизнь и поэзия Жуковского. М., 1975.
  115. Сенькина — *Сенькина А.* Изящная словесность как дидактический материал: к истории русской литературной хрестоматии (первая половина XIX в.) // Acta Slavica Estonica, IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту, 2013. С. 35–54.
  116. Серебренников — *Серебренников Н.* Примечания к стихотворению «Русская слава» // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М., 1999–... / Ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. Т. 2: Стихотворения 1815–1852 годов. 2000. С. 668–669.
  117. Словарь — Борн Иван Мартынович // Русский биографический словарь. СПб., 1896–1913. Т.: Бетанкур – Бякстер. 1908. С. 252.

118. Смусина — *Смусина М.* Списки Галахова // Санкт-Петербургские ведомости. 2012. Вып. 162. 28 авг.
http://www.spbvedomosti.ru/print.htm?id=10291265@SV_Articles
119. *Шарапова Е. Л.* Гуманистическая направленность педагогической концепции Л. И. Поливанова / Автореферат дис. на соиск. уч. степ. канд. педагогич. наук. Смоленск, 2002.
120. Щерба — *Щерба Вл.* Из истории русской школы. Ростов-на-Дону, 1904.
121. Янушкевич 1988 — *Янушкевич А. С.* В. А. Жуковский: семинарий. М., 1988.

KOKKUVÕTE

V. Žukovski loomingu käsitus XIX sajandi Venemaa gümnaasiumides

Antud töö eesmärgiks oli uurida V. Žukovski teoste ja biograafia käsitluse ja õpetamise eripärasid XIX sajandi Venemaa gümnaasiumides. Uurimustöö koosneb sissejuhatuses, kolmest peatükist ja kokkuvõttest. Tööle on lisatud kaks tabelit ja kasutatud kirjanduse nimekiri. Sissejuhatuses on püstitatud uurimustöö eesmärgid: teha kindlaks, missugune oli V. Žukovski koht vene kirjanduslikus koolikaanonis, koostada XIX sajandi Venemaa gümnaasiumides kasutatavates lugemisraamatutes sisalduvate V. Žukovski tekstide nimekiri, kirjeldada muutusi selles nimekirjas, mis erinevates koolihariduse etappides aset leiavad, interpreteerida neid muutusi. Sissejuhatuses on esitatud ka põgus ülevaade teadustöödest, mis on seotud käesoleva uurimuse teemaga. Uurimustöö käigus kasutatakse kontekstuaalse analüüsi meetodit. Esimene peatükk on pühendatud Venemaa gümnaasiumide ajaloo ülevaatele ja erineva aja kooliõppekavade võrdlusele V. Žukovski teoste olemasolu vaatepunktist. Teises peatükis analüüsitakse 13 XIX sajandi Venemaa algklassides kasutatavat gümnaasiumide koolilugemikku, tuuakse välja lugemike autorite kontseptsioon ja lugemike ülesehitus, võrreldakse omavahel lugemisraamatuid V. Žukovski tekstide valiku vaatevinklist lähtuvalt. V. Žukovski teosed satuvad juba kõige varasemasse koolilugemikku ning edaspidi leidub neid peaaegu kõikides gümnaasiumi lugemisraamatutes. Teise peatüki järel on toodud tabel, milles on järjestatud kõik V. Žukovski teosed, mis olid esitatud XIX sajandi Venemaa gümnaasiumide algklasside lugemikes, mida antud peatükis käsitletakse. Järeldusena tuuakse välja analüüsi tulemused: selgus, et kõige populaarsemad V. Žukovski tekstid lastelugemikes on „Hiirte ja konnade sõda“ («Война мышей и лягушек»), „Hommikutäht“ («Утренняя звезда»), „Kannitferštan“ («Каннитферштан»), „Lõoke“ («Жаворонок»), „Suveõhtu“ («Летний вечер»). Kolmandas peatükis vaadeldakse 9 XIX sajandi Venemaa gümnaasiumide vanematele klassidele mõeldud lugemisraamatuid ja õpikuid ning kajastatakse V. Žukovski biograafia käsitlust nendes õppevahendites. Uuringu tulemusena selgub, et V. Žukovski biograafia kooli õppevahendites muutub aegamööda: esimeses tuntud koolilugemikus on toodud vaid lühike ametlik elulugu, kus on kirjeldatud vaid tema teenistuskäiku,

XIX sajandi lõpupoole kooliraamatutes on esitatud juba poeedi isiklik elulugu, mis on nüüd tähtsam kui tema teenistuskäik ja karjäär. Andmed kõige populaarsematest V. Žukovski tekstidest, mis leiduvad XIX sajandi Venemaa gümnaasiumide vanematele klassidele mõeldud lugemikes, on välja toodud kolmandale peatükile järgnevas tabelis. Uurimustöö tulemusena selgus, et kõige populaarsed tekstid kirjeldatud lugemikes on „Laulja vene sõdurite leiris“ («Певец во стане русских воинов»), „Külakalmistu“ («Сельское кладбище»), „Kaksteist magavat neitsi“ («Двенадцать спящих дев»), „Orleani neitsi“ («Орлеанская дева»), „Rafaeli Madonna“ («Рафаэлева Мадонна»). Kokkuvõttes on toodud uurimustöö kõige olulisemad probleemipüstitused ja järeldused ning välja pakutud teema võimalikud edasiarendused.

Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja lõputöö üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina, Olga Fraiman (isikukood 48306032727),
(*autori nimi*)

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihtlitsentsi) enda loodud teose

V. Žukovski loomingu käsitus XIX sajandi Venemaa gümnaasiumides
(Подход к творчеству В. А. Жуковского в русских гимназиях XIX века)

(*lõputöö pealkiri*)

mille juhendaja on prof. Ljubov Kisseljova
(*juhendaja nimi*)

- 1.1.reprodutseerimiseks säilitamise ja üldsusele kättesaadavaks tegemise eesmärgil, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace-is lisamise eesmärgil kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni;
- 1.2.üldsusele kättesaadavaks tegemiseks Tartu Ülikooli veebikeskkonna kaudu, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace'i kaudu kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni.
2. olen teadlik, et punktis 1 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.
3. kinnitan, et lihtlitsentsi andmisega ei rikuta teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse seadusest tulenevaid õigusi.

Tartus, 30.05.2016

Olen magistritöö kirjutanud iseseisvalt. Kõigile töös kasutatud teiste autorite töödele, põhimõtteliste seisukohtadele ning muudest allikaist pärinevatele andmetele on viidatud.

Autor: Olga Fraiman

.....

(allkiri)

.....